

OLMABERIE

1882-1883

1882-1883

1882-1883

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО

ВЪ 12-ТИ ТОМАХЪ.

Подъ редакціей, съ біографическимъ очеркомъ
и примѣчаніями

проф. А. С. Архангельскаго.

Съ приложеніемъ портрета Жуковскаго, гравированнаго на стали,
и его факсимиле.

УІІІ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ за 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

<http://rcin.org.pl>

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОПЛИНЕНИИ
В. А. ЖУКОВСКОГО

ВЪ 12-ТИ ТОМЪХЪ.

Издано в типографии А. Ф. Маркса в Измайловском проспекте.

Проф. А. С. Архангельский.

Содержит: 1. Описание жизни и деятельности Жуковского. 2. Описание его литературной деятельности. 3. Описание его педагогической деятельности. 4. Описание его общественной деятельности.

ИИ

Типография А. Ф. МАРКСА, Измайловскій просп., № 29.

<http://rcin.org.pl>

О Д И С С Е Я.

пѣснь шестнадцатая.

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать седьмой день.

Телемакъ приходитъ въ жилище Эвмея, который принимаетъ его съ несказанною радостію. Онъ посылаетъ Эвмея въ городъ возвѣстить Пенелопѣ о возвращеніи сына. Одиссей, повинаясь Аоніѣ, открывается Телемаку; они обдумываютъ вмѣстѣ, какъ умертвить жениховъ. Си послѣдніе тѣмъ временемъ, подстрекаемые Антиномемъ, составляютъ заговоръ противъ Телемаковой жизни; но Амфиномъ совѣтуетъ имъ напередъ узнать волю Зевеса. Пенелопа свѣдавъ о ихъ замыслѣ, дѣлаетъ упреки Антиною; Эвримахъ лицемерно старается ее успокоить. Эвмей возвращается въ хижину.

Тою порою Одиссей съ свинопасомъ божественнымъ, рано вставъ и огонь разложилъ, приготовили завтракъ. Насытись вдоволь, на паству погнали свипей пастухи. Къ Телемаку Бросились дружно па встрѣчу Эвмеевы злыя собаки; 5 Ластись къ идущему, прыгали дикіе звѣри; услышавъ топотъ двухъ ногъ, подходящихъ поспѣшно, Лазртовъ разумный Сынъ, изумившійся, бросилъ крылатое слово Эвмею: Слышишь ли, добрый хозяинъ? Тамъ кто-то идетъ, твой товарищъ Или знакомецъ; собаки па встрѣчу бѣгутъ и, не лая, 10 Манутъ хвостами; шаги подходящаго явственно слышу. Слово онъ еще не докончилъ, какъ въ двери вошелъ, онъ увидѣлъ,

Сынъ; въ изумленіи вскочилъ свинопасъ; уронилъ изъ обѣихъ Рукъ онъ сосуды, въ которыхъ студеную смѣшивалъ воду Съ свѣтлопурпурнымъ виномъ. Къ своему господину на встрѣчу 15 Бросясь, онъ голову, свѣтлыя очи и милья руки Стать у него дѣловать, и изъ глазъ полилися ручьями Слезы; какъ пѣкный отецъ съ несказанной любовью ласкаетъ Сына, который пезапно явился ему черезъ двадцать Лѣтъ по разлукѣ—единственный, поздно рожденный имъ, долго 20 Жданный въ печалѣ—съ такой свинопасъ Телемака любовью, Крѣпко обнявши, всего дѣловать, какъ воскресшаго; плача Взрыдъ, своему господину онъ бросилъ крылатое слово: Ты ль, ненаглядный мой свѣтъ, Телемакъ, возвратился? Тебя я, Въ Нилосѣ отплавившаго, видѣть уже не надѣялся болѣ. 25 Милости просимъ, войди къ намъ, дитя мое милое; дай мнѣ Очи тобою насладить, возвратившимся въ домъ свой; донынѣ Въ поле не часто къ своимъ пастухамъ приходилъ ты; но болѣ Въ городѣ жилъ межъ народа: знать, было тебѣ неирогвию Видѣть, какъ въ домъ твоёмъ безъ стыда женихи бунтовали. 30 Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ такъ свинопасу: Правду сказалъ ты, отецъ; но теперь для тебя самого я

Здѣсь: повидаться пришелъ я съ тобою,
 Эвмей, чтобъ провѣдать
 Дома ль еще Пенелопа, плъ бракомъ уже
 сочеталась
 Съ кѣмъ изъ своихъ жениховъ, Одиссею
 жъ ложе пустое
 25 Въ спальной стоитъ одиноко, покрытое
 злой паутиной?
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ свинопасъ
 богоравный:
 Вѣрность тебѣ сохраняя, въ жилищѣ
 твоёмъ Пенелопа
 Ждетъ твоего возвращенья съ тоскою
 великой и тратить
 Долгіе дни и безсонныя ночи въ слезахъ
 и печали.
 40 Такъ говоря, у него онъ копье мѣдно-
 острое принялъ;
 Въ домъ тутъ вступилъ Телемакъ, черезъ
 гладкій порогъ перешедши.
 Съ мѣста поспѣшно вкочилъ передъ нимъ
 Одиссей; Телемакъ же,
 Мѣсто отрeksiяся принять, Одиссею ска-
 заль: не трудися,
 Странникъ, сиди; для мѣня ужъ конечно
 найдется мѣстечко
 45 Здѣсь; мнѣ очистить его не замедлитъ
 нашъ умный хозяинъ.
 Такъ онъ сказалъ; Одиссей возвратился
 на мѣсто; Эвмей же
 Прутьевъ зеленыхъ охапку принесъ и
 покрылъ ихъ овчиной;
 Сынъ Одиссеевъ возлюбленный сълъ па-
 нес; деревянный
 Съ мясомъ, отъ прошлаго дня сбережен-
 нымъ, подносъ передъ мильмъ
 50 Гостемъ поставилъ усердный Эвмей сви-
 нопасъ, и корзину
 Съ хлѣбомъ большую принесъ и напол-
 нилъ до самаго края
 Вкусномедвянымъ виномъ деревянную
 чашу. Потомъ онъ
 Сълъ за готовый обѣдъ съ Одиссеемъ
 божественнымъ рядомъ.
 Подняли руки они къ приготовленной
 пищѣ; когда же
 55 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ слад-
 кимъ питьемъ и вѣдою,

Такъ свинопасу сказалъ Телемакъ бого-
 равный: отецъ мой,
 Кто чужеземный твой гость? На какомъ
 кораблѣ онъ въ Итаку
 Прибылъ? Какіе его привезли корабель-
 цики? Въ край нашъ
 (Это конечно я знаю и самъ) не пѣш-
 комъ же пришелъ онъ.
 60 Такъ отвѣчалъ Телемаку Эвмей, свинопасъ
 богоравный:
 Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты
 всю истину вѣдать;
 Онъ уроженецъ широковравиннаго острова
 Крита,
 Многихъ людей города, говоритъ, иосѣ-
 тилъ и немало
 Странствовалъ: такъ для него ужъ судь-
 биною сѣтано было.
 65 Нынѣ жъ, бѣжавъ съ корабля отъ ес-
 протовъ, людей злоковарныхъ,
 Въ хижину нашу пришелъ онъ; тебѣ я
 его уступаю;
 Дѣлай, что хочешь: твоей онъ защитѣ
 себя повѣряетъ.
 Сынъ Одиссеевъ разумный отвѣтствовалъ
 такъ свинопасу:
 Добрый Эвмей, ты для сердца печальное
 слово сказалъ мнѣ;
 70 Какъ же могу я въ свой домъ пригла-
 сить твоего чужеземца?
 Я еще молодъ; еще я своєю рукой не
 пытался
 Дерзость врага наказать, мнѣ нанесшаго
 злую обиду;
 Мать же, разсудкомъ и сердцемъ колеб-
 лясь, не знаетъ, что выбрать,
 вмѣстѣ ль со мною остаться и домъ со-
 держать нашъ въ порядкѣ,
 75 Честь Одиссеева ложа храпа и молву
 уважая,
 Иль наконецъ предпочесть изъ ахейцевъ
 того, кто усерднѣй
 Ищетъ супружества съ ней и дары ей
 щедрѣе приноситъ;
 Но чужеземцу, котораго гостемъ ты при-
 нять, охотно
 Мантію я подарю и красивый хитонъ и
 подошвы

80 Ноги обути; да и мечь отъ меня онъ
получить двуострый;
Послѣ и въ сердцемъ желанную землю
его я отправлю;
Пусть онъ покуда живеть у тебя, уго-
щаемый съ лаской;
Плате жъ сюда я немедля пришло и съ
запасомъ для вашей
Пищи, дабы отъ убытка избавить тебя и
домашнихъ.
85 Въ городъ ходитъ къ женихамъ я ему
не совѣтую; слишкомъ
Буйны они и въ поступкахъ своихъ не-
обузданно дерзки;
Могутъ обидѣть его, для меня бы то было
прескорбно;
Самъ же я ихъ укротить не могу: про-
тивъ многихъ и самый
Сильный безсиленъ, когда онъ одинъ; ихъ
число тамъ велико.
90 Царь Одиссей хитроумный отвѣтствовалъ
такъ Телемаку:
Если позволишь ты мнѣ, мой прекрас-
ный, сказать откровенно—
Милымъ я сердцемъ жестоко досадую,
слыша, какъ много
Вамъ женихи незаконные здѣсь оскор-
бленій наносятъ,
Домъ захвативши такого, какъ ты, моло-
дого героя;
95 Знать бы желалъ я, ты самъ ли то волею
сносишь? Народъ ли
Вашей земли ненавидитъ тебя, по вну-
шенію бога?
Или, быть можетъ, ты братьевъ винишь,
на которыхъ отважность
Мужъ полагается каждый, при общемъ
великомъ раздорѣ?
Если бѣ имѣлъ я и свѣжую младость
твою и отважность—
100 Или когда бы возлюбленный сынъ Оди-
сеевъ, иль самъ онъ,
Странствуя, въ домъ возвратился (еще
не пропала надежда)—
Первому встрѣчному голову мнѣ бы отсѣчь
я позволилъ,
Если бы, имъ па погибель, одинъ не
рѣшился пропикнуть

Въ домъ Одиссея Лаэртова сына, чтобъ
выгнать оттуда
105 Шайку ихъ. Если бѣ одинъ я съ толпой
и не сдѣлалъ, то все же,
Было бы лучше мнѣ, въ домѣ моемъ
пораженному, встрѣтить
Смерть, чѣмъ свидѣтелемъ быть тамъ без-
чинныхъ поступковъ и видѣть,
Какъ въ немъ они обижаютъ гостей,
какъ рабынь принуждаютъ
Ихъ угождать вождельніямъ гнуснымъ въ
обителяхъ царскихъ,
110 Какъ расточаютъ и хлѣбъ и вино, без-
пощадно запасы
Всѣ истребляя, и главнаго дѣла окончить
не мысля.
Добрый нашъ гость, отвѣчалъ разсуди-
тельный сынъ Одиссеевъ:
Все расскажу откровенно, чтобъ могъ ты
всю истину вѣдать;
Нѣтъ! ни мятежный народъ не враждуетъ
со мною, ни братьевъ
115 Также моихъ не могу я винить, на
которыхъ отважность
Мужъ полагается каждый при общемъ
раздорѣ, понеже
Въ каждомъ колѣнѣ у насъ, какъ извѣстно,
всегда лишь одинъ былъ
Сынъ; одного лишь Лаэрта имѣлъ пра-
родитель Аркезій;
Сынъ у Лаэрта одинъ Одиссей; Одиссей
равнобѣрно
120 Прижилъ меня одного съ Пенелопой
И былъ я младенцемъ
Здѣсь имъ оставленъ, а домъ нашъ за-
грабили хищные люди.
Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ
знамениты и сильны,
Первые люди Дулихія, Зама, гѣснаго
Закиноа,
Первые люди Итаки утесистой мать
Пенелопу
125 Нудать упорно ко браку и наше имѣніе
грабятъ;
Мать же ни въ бракъ ненавистный не
хочетъ вступити, ни отъ брака
Средствъ не имѣетъ спастись; а они по-
жираютъ нещадно

Наше добро, и меня самого напоследокъ
погубятъ.

Но, конечно, того мы не знаемъ, то въ
лонѣ безсмертныхъ

130 Скрыто. Теперь побѣги ты, Эвмей, къ
Пенелопѣ разумной

Съ вѣстью о томъ, что изъ Пилоса я
невредимъ возвратился.

Самъ же останусь я здѣсь у тебя; при-
ходи къ намъ скорѣе.

Но берегись, чтобъ никто не провѣдалъ,
опричь Пенелопы,

Тамъ, что я дома: тамъ многіе смертію
мнѣ угрожаютъ.

135 Такъ Телемаку сказалъ ты, Эвмей, сви-
нопасъ богоравный:

Знаю, все знаю, и все мнѣ понятно; и
все, что велишь ты,

Будеть исполнено; ты же еще мнѣ скажи
откровенно,

Хочешь ли также, чтобъ съ вѣстью по-
шелъ я и къ дѣду Лаэрту?

Бѣдный старикъ! онъ до сихъ поръ, хотя
и скорбѣлъ о далекомъ

140 Сынъ, но все наблюдалъ за работами
въ полѣ и, голодъ

Чувствуя, ѣлъ за обѣдомъ и пилъ, какъ
бывало, съ рабами.

Съ той же поры, какъ пошелъ въ кораблѣ
чернобокомъ ты въ Пилосъ,

Онъ, говорятъ, ужъ не ѣсть, и не пьеть,
и его никогда ужъ

Въ полѣ никто не встрѣчаетъ, но, охая
тяжко и плача,

145 Дома сидитъ онъ, исчахлый, чуть ды-
шущій, кожа да кости.

Сынъ Одиссея разумный отвѣтствовалъ
такъ свинопасу:

Жаль! но его, какъ ни горько мнѣ это,
оставить должны мы;

Если бы все по желанію смертныхъ,
судьбинѣ подвластныхъ,

Дѣлалось, я пожелалъ бы, чтобъ прибылъ
отецъ мой въ Итаку.

150 Ты же, увидѣвши мать, возвратись, захо-
дить не заботясь

Въ поле къ Лаэрту, но матери можешь
сказать, чтобъ немедля,

Тайно отъ всѣхъ, и чужихъ и домаш-
нихъ, отравила къ дѣду

Ключницу нашу обрадовать вѣстью нежда-
ною старца.

Кончивъ, велѣлъ онъ идти свинопасу.
Взявъ въ руки подошвы.

155 Подъ ноги ихъ подвязалъ онъ и въ го-
родъ пошелъ. Отъ Аенпы

Не было скрыто, что домъ свой Эвмей,
удалаяся, покинулъ;

Тотчасъ явилась богиня, младую, пре-
красною, съ станомъ

Стройно-высокимъ, во всѣхъ рукодѣльяхъ
искусною дѣвой;

Въ двери вступивъ, Одиссею предстала
она; Телемаку жъ

160 Видѣть себя не дала, онъ ея не примѣ-
тилъ: не вѣзмъ намъ

Боги открыто являюся; по Одиссею могъ
очами

Ясно увидѣть ее, и собаки увидѣли
также:

Лаять не смѣя, онъ, завизжавъ, со двора
побѣжали.

Знакъ головою она подала. Одиссею, до-
гадавшись,

165 Вышелъ изъ хижины; подлѣ высокой
заграды богиню

Встрѣтилъ онъ; слово къ нему обращая,
сказала Аенпа:

Другъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ,
Одиссею благородный,

Можешь теперь ты открыться и все раз-
сказать Телемаку;

Оба, условясь, какъ женихамъ притото-
вить ихъ гибель,

170 Вмѣстѣ подите немедля вы въ городъ;
сама я за вами

Скоро тамъ буду, и мстительный бой
совершимъ совокупно.

Кончивъ, жезломъ золотымъ прикоснулася
она къ Одиссею:

Тотчасъ опрятнымъ и вымытымъ чисто
хитомъ покрылись

Плечи его; онъ возвышеннѣй сдѣлался
станомъ, моложе

175 Свѣтлымъ лицомъ, посмуглѣвшія щени
стали полибе;

Черной густой бородою покрылся его под-
бородок.
Собственный образъ ему возвративши,
богпня исчезла.
Въ хижицу снова вступила Одиссей;
Телемакъ, изумленный;
Очи потушилъ: онъ мыслилъ, что видитъ
безсмертнаго бога.
180 Въ страхѣ къ отцу обратися, онъ бро-
силъ крылатое слово:
Страшикъ, не въ прежнемъ теперь предо
мною ты являешься видѣ;
Платье не то на тебѣ, и советѣмъ измѣ-
нился твой образъ;
Вѣрно одинъ изъ боговъ ты, владыкъ
безпредѣльнаго неба;
Будь же къ намъ благостенъ; золота много
тебѣ принесемъ мы
185 Здѣсь съ экатомбой великой, а ты насъ,
могучій, помилуй.
Сылу отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ
испытаніяхъ твердый:
Нѣтъ, я не богъ; какъ дерзнулъ ты без-
смертнымъ меня угодить?
Я Одиссей, твой отецъ, за котораго съ
тяжкимъ вздыханьемъ
Столько обидъ ты терилъ, притѣсните-
лямъ злымъ уступая.
190 Кончивъ, съ любовію сына онъ сталъ
цѣловать, и съ рѣвницы
Пала на землю слеза — удержать онъ ее
былъ не въ силахъ.
По (что предъ нимъ былъ желанный
отецъ Одиссей, не повѣря)
Снова, ему возражая, сказалъ Телемакъ
богоравный:
Нѣтъ, не отецъ Одиссей ты, но демонъ,
своимъ чародѣйствомъ
195 Очи мои ослабнвшій, чтобъ послѣ я го-
рестивъ плакалъ;
Смертному мужу подобныхъ чудесъ совер-
шать невозможно
Собственнымъ разумомъ: можетъ лишь
богъ превращать во мгновение
Волей своей старика въ молодого и юношу
въ старца;
Былъ ты сначала старикъ, неоприятно
одѣтый; теперь же

200 Вижу, что свой ты богамъ, безпредѣльнаго
неба владыкамъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказала Одиссей
хитроумный:
Нѣтъ, Телемакъ, не чуждайся отца, воз-
вращеннаго въ домъ свой;
Также и бывшему чуду со мною не
слишкомъ дивися;
Къ вамъ никакой ужъ другой Одиссей,
говорю я, не будетъ
205 Кромѣ меня, претерпѣвшаго въ стран-
ствіяхъ много, и нынѣ
Волей боговъ приведеннаго въ землю
отцовъ черезъ двадцать
Лѣтъ. А мое превращеніе было богини
Аены,
Мощной добычницы, дѣло; возможно ей
все; превращенъ былъ
Прежде я въ стараго нищаго ею, потомъ
въ молодого,
210 Крѣпкаго мужа, носящаго чистое платье
на тѣлѣ;
Вѣчнымъ богамъ, безпредѣльнаго неба
владыкамъ, легко насъ
Смертныхъ людей пахлѣять и красой и
лицомъ безобразнымъ.
Такъ онъ отвѣтствовалъ, сѣлъ; Телемакъ
въ нескazanномъ волненіи
Пламенно обнялъ отца благороднаго съ
громкимъ рыданьемъ.
215 Въ сердце тогда имъ обоимъ пропнело
желаніе плача:
Подняли оба пронзительный вопль со-
крушенія; какъ стонеть
Соколъ или крутокогтистый орелъ, у
которыхъ охотникъ
Выкралъ еще некрылатыхъ птенцовъ изъ
роднаго гнѣзда ихъ,
Такъ, заливаясь слезами, рыдали они и
стонали
220 Громко: и въ плачѣ могло бь ихъ за-
стать заходящее солнце,
Если бы вдругъ не спросилъ Телемакъ,
обратясь къ Одиссею:
Какъ же, отецъ, на какомъ кораблѣ ты,
какою дорогой
Прибылъ въ Итаку? Кто были твои ко-
рабельщики? Въ край нашъ

(Это конечно я знаю и самъ) не пѣш-
комъ же пришелъ ты.
 225 Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ
испытаніяхъ твердый:
 Все я, мой сынъ, разскажу, ничего отъ
тебя не скрывая;
 Славные гости морей феакійцы меня
привезли къ вамъ;
 Всѣхъ, кто ихъ помощи просить, они
по морьямъ провожаютъ.
 Спалъ я, когда мы достигли Итаки, и
сонный былъ ими
 230 На берегъ вынесенъ (щедро меня, от-
пуская въ дорогу,
 Золотомъ, мѣдью и платьемъ богатымъ
они одарили:
 Все то по волѣ безсмертныхъ здѣсь спря-
тано въ гротъ глубокомъ).
 Приславъ сюда я богиней Аеинной за-
тѣмъ, чтобъ съ тобою
 Вмѣстѣ враговъ истребленіе здѣсь на
свободѣ устроить.
 235 Ты же теперь назови жениховъ и число
ихъ скажи мнѣ;
 Должно, чтобъ вѣдалъ я, кто и откуда
они, и какъ много
 Тамъ ихъ, дабы, все подробно обдумавъ
разсудкомъ и сердцемъ,
 Мы разрѣшили, возможно ль двоимъ,
никого не призвавши
 Въ помощь, ихъ всѣхъ одолѣть, или
другіе помощники нужны?
 240 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Теле-
макъ благородный:
 Слышалъ я много, отецъ, о дѣяньяхъ
твоихъ многославныхъ;
 Какъ ты разуменъ въ совѣтѣ, какой
копьевержецъ могучій—
 Но о несбыточномъ мнѣ ты теперь гово-
ришь, невозможно
 Двумъ намъ со всею толпою жениховъ
многосильныхъ бороться.
 245 Долженъ ты знать, что числомъ ихъ не
десять, не двадцать; гораздо
 Болѣе; всѣхъ перечестъ ихъ тебѣ я могу
по порядку;
 Слушай: пришло ихъ съ Дулихія острова
къ намъ пятьдесятъ два,

Знатны всѣ родомъ они, шесть служи-
телей съ ними; съ Закипеа
 Острова прибыло двадцать; а съ темно-
лѣсистаго Зама
 250 Двадцать четыре: всѣ знатныхъ отцовъ
сыновья; напоследокъ
 Къ нимъ мы и двадцать должны изъ
Итаки причестъ, при которыхъ
 Феміи, пѣвецъ богоравный, глашатай Ме-
донъ и проворныхъ
 Двое рабовъ, соблюдать за обѣдомъ по-
рядокъ искусныхъ.
 Если съ такою толпою бороться один
мы замыслимъ,
 255 Будетъ намъ мщеніе горько, возвратъ
твой погибеленъ будетъ;
 Лучше подумай о томъ, не найдется ль
помощникъ, который
 Могъ бы за насъ постоять, благосклонно
подавши намъ руку?
 Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ
испытаніяхъ твердый:
 Выслушай то, что скажу, и въ умѣ со-
храни, что услышишь:
 260 Если бѣ Кроніонъ отецъ и Паллада ве-
ликая были
 Наши помощники, стали ль тогда бѣ мы
прискивать новыхъ?
 Кончплъ. Ему отвѣчая, сказалъ Телемакъ
богоравный;
 Подлинно ты мнѣ надежныхъ помощни-
ковъ пазвалъ; высоко
 Правда они въ облакахъ обитаютъ; но
оба не намъ лишь
 265 Смертнымъ однимъ, но и вѣчнымъ бо-
гамъ всемогуществомъ страшны.
 Сыну отвѣтствовалъ такъ Одиссей, въ
испытаніяхъ твердый:
 Оба они не останутся долго отъ насъ въ
отдаленн
 Въ часъ воздаянья, когда у меня съ
женихамъ въ жилищѣ
 Царекомъ послѣдній Ареувъ расчетъ
смертоносный начнется.
 270 Завтра поутру, лишь только подымется
Эосъ, ты въ городъ
 Прямо пойдешь; тамъ останься въ толгѣ
жениховъ многобуйныхъ.

Позже туда я приду съ свинопасомъ
 Эвмеемъ подъ видомъ
 Старого нищаго въ рубинѣ бѣдномъ.
 Когда тамъ ругаться
 Станутъ они падо мною въ жилищѣ
 моемъ, не давай ты
 275 Милому сердцу свободы, и что бы ни
 терпѣль я, хотя бы
 За ногу вытащенъ былъ изъ палаты и
 выброшенъ въ двери,
 Или хотя бы въ меня чѣмъ швырнули—
 ты будь равнодушень.
 Можешь конечно сказать ипогда (чтобъ
 унять ихъ буйство)
 Кроткое слово, тебя не послушаютъ; бу-
 детъ напрасно
 280 Все: предназначенный день ихъ гибели
 близко; терпѣнье!
 Слушай теперь, что скажу, и замѣть про
 себя, что услышишь:
 Я, въ ту минуту, когда свой совѣтъ мнѣ
 на сердцѣ положить
 Втайнѣ Аѳина, тебѣ головою кивну; то
 замѣтя,
 Всѣ изъ палаты, какіе ни есть тамъ,
 dospѣхи Арся
 285 Вверхъ отнеси и оставь тамъ, ихъ кучею
 въ уголъ сложивши;
 Если жъ, примѣтивъ, что нѣтъ ужъ въ
 палатѣ тамъ бывшихъ оружій,
 Спросятъ о нихъ женихи, ты тогда от-
 вѣчай имъ: въ палатѣ
 Дымно; ужъ сдѣлался вовсе они не такія,
 какими
 Здѣсь ихъ отецъ Однесей, при отбытіи
 въ Трою, покинулъ:
 290 Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ копоти
 смрадной покрылись.
 Мнѣ же и высшую въ сердце влагаеть
 Зевесъ осторожность:
 Можетъ межъ вами отъ хмѣля вражда
 загорѣтся лихая;
 Кровью тогда сватовство и торжествен-
 ный пиръ осквернится:
 Само собой прилипастъ къ рукѣ роковое
 желѣзо.
 295 Намъ же двоимъ два копыя, два меча
 ты отложишь и съ ними

Два изъ воловьей кожи щита пригото-
 вишь, чтобъ въ руки
 Взять ихъ, когда нападеніе начнемъ;
 женихамъ же конечно
 Умъ ослѣплять всемогущій Зевесъ и Аѳина
 Паллада.
 Слушай теперь, что скажу, и замѣть
 про себя, что услышишь:
 300 Если ты въ правду мой сынъ и отъ крови
 моей приходишь,
 Тайну храни, чтобъ никто о моемъ воз-
 вращеніи не свѣдалъ
 Здѣсь, ни Лаэртъ мой отецъ, ни Эвмей
 свинопасъ, ни служитель
 Царскаго дома какой, ни сама Пенелопа;
 мы двое—
 Ты лишь да я—наблюдать за рабынями
 нашими будемъ;
 305 Также и многихъ рабовъ испуганью
 подвергнемъ, чтобъ свѣдать,
 Кто между ими тебя и меня уважаетъ
 и любитъ,
 Кто, насъ забывъ, оскорбляетъ тебя,
 столь достойнаго чести.
 Такъ, возражая отцу, отвѣчалъ Телемакъ
 многославный:
 Сердце мое ты, отецъ, уповаю я, скоро
 на самомъ
 310 Дѣлъ узнаешь; и духъ мой не слабымъ
 найдешь ты конечно.
 Думаю только, что опыту всѣхъ под-
 вергать бесполезно
 Будетъ для насъ; я объ этомъ тебя убѣ-
 ждаю размыслить:
 Много истратится времени, если испыты-
 вать всѣхъ ихъ,
 Каждаго порознь, пачнемъ мы тогда, какъ
 враги беззаботно
 315 Будутъ твой домъ разорять и твое до-
 стояніе грабить.
 Но я желаю и самъ, чтобъ, подвергнувши
 опыту женщинъ,
 Могъ отличить ты порочныхъ отъ чест-
 ныхъ и вѣрныхъ; рабовъ же
 Трудно испытывать всѣхъ, одного за
 другимъ, на работѣ
 Порознь живущихъ; то сдѣлаешь послѣ
 въ досужное время,

320 Если ужь подлинно знакъ ты имѣлъ отъ
владыки Зевеса.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя
ладко.
Тою порой крѣпкозданный корабль, Теле-
мака носившій
Въ Пилосъ съ дружиной, приблизился
къ берегу Итаки. Когда же
Въ пристань глубокую острова судно
ввели мореходцы,
325 На берегъ vzdвинутъ они поспѣшлиго
совокупной
Силою; а слуги проворные, судно советѣмъ
разгрузивши,
Въ Клитисъ домъ отнесли все подарки
царя Мепелая.
Въ царекій же домъ Одиссеевъ былъ
вѣстникъ пловцами немедля
Пославъ сказать Пенелопѣ разумной, что
сынъ, возвратяся,
330 Въ поле пошелъ, кораблю же прямою
дорогою въ городъ
Плыть повелѣлъ (чтобъ, о сынѣ отсут-
ственномъ въ сердцѣ тревожась,
Плакать напрасно о немъ перестала ца-
рица). Тотъ вѣстникъ
Встрѣтился, нуть свой окончить сѣша,
съ свинопасомъ, который
Съ вѣстью подобной къ своей госпожѣ
Телемакомъ былъ посланъ.
335 Къ дому царя многославнаго оба пришли
напослѣдокъ.
Вслухъ передъ всеми рабынями вѣст-
никъ сказалъ Пенелопѣ:
Прибылъ обратно въ Итаку возлюблен-
ный сынъ твой, царица.
По свинопасъ подошелъ къ Пенелопѣ и
на ухо все ей,
Что Телемакъ повелѣлъ разсказать, про-
шепталъ осторожно.
340 Кончивъ разсказъ и исполнивъ свое по-
рученіе, царскій
Домъ оиъ оставилъ и въ поле къ свинь-
ямъ возвратился носпѣшно.
Но женихи, пораженные, духомъ уныли;
повинувъ
Залу, они у ограды высокаго царскаго дома
Рядомъ на каменныхъ гладкихъ скамьяхъ
за воротами сѣли.

345 Такъ говорить имъ тогда Эвримахъ, сынъ
Полибіевъ, началъ:
Горе намъ! дѣло великое сдѣлалъ, такъ
смѣло отираваясь
Въ нуть, Телемакъ, отъ него мы подоб-
ной отгаки не ждали.
Должно намъ, черный, удобогѣйшій къ
бѣгу, корабль изготовивъ,
Въ немъ мореходныхъ отправить людей,
чтобъ они убѣдили
350 Пашихъ товарищей въ городъ какъ можно
скорѣй возвратиться.
Кончить еще не успѣлъ оиъ, какъ, съ
мѣста на пристань взглянувши,
Только что къ берегу приставшій корабль
Анфимомъ усмотрѣлъ тамъ;
Снасти и весла на немъ убирали пловцы.
Обратяся
Съ радостнымъ смѣхомъ къ товарищамъ,
такъ оиъ сказалъ: не трудитесь
355 Вѣсти своей посылать понапрасну: они
возвратились.
Видно ихъ богъ надумилъ какой, иль
увидѣли сами
Быстро бѣгущій корабль, и достигнуть
его не успѣли.
Такъ оиъ сказалъ; тѣ, поднявшись, по-
шли всею толпою на пристань.
На берегъ скоро былъ vzdвинутъ корабль
чернобокій пловцами,
360 Бодрые слуги немедля сгрузили съ него
всю поклажу;
Сами жъ на площади все женихи со-
брались; по съ собою
Тамъ никому засѣдать не дозволили. Такъ
напослѣдокъ,
Къ нимъ обратяся, Алкиной, сынъ Эвшеи-
товъ надменный, сказалъ имъ:
Горе! безсмертные сами его отъ бѣды со-
хранили!
365 Каждый тамъ десть сторожа на лобзае-
мыхъ вѣтромъ верхинахъ
Другъ подѣ друга толпою сидѣли; когда жъ
заходило
Солнце, мы, берегъ поклонувъ, всю ночь
въ корабль быстроходномъ
По морю плавали взадъ и впередъ до
восхода денницы,

- Тщетно надѣясь, что встрѣтимъ его и
немедля погубимъ.
- ³⁷⁰ Демонъ тѣмъ временемъ въ пристань его
проводить невредимо.
- Мы же надъ нимъ совершить, что за-
мыслили вмѣстѣ, удобно
- Можемъ и здѣсь; онъ отъ насъ не уйдетъ;
но до тѣхъ поръ, покуда
- Живъ онъ, исполнить намѣреніе наше
мы будемъ не въ силахъ;
- Онъ возмужалъ и разсудкомъ созрѣлъ
для совѣта и дѣла;
- ³⁷⁵ Люди жъ Итаки не съ прежней на насъ
благоклонностью смотрятъ.
- Должно намъ прежде—пока онъ народа
не созвалъ на помощь—
- Кончить, понеже онъ медлитъ, какъ я
въ томъ увѣренъ, не станеть.
- Злобой на насъ разразившись, при цѣломъ
народѣ онъ скажетъ.
- Какъ мы его погубить сговорились и въ
томъ не успѣли;
- ³⁸⁰ Тайнаго нашего замысла вѣрно народъ
не одобритъ;
- Могутъ, озлобясь на наши поступки, и
насъ изъ отчизны
- Выгнать, и все мы тогда по чужимъ
сторонамъ разбрѣдемся.
- Можемъ напасть на него мы далеко отъ
города въ полѣ,
- Можемъ близъ города выждать его на
дорогѣ; тогда намъ
- ³⁸⁵ Все раздѣлить ихъ придется имущество;
домъ же уступимъ
- Мы Пенелопѣ и мужу, избранному ею
межъ нами.
- Если же вамъ не угодеи совѣтъ мой и
если хотите
- Жизнь вы ему сохранить, чтобъ отцов-
скимъ владѣлъ достояньемъ—
- То пировать намъ по-прежнему, въ домѣ
его собираясь,
- ³⁹⁰ Будеть нельзя, и ужъ каждый особо, въ
свой домъ возвратясь,
- Свататься станеть, подарки свои присы-
лая; она же
- Выбереть доброю волей того, кто щедрѣй
и пріятнѣй.
- Такъ говорилъ онъ; сидя неподвижно,
внимали другіе.
- Тутъ, обратясь къ собранью, сказалъ
Анфиномъ благородный,
- ³⁹⁵ Низовъ блистательный сынъ, отъ Арето-
вой царственной крови;
- Злачный Дулихій, пшеницей богатый,
покинувъ, въ Итакѣ
- Онъ отличался отъ всехъ жениховъ и
самой Пенелопѣ
- Правился умною рѣчью, благими лишь
мыслями полный.
- Такъ, обратясь къ собранью, сказалъ
Анфиномъ благородный:
- ⁴⁰⁰ Цѣтъ! посягать я на жизнь Телемака,
друзья, не желаю;
- Царскаго сына убійство есть страшно-
безбожное дѣло;
- Прежде боговъ спросите, чтобъ свѣдать,
какая ихъ воли;
- Если Зевесомъ одобрено будетъ намѣреніе
наше,
- Самъ соглашусь я его поразить и дру-
гихъ на убійство
- ⁴⁰⁵ Вызову; если жъ Зевесъ запретитъ, мой
совѣтъ: воздержитесь.
- Такъ онъ сказалъ, подтвердили его пред-
ложеніе другіе.
- Вставши, все вмѣстѣ они возвратились
въ домъ Одиссея;
- Въ домъ же вступивъ, тамъ на ступаяхъ
они помѣстились гладкихъ.
- Но Пенелона разумная, дѣло иное при-
думавъ,
- ⁴¹⁰ Вышла къ своимъ женихамъ многобуи-
нымъ изъ женскихъ покоевъ;
- Слухъ къ ней достигнулъ о замыслѣ тай-
номъ на жизнь Телемака:
- Все благородный глашатай Медонъ ей
открылъ; и, поспѣшно,
- Взявши съ собой двухъ служалокъ, она,
божество межъ женами,
- Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи
пировали,
- ⁴¹⁵ Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій
державшаго, стала,
- Щеки закрывши свонъ головнымъ покры-
валомъ блестящимъ.

Рѣчь къ Антипою свою обративъ, Пене-
лона сказала:
Злой кознодѣй, Антипой необузданный,
словомъ и дѣломъ
Ты изъ товарищей самый разумнѣйшій—
такъ здѣсь въ Итакѣ
420 Всѣ утверждаютъ. Но гдѣ же и въ чемъ
твой прославленный разумъ?
Вѣщенный! что побуждаетъ тебя Телемаку
готовить
Смерть и погибель? Зачѣмъ ты сиротъ
притѣсняешь, любезныхъ
Зевеу? Неправъ человекъ, замышляющій
ближнему злое.
Пль ты забылъ, какъ отецъ твой сюда
прибѣжалъ, устрешенный
425 Гнѣвомъ народа, которымъ гонимъ былъ
за то, что, приставши
къ шайкѣ тафійскихъ разбойниковъ, съ
ними ограбилъ ееспровтовъ,
Нашихъ союзниковъ вѣрныхъ? Его здѣсь
народъ порывался
Смерти предать и готовъ у него былъ
исторгнуть изъ груди
Сердце, и все, что имѣлъ онъ въ Итакѣ,
предать истребленю;
430 Но Одиссей, за него заступившись, на-
родъ уснокоилъ;
Ты жъ Одиссею грабишь богатство, жену
Одиссея
Мучишь своимъ сватовствомъ, Одиссею
сыну готовишь
Смерть. Удержись! говорю и тебѣ и дру-
гимъ въ осторожность.
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибѣвъ, такъ
отвѣчалъ Пенелопѣ:
435 О многоумная старца Иварія дочь, Пене-
лона,
Будь беззаботна; зачѣмъ ты такой пре-
даешься тревогѣ?
Не было, нѣтъ и не будетъ изъ насъ
никаго, кто бъ помыслилъ
Руку поднять на убійство любимца боговъ
Телемака.
Нѣтъ! и покуда я живъ и покуда очами
я землю
440 Вижу, тому не бывать, иль—скажу пе-
редъ всѣми, и вѣрно

Сбудется слово мое — обольется убійца
свою
Кровью, моимъ пораженный копьемъ;
Одиссей, не забывъ я,
Бралъ здѣсь перѣдко меня на колѣни и
миса куски мнѣ
Кладъ па ладонь и вина благовоного
выпить давалъ мнѣ.
445 Вотъ почему и всѣхъ болѣ людей я люблю
Телемака.
Нѣтъ! никогда онъ убійства не долженъ
страшиться, по крайпей
Мѣрѣ отъ насъ жениховъ. Но судьбы
избѣжать невозможно.
Такъ говорилъ онъ, ее утѣшая, а мыслилъ
инос.
Но Пенелона, къ себѣ возвратяся, тамъ
въ свѣтлыхъ покояхъ
450 Плакала горько о милемъ своемъ Одиссѣмъ,
покуда
Сладкаго сна не свежа ея на очи богиня
Аѳина.
Смерклося, когда къ Одиссею и къ сыну
его возвратился
Старый Эвмей. Онъ нашелъ ихъ, готовя-
щихъ ужинъ, зарѣзавъ
Взятую въ стадѣ свинью годовалую. Прежде
однако,
455 Тайно пришедъ, Одиссея богиня Аѳина
ударомъ
Трости своей превратила по-прежнему въ
хилаго старца,
Рубищемъ жалкимъ одѣвши его, чтобъ
Эвмей благородный
Съ перваго взгляда его не узналъ и (сбе-
речь неспособный
Тайну) не бросился въ городъ обрадовать
вѣстью царицу.
460 Встрѣтивъ его на порогѣ, сказалъ Теле-
макъ: накопецъ ты,
Честный Эвмей, возвратился? Скажи же,
что видѣлъ? Что слышалъ?
Въ городъ обратно пришли ль, наконецъ,
женихи изъ засады?
Или еще тамъ сидятъ и меня стерегутъ
на дорогѣ?
Такъ, отвѣчая, сказалъ Телемаку Эвмей
благородный:

465 Свѣдать о нихъ и разспрашивать мнѣ не
входило и въ мысли;
Въ городѣ я объ одномъ лишь заботился:
какъ бы скорѣе
Данное мнѣ порученіе исполнить и къ
вамъ возвратиться.
Шедши жъ туда, я съ гонцомъ, отъ хо-
дившихъ съ тобою мореходцевъ
Посланнымъ, встрѣтился—первый онъ все
объявилъ Пенелопѣ;
470 Только одно раскажу я, что видѣлъ
своими глазами:
Къ городу близко уже, на вершинѣ Эр-
мейскаго холма
Былъ я, когда быстролетный, въ глубо-
кую нашу входящій
Пристань, вораблъ усмотрѣлъ; я примѣ-
тилъ, что было въ немъ много
Ратныхъ; щитами, двуострыми коньями
ярко блисталъ онъ;
475 Это они, я подумалъ: но правдали? Знать
мнѣ неможно.
Такъ онъ сказалъ. Телемакова сила свя-
тая блеснула
Легкой улыбкою въ очи отцу, непримѣтно
Эвмею.
Кончивъ работу и нищу сострипавъ, они
съ свинопасемъ
Сѣли за столъ, и порадоваль душу имъ
ужинъ; когда же
480 Былъ удовольствованъ голодъ ихъ слад-
кой ѣдою, о ложѣ
Каждый подумалъ; и сна благодать нис-
послали имъ боги.

ОДИССЕЯ.

пѣснь семнадцатая.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать восьмой день.

Телемакъ уходитъ въ городъ, повелѣвъ Эвмею проводить туда и своего гостя. Встрѣченный радостно матерью и домашними, онъ потомъ идетъ на площадь и приводитъ оттуда съ собою Теоклимена. Пенелопеа разспрашиваетъ его о томъ, что съ нимъ было во время путешествія; Теоклимень пророчествуетъ ей возвращеніе Одиссея. Тѣмъ временемъ Эвмей отправляется съ Одиссеемъ въ городъ; дорогою встрѣчаютъ

они Мелантія, который ихъ обоимъ оскорбляетъ. Пришедъ къ своему дому, Одиссей видитъ на дворѣ свою старую собаку, которая, узнавши его, умираетъ. Онъ входитъ въ пировую палату, проситъ милостыни у жениховъ; Антиной, ругаясь имъ, бросаетъ въ него скамейкой. Пенелопеа зоветъ его къ себѣ, желая разспросить объ Одиссее; онъ обѣщается придти къ ней ввечеру.

Вышла изъ мрака младая съ перетами
пурпурными Эосъ.
Сынъ Одиссеевъ, любезный богамъ, Те-
лемакъ благородный,
Къ свѣтлымъ ногамъ привязавъ золотыя
сапдаліи, въ руку
Взялъ боевое копье, заощренное мѣдью,
которымъ
5 Ловко владѣлъ, и, готовый въ дорогу,
сказалъ свинопасу:
Въ городъ иду я, отецъ, чтобъ утѣшить
свиданьемъ со мною
Милую мать: безъ сомнѣнья, дотогѣ кру-
шиться и горько
Плакать она безутѣшная будетъ, пока
не увидитъ
Сына своими глазами; тебѣ же, Эвмей,
поручаю
10 Этого странника; въ городъ поди съ нимъ,
дабы подаяннемъ
Могъ онъ себя прокормить; тамъ подастъ,
кто захочетъ,
Хлѣба ему пль вина. Мнѣ нельзя на свое
печенье
Всякаго ницаго брать; и своихъ ужъ
заботъ мнѣ довольно;
Если же этимъ обидитъ твой чужезе-
мецъ, тѣмъ хуже
15 Будетъ ему самому; я люблю говорить
откровенно.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей
хитроумный:
Здѣсь неохотно и самъ бы я, другъ, со-
гласился остаться;
Нашему брату обѣдъ добывать подаяннемъ
легче
Въ городѣ, нежели въ полѣ: тамъ каждый
даетъ намъ, что хочетъ.
20 Мнѣ жъ не по лѣтамъ смотрѣть за ско-
тиной и всякую службу

Съ тяжкимъ трудомъ отправлять, пасту-
 хамъ повинуюся. Добрый
 Путь, мой прекрасный; меня же прово-
 дить хозяйинъ, когда я
 Здѣсь у огня посогрѣюсь, когда на дворѣ
 потеплѣеть;
 Въ рубищѣ этомъ мнѣ холодно; тѣло
 насквозь проникаетъ
 25 Утренникъ рѣзкій; до города жь, вы гово-
 рите, не близко.
 Такъ отвѣчала Одиссей. Телемакъ благо-
 родный поспѣшнымъ
 Шагомъ пошелъ со двора, и недоброе въ
 мысляхъ готовилъ
 Опъ женихамъ. Наконецъ онъ пришелъ
 безпрепятственно въ домъ свой.
 Тамъ, боевое копье прислонивши къ вы-
 сокой колоннѣ,
 30 Онъ черезъ каменный двери порогъ пере-
 шель и увидѣлъ
 Первую въ домѣ усердную няню свою
 Эвриклею:
 Мягкія клала на стулья овчины старушка.
 Потокомъ
 Слезъ облилася, увидя его, Эвриклея; и
 скоро
 Всѣ собрались Одиссея дома рабыни; и
 съ плачемъ
 35 Голову, плечи и руки онѣ у него лобы-
 зали.
 Вышла разумная тутъ изъ покоевъ сво-
 ихъ Пенелопа,
 Свѣтлымъ лицомъ съ золотой Афродитой,
 съ молодой Артемидой
 Сходная; сына она обняла, и съ любовію
 нѣжной
 Свѣтлыя очи и руки и голову стала, рыдая
 40 Громко, ему цѣловать и крылатое бросила
 слово:
 Ты ль, непамятный мой, милый мой сынъ,
 возвратился? Тебя я
 Видѣть уже не надѣялась болѣ, отплыв-
 шаго въ Пилосъ
 Тайно, со мною не простаясь, чтобъ узнать
 объ отцѣ отдаленномъ.
 Все разсказали мнѣ теперь по порядку, что
 видѣлъ, что слышалъ.
 45 Ласково ей отвѣчала разсудительный
 сынъ Одиссея:

Милая мать, не печаль мнѣ души, и
 тревоги напрасной
 Въ грудь не вливай мнѣ, спасенному чудно
 отъ гибели вѣрной;
 Но, сотворивъ омовенье и чистой облек-
 шись одеждой,
 Вмѣстѣ съ рабынями въ верхній покой
 своей поди и съ молитвой
 50 Тамъ обѣщаніе дай принести экатомбу
 безсмертнымъ,
 Если враговъ наказатъ намъ поможетъ
 Зевесъ Олимпіецъ.
 Самъ я на площадь пойду, чтобъ позвать
 чужеземца, который
 Нынѣ со мною, когда возвращался я,
 прибылъ въ Итаку:
 Вмѣстѣ съ моими людьми онъ сюда на-
 передъ былъ отправленъ;
 55 Въ городъ его проводить поручилъ я
 Пирсю, дабы онъ
 Въ домѣ его подождалъ моего возвращенія
 съ поля.
 Такъ говорилъ онъ, и слово его не пророч-
 лосъ мимо
 Слуха царицы. Омывшись я чистой об-
 лекшись одеждой,
 Вѣчнымъ богамъ обѣщала она принести
 экатомбу,
 60 Если враговъ наказатъ имъ поможетъ
 Зевесъ Олимпіецъ.
 Тою порой Телемакъ изъ высокаго царскаго
 дома
 Выпелъ съ конемъ; двѣ лихія за нимъ
 побѣжали собаки;
 Образъ его несказанной красой озарила
 Афина
 Такъ, что дивилеся люди, его подходя-
 щаго видя.
 65 Всѣ вокругъ него собрались женихи мно-
 гобуйные; каждый
 Доброе съ нимъ говорилъ, замышляя не-
 доброе въ сердцѣ.
 Скоро, отъ ихъ многолюдной толпы от-
 дѣляясь, подошелъ онъ
 Къ мѣсту, гдѣ Менторъ сидѣлъ и при
 немъ Антифатъ съ Галивердомъ,
 Въ сердцѣ своемъ сохранившіе вѣрность
 царю Одиссею.

70 Съвши близъ нихъ, о себѣ онъ имъ все
разсказалъ, какъ случилось.
Скоро явился Пирей, копьeverжець, и
Феоклимень съ нимъ
Вмѣстѣ пришелъ, погулявши по улицамъ
города; не былъ
Долго къ нему Телемакъ безъ вниманья;
къ нему подошелъ онъ.
Первое слово сказалъ тутъ Пирей Одис-
сееву сыну:
75 Въ домъ мой пошли, Телемакъ благород-
ный, невольницъ, чтобъ взяли
Тамъ все подарки, которые ты получилъ
отъ Атрида.
Такъ, отвѣчая Пирею, сказалъ Телемакъ
богоравный:
Намъ неизвѣстно, мой вѣрный Пирей,
чѣмъ окончится дѣло;
Если въ жилищѣ моемъ женихами над-
менными тайно
80 Буду убитъ я, они все имущество наше
раздѣлятъ;
Лучше тогда, чтобъ твоимъ, а не ихъ тѣ
подарки наслѣдствомъ
Были; но если на нихъ обратится губящая
Кера—
Все мнѣ весселому, самъ веселящійся, въ
домъ принесешь ты.
Кончивъ, повелъ за собою онъ много-
страдашаго гостя
85 Въ домъ свой, и скоро туда безпрепят-
ственно прибыли оба.
Тамъ, положивши на кресла и стулья
свои все одежды,
Начали въ гладкихъ купальняхъ они
омываться. Когда же
Ихъ и омыла и чистымъ елеемъ натерла
рабыня,
Въ тонкихъ хитонахъ, облекшись въ кос-
матыя маптин, оба
90 Вышедъ изъ гладкихъ купалень, они
помѣстились на стульяхъ.
Тутъ принесла на лохани серебряной руки
умыть ихъ
Полный студеной воды золотой рукомой-
никъ рабыня,
Гладкій потомъ пододвинула столъ; на
него положила

Хлѣбъ домовитая ключница съ разнымъ
сѣстнымъ, изъ запаса
95 Выданнымъ ею охотно, чтобъ пищей они
насладились.
Противъ же нихъ, недали отъ двухъ-
створныхъ дверей, Пенелона
Въ креслахъ за пряжей сидѣла и тонкимъ
нити сучила.
Подняли руки они къ приготовленной
пищѣ; когда же
Былъ удовольствованъ голодъ ихъ сладкой
ѣдой, Пенелона,
100 Старца Икарія дочь многоумная, сыну
сказала:
Видно мнѣ лучше навѣрхъ мой уйти и
лежать одиноко
Тамъ на постелѣ, печалью перестланной.
горькимъ потокомъ
Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ,
какъ въ далекую Троию
Мстить за Атрида пошелъ Одиссей—ты,
я вижу, не хочешь,
105 Прежде, чѣмъ здѣсь женихи многобуй-
ные вновь соберутся,
Мнѣ разсказать, что узналъ объ отцѣ:
возвратился ль онъ, живъ ли?
Милая мать, отвѣчала разсудительный
сынъ Одиссеевъ,
Слушай, я все разскажу, ничего отъ тебя
не скрываая.
Прежде мы прибыли въ Пилосъ, гдѣ на-
стырь людей многославный
110 Несторъ меня въ благолѣбно-устроен-
номъ принялъ жилищѣ,
Принялъ такъ вѣжливо, какъ сына отецъ
принимаетъ, когда онъ
Въ домъ возвращается, долго напрасно
имъ жданный; такъ Несторъ
Самъ и его сыновья многославные были
со мною
Ласковы. Но объ отцѣ ничего разсказать
онъ не могъ мнѣ;
115 Живъ ли, скитается ль гдѣ на земли,
илъ погибъ ужъ, объ этомъ
Слуховъ къ нему не дошло. Къ Мелеплаю
Атриду меня онъ,
Давъ мнѣ копей съ колесницею кованой,
въ Спарту отправилъ.

Тамъ я увидѣлъ Елснѹ Аргирекую, мно-
гихъ ахейцѣвъ,
Многихъ троянцѣвъ погубившую, волей бо-
говъ всемогущихъ.
120 Царь Менелай, вызыватель въ сраженіе,
спросилъ, за какую
Нуждою прибылъ къ нему я въ боже-
ственный градъ Лакедемонъ?
Все разсказалъ я подробно ему, ничего
не скрывая.
Такъ на мои слова отвѣчалъ Менелай
златовласый:
О безразсудные! мужа могучаго брачное
ложе,
125 Самы безсилыи, мыслятъ они захва-
тить произвольно!
Если бы въ темномъ лѣсу у великаго
льва въ логовищѣ
Лань однѣдневныхъ, сосущихъ птенцовъ
положила, сама же
Стала по горнымъ лѣсамъ, по глубокимъ,
травою обильнымъ
Доламъ бродить, и обратно бы левъ при-
бѣжалъ въ логовище—
130 Разомъ бы страшная участь птенцовъ
безпомощныхъ постигла;
Страшная участь постигнетъ и ихъ отъ
руки Одиссея.
Если бѣ, о Дій громовержецъ! о Фебъ
Аполлонъ! о Аѳина!
Въ видѣ такомъ, какъ въ Лебеевѣ, обильно
людьми населенномъ—
Гдѣ, съ силачомъ Филомиледомъ высту-
пивъ въ бой рукопашный,
135 Опъ опрокинулъ врага на великую ра-
дость ахейцамъ—
Если бы въ видѣ такомъ женихамъ Одис-
сей вдругъ явился,
Сдѣлался бѣ бракъ имъ, судьбой неизбеж-
ной постигнутымъ, горекъ.
То же, о чемъ ты, меня вопрошая, у слы-
шать желаешь,
Я разскажу откровенно, и мною обмануть
не будешь;
140 Что самому возвѣстилъ мнѣ морекой
проницательный старецъ,
То и тебѣ я открою, чтобъ могъ ты всю
истину вѣдать.

Видѣвъ его на далекомъ онъ островѣ,
льющаго слезы
Въ свѣтломъ жилищѣ Калипсы, богини
богинь, произвольно
Имъ овладѣвшей; и путь для него уничто-
женъ возвратный:
145 Нѣтъ корабля, ни людей мореходныхъ,
съ которыми могъ бы
Опъ безопасно пройти по хребту много-
воднаго моря.
Вотъ что сказалъ мнѣ Атридъ Менелай,
вызыватель въ сраженіе.
Спарту покинувъ, я поплылъ назадъ, и
послалъ попутный
Вѣтеръ намъ боги— въ отечество милое
насъ проводилъ опъ.
150 Кончилъ разсказъ Телемакъ; взволно-
валась душа Пенелопы.
Θεοκλιμηνъ богоравный тогда ей сказалъ:
не крушися,
Многоразумная старца Икарія дочь, Пе-
нелопа,
Знаешь не все опъ; теперь на мое обра-
тися вниманьемъ
Слово: я то, что случится должно, пред-
скажу вамъ навѣрно;
155 Самъ же Зевесомъ отцомъ, гостелюбною
вашей транзой,
Также святымъ очагомъ Одиссея дома
клянуся
Въ томъ, что въ отечествѣ миломъ уже
Одиссей, что сокрытъ опъ.
Гдѣ-нибудь въ домѣ, или ходитъ, незнае-
мый, все узнавая
Здѣсь, и бѣду женихамъ неизбежную въ
мысляхъ готовя.
160 Вѣщая птица, которую видѣлъ вблизи
корабля я,
То мнѣ открыла, и все я тогда жъ объ-
явилъ Телемаку.
Θεοκλιμηνу разумная такъ отвѣчала
царица:
Если твое предсказаніе, гость чужеземный,
свершится,
Будешь отъ насъ угощенъ ты, какъ другъ,
и дарами осыпанъ
165 Столь изобильно, что счастьемъ такому
всѣ будутъ дивиться.

Такъ говорили о многомъ они, собесѣдую
сладко.
Тою порой женихи въ Одиссеевомъ домѣ
бросаньемъ
Дисковъ и дротиковъ острыхъ себя заба-
вляли, собравшись
Все на мощномъ дворѣ, гдѣ бывали ихъ
шумныя игры.
170 Но когда отовсюду съ полей на обѣдъ
имъ пригнали
Мелкій скотъ настухи, приводившіе къ
нимъ ежедневно
Козъ и барановъ, ихъ кликнувъ глашатай
Медонъ; былъ любимецъ
Онъ жениховъ и всеневно къ столу ихъ
его приглашалъ.
Юноши, онъ имъ сказалъ: вы играли
довольно; войдите
175 Въ домъ, и начнемъ нашъ обѣдъ сово-
купною силой готовить:
Знаете сами, что вовремя лица намъ
вдвое вкуснѣе.
Такъ онъ сказалъ имъ. Они, покоряся
его приглашенію,
Встали и къ дому пошли всею толпою;
когда же вступили
Въ домъ, положивши на гладкія кресла
и стулья одежды,
180 Начали крупныхъ барановъ, откормлен-
ныхъ козъ и огромныхъ,
Жиромъ палитыхъ свиней убивать; былъ
зарѣзанъ и тучный
Быкъ. И за стряпанье все принялися
они. Той порою
Въ городъ идти съ Одиссеемъ Эвмей со-
брался; и, готовый
Въ путь, онъ сказалъ наконецъ, обратясь
къ Лаэртovu сыну:
185 Добрый мой гость, ты желаешь, чтобъ
пыльце жъ тебя проводилъ я
Въ городъ, какъ намъ повѣлѣлъ господинъ
мой—сказать откровенно,
Лучше хотѣлъ бы я сторожемъ дома тебя
здѣсь оставить;
Но приказанья боюсь не исполнить; бра-
нить господина мой
Будетъ за это меня; а господская брань
неприятна.

190 Время однако идти намъ; ужъ болѣе
прошло половины
Дня; съ наступленіемъ вечера холодъ
произтепель будетъ.
Копчиль. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей
хитроумный:
Знаю, все знаю, и все мнѣ понятно, и
-все, какъ желаешь,
Точно исполню; пойдемъ же, и будь ты
моимъ провожатымъ.
195 Только сыщи мнѣ какой бы то ни было
посохъ, чтобъ могъ я
Чѣмъ подпираться: дорога столь трудная—
слышишь—что шее
Можно сломить. Такъ сказать, на плеча
онъ набросилъ котомку,
Всю въ заплатахъ, висѣвшую вмѣсто ремня
на веревкѣ.
Далъ ему въ руки Эвмей суконную палку;
и оба
200 Вмѣстѣ пошли, настуховъ и собакъ
сторожами ставили
Дома. И въ городъ повелъ свинопасъ
своего господина
Въ образѣ хилаго старца, который чуть
шелъ, подпираясь
Посохомъ, зубице въ жалкихъ лохмотьяхъ
набросивъ на плечи.
Тихо идя каменистой, негладкой тропой,
напоследокъ
205 Къ городу близко они подошли. Нахо-
дился тамъ свѣтлый
Ключъ; обложено былъ онъ камнемъ, и
брали въ немъ граждане воду
Въ старое время Итакъ, Неріонъ и По-
ликторъ прекрасныи
Создали тамъ водоемъ; окруженъ былъ
онъ роцею темныхъ
Ольхъ, надъ водою растущихъ; и падалъ
студеной струею
210 Ключъ въ водоемъ со скалы, на вер-
шинѣ которой воздвигнутъ
Нимфамъ алтарь былъ; всегда приносили
тамъ путники жертву.
Тамъ козоводъ поветрѣчался имъ—сынъ
Доліоновъ Мелантій;
Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ ста-
да, откормленныхъ жирно,

- Въ городъ онъ гналъ женихамъ на обѣдъ;
съ нимъ товарищей двое
215 Было. Увидя идущихъ, онъ началъ
ругаться, и громко
Ихъ поносилъ, и разгибалъ въ груди
Одиссеевой сердце;
Подлинно здѣсь пегодай пегодая вѣдетъ—
говорилъ онъ—
Права пословица: ровнаго съ равнымъ
бесмертные сводить.
Ты, свинопасъ безтолковый, куда путе-
шествуешь съ этимъ
220 Нищимъ, столовъ обирателемъ, гряз-
нымъ бродягой, который,
Стоя въ дверяхъ, неопратича плечи объ
притолку чешеть,
Крохи одни, не мечи, не котлы получая
въ подарокъ.
Могъ бы у пасъ онъ, когда бы его къ
намъ прислалъ ты, закуты
Наши стеречь, выметать ихъ, козлятамъ
подстилки готовить;
225 Скоро бы онъ раздобрѣлъ, протоква-
шей у пасъ обжаираясь;
Это однако ему не по праву, одно ту-
пѣяство
Любо ему; за работу не приметя: лучше,
таскаясь
По міру, хлѣбомъ чужимъ набивать не-
насытнѣй жсаудокъ.
Слушай однако, и то, что услышишь,
неполнитя вѣрно;
230 Если войти онъ отваянтя въ домъ
Одиссея—скамеекъ
Много изъ рукъ жениховъ на его поле-
титъ тамъ пустую
Голову; ребра, таская его, тамъ ему об-
ломаютъ
Объ полъ; и, такъ говоря, Одиссея онъ,
съ нимъ поравнявшись,
Пяткою въ яшику толкнулъ, по съ до-
роги не сбиль, не принудилъ
235 Даже шатнуться. И въ гнѣвѣ своемъ
ужъ готовъ былъ Лаэртвъ
Сыпъ, побѣжавши за нимъ, суковатою
палкою душу
Выбить изъ тѣла его, палъ, взорвавши
на воздухъ, ударить
- Оземъ его головою. Но онъ удержался.
Эвмей же
Началъ ругать оскорбителя; руки под-
нявъ, онъ воскликнулъ:
240 Нимфы потока, Зевесовы дочери, если
когда вамъ
Тукомъ обвптыя бедра козловъ и бара-
повъ здѣсь въ жертву
Царь Одиссей приносилъ, не отриньте
мольбы, возвратите
Намъ Одиссея; да благодѣльный демонъ
его намъ проводитъ!
Выгналъ тогда бъ изъ тебя онъ надмен-
ныя мысли, забылъ бы
245 Ты, какъ шальной, по дорогамъ ша-
таться и бѣгать безъ дѣла
Въ городъ, стада подъ надзоромъ неопыт-
ныхъ слугъ оставляя.
Кончилъ. Мелантій, на то возражая, ска-
залъ свинопасу:
Что ты, собака, рычишь? Колдовство ли
какое замыслилъ?
Дай ерокъ, тебя, какъ товаръ, въ корабль
чернобокомъ отсюда
250 Я увезу и продамъ въ иноземъ за
добрыя деньги;
Здѣсь же палъ самъ Аполлонъ серебру-
днѣй сразить Телемака
Тихой стрѣлой, палъ, мечомъ жениховъ
пораженный, погибнетъ
Онъ, какъ отецъ, на чужбинѣ утратив-
шій день возвращенья.
Такъ онъ сказалъ и ушелъ, на дорогѣ
оставивъ обонхъ,
255 Медленнѣй шедшихъ; достигнувъ оби-
тели царской, онъ прямо
Тамъ въ пировую палату вступилъ и за-
столь съ женихами
Сѣлъ Эвримаха напротивъ, къ которому
былъ онъ усерднѣй,
Нежели къ прочимъ; ему предложилъ
туть служитель мясцаго,
Ключница хлѣба дала и ѣды изъ запаса;
онъ началъ
260 Ъсть. Той порой Одиссей подомель съ
свинопасомъ Эвмесемъ
Къ царскому дому; и вдругъ имъ оттуда
послышались струны

Цитры глубокой, потом раздалось и пѣ-
 ніе; Фемій
 Пѣлъ; Одиссей, ухватясь за Эвмессу ру-
 ку, восклицуэлъ:
 Другъ, мы конечно пришли къ Одиссеу
 славному дому.
 285 Можетъ легко быть онъ узнавъ межъ
 веими другими домами:
 Длинный рядъ горницъ просторныхъ,
 широкой и чисто мощеный
 Дворъ, обведенный зубчатой стѣпою,
 двойной ворота
 Съ крѣпкимъ замкомъ — въ нихъ во-
 рваться насильно ничто не помыслить.
 Думаю я, что теперь тамъ обѣдаютъ;
 паръ благовопный
 270 Маса я чувствую; слышу и стройно зву-
 чающа струны
 Цитры, богами въ сопутницы пиру ве-
 селому данной.
 Такъ отвѣчалъ Одиссею Эвмей, свинопасъ
 богоравный:
 Правда, и все ты, какъ есть, угадалъ;
 человекъ ты разумный;
 Прежде однако должны мы размыслить
 о томъ, что намъ сдѣлать
 275 Лучше: тебѣ ли во внутренность дома
 вступить и явиться
 Тамъ на глаза жениховъ многобуйныхъ,
 а мнѣ здѣсь остаться?
 Или тебѣ на дворѣ подождать одному, а
 войти къ нимъ
 Мнѣ? Ты однако не медли, чтобъ кто
 здѣсь съ тобой не подраелъ,
 Или въ тебя не швырнулъ чѣмъ — я
 такъ говорю въ осторожность.
 280 Голосъ возвысивъ, ему отвѣчалъ Одис-
 сей хитроумный:
 Знаю, все знаю, и мысли твои мнѣ по-
 пятны; войди ты
 Прежде одинъ: я покуда остануся здѣсь;
 я довольно
 Въ жизни тревожной ударовъ спосилъ;
 и нивыряемо было
 Многимъ въ меня; мнѣ терпѣть не
 учиться; не мало видалъ я
 285 Вуръ и сраженій; пусть будетъ и нынѣ
 со мной, что угодно

Дію. Одинъ лишь не можетъ ничѣмъ
 побѣжденъ быть желудокъ,
 Жадный, насильственный, множество бѣдъ
 приключалощій смертнымъ
 Людямъ: ему въ угожденіе и крѣпкороб-
 ристые ходятъ
 Моремъ пустымъ корабли, принося разо-
 ренъе народамъ.
 290 Такъ говорили о многомъ они въ откро-
 венной бесѣдѣ.
 Уши и голову, слушая ихъ, подняла
 тутъ собака
 Аргусъ; она Одиссева прежде была, и
 ее онъ
 Выкормилъ самъ; но на ловъ съ ней
 ходить не успѣлъ, принужденный
 Плыть въ Иліонъ. Молодые охотники ча-
 сто на дикихъ
 295 Козъ, на оленей, на зайцевъ съ собою
 ее уводили.
 Нынѣ жъ забытый (его господинъ былъ
 далеко), онъ, бѣдный
 Аргусъ, лежалъ у воротъ на навозѣ, ко-
 торый отъ многихъ
 Муловъ и многихъ коровъ на запасъ
 тамъ копили, чтобъ послѣ
 Имъ Одиссеевы были поля уважены
 тучно;
 300 Тамъ полумертвый лежалъ неподвижно
 поклицутой Аргусъ.
 Но Одиссеу близость почувствовалъ онъ,
 шевельнулася,
 Тронулъ хвостомъ и поджалъ въ изъ-
 явленіе радости уши;
 Близко жъ подползть къ господину и
 даже подняться онъ не былъ
 Въ силахъ. И, вкось на него поглядѣв-
 ши, слезу, отъ Эвмея
 305 Скрытно, обтеръ Одиссей, и потомъ онъ
 сказалъ свинопасу:
 Страшное дѣло, Эвмей; тамъ на кучѣ
 навозной собаку
 Вижу; прекрасной породы она, но ска-
 зать не умѣю,
 Сила п легкость ея на бѣгу таковы ль,
 какъ наружность?
 Или она лишь такая, какихъ у господъ
 за столами

310 Часто мы видимъ: для роскоши держать
ихъ знатные люди.
Такъ, отвѣчая, сказала ты, Эвмей, сви-
нопасъ Одиссею:
Эго собака погибшаго въ дальнемъ краю
Одиссея;
Если бъ она и понишъ была такова же,
какою,
Плать собираясь въ Троянскую землю,
ее господниг мой
315 Дома оставилъ—сябыстротѣ и отважно-
сти вѣрно бѣ
Ты подвиглся; въ лѣсу ни въ какомъ
заходуеть укрывъ
Дичь отъ нея не могла; въ ней чутье
несказанное было.
Нышъ же бѣдная брошена; итъ ужъ ея
господина,
Въ чужѣ погибъ онъ; служанки жъ о
ней и подумать лѣнятся;
320 Рабъ перадивъ; не принудь господнигъ
повелѣнiемъ строгимъ
Къ дѣлу его, за работу онъ самъ не
возьмется охотой:
Тягостный жребiй печальнаго рабства
избравъ чловѣку,
Лучшую доблестей въ немъ половину
Зевесъ истребляетъ.
Кончилъ, и, въ двери свѣтло-населен-
наго дома вступивши,
325 Прямо вошелъ онъ въ столовую, гдѣ же-
нихи провалил.
Въ это мгновенiе Аргусъ, увидѣвшiй
вдругъ черезъ двадцать
Лѣтъ Одиссея, былъ схваченъ рукой
смертоносною Меры.
Прежде другихъ Телемакъ богоравнии
Эвмей, который,
Ходя кругомъ, озирался, увидѣлъ; ему
головую
330 Подаль онъ знакъ, чтобъ къ нему по-
дошелъ; осмотрѣвшiишъ, пустую
Взявъ онъ скамью, на которой всегда
за столомъ раздаватель
Пищи сидѣлъ, чтобъ ее разсылать же-
никамъ по порядку.
Эту скамью пододвинувъ къ столу Теле-
макову, сѣлъ онъ

Противъ него; предложилъ тутъ, прибли-
зившишъ съ блюдомъ, глашатай
335 Мяса варенаго часть имѣ, и хлѣбъ, изъ
корзины имѣ взятыи.
Велѣдъ за Эвмеемъ явился и самъ Одис-
сей богоравнии
Въ образѣ хилаго старца, который чуть
шелъ, подпираясь
Посохомъ, съ бѣдной котомкою, рубище
въ жалкихъ лохмотьяхъ;
Сѣлъ онъ въ дверяхъ на порогъ, спиной
прислонясь къ дубовой
340 Притолкѣ (выскоблилъ острую скобелью
плотникъ искусный
Гладко ее, напередъ топоромъ по спиру
обтесавши).
Тутъ свинопасу Эвмею сказала Теле-
макъ, подавая
Хлѣбъ, изъ корзины межъ лучшими
взятый, и вкуснаго мяса,
Сколько въ обѣихъ горстяхъ умѣститъся
могло: отнеси ты
345 Это, Эвмей, старику, и скажи, чтобъ
потомъ обошелъ онъ
Всѣхъ жениховъ, и у нихъ попросилъ
подающа—стыдливымъ
Нищему, тяжкой нуждой удрученному,
быть неприлично.
Такъ онъ сказала, и Эвмей, повинувъсь,
пошелъ къ Одиссею.
Близко къ нему приступивши, онъ бро-
силъ крылатое слово:
350 Это прислалъ Телемакъ; и велѣлъ онъ
сказать, чтобъ потомъ ты,
Всѣхъ обойдя жениховъ, попросилъ по-
дающа—стыдливымъ
Нищему быть, говорить онъ, въ жесто-
кой нуждѣ неприлично.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказала Одиссей
хитроумный:
Зевесъ да пошлетъ благоденствiе между
людьми Телемаку,
355 Давъ совершиться всему, что теперь за-
мышляетъ онъ въ сердцѣ!
Такъ онъ сказала, и, обѣими взявши
руками подачу,
Мясо и хлѣбъ близъ себя положилъ на
убогой котомкѣ.

Началь онъ бѣтъ; той порой вдохновенно
запѣлъ предъ гостями
Феміи; когда же тотъ вдоволь набѣся, а
этотъ умоликулъ—
360 Начали вновь женихи бушевать; но бо-
гиня Аѳина,
Тайно приближась къ Лаэртову сыну,
ему повелѣла
Встать и ходить вокругъ столовъ ихъ,
прося подаянья: хотѣла
Видѣть она, кто изъ нихъ благодушенъ
и кто беззаконникъ:
Въ мысляхъ же всѣхъ безъ изыятія
смерти предать назначала.
365 Вставъ, онъ пошелъ и у каждаго на-
чалъ просить подаянья,
Руку къ нему простирая, какъ нищій,
скитаться обыкшій.
Съ жалостнымъ сердцемъ они на него
въ изумленіи смотрѣли,
Знать любознѣтствуя, кто и откуда при-
шелъ онъ. Сидѣвшій
Съ ними пастухъ козоводъ, забѣяка Ме-
лантій сказалъ имъ:
370 Слушайте вы, женихи многославной ца-
рицы, я видѣлъ
Этого нищаго, съ нимъ на дорогѣ сюда
повстрѣчавшійся;
Думаю, былъ онъ сюда приведенъ сви-
нонасомъ Эвмеемъ;
Самъ же не знаю я, кто и въ какой
сторонѣ родился онъ.
Такъ онъ сказалъ. Антиной на Эвмея
съ досадою крикнулъ:
375 Ты, свинонасъ, негодяй вѣмъ извѣст-
ный, зачѣмъ ты приводишь
Въ городъ такихъ развращенныхъ бро-
дять? Ужь и здѣшняя сволочь
Этихъ столовъ обирателей намъ нестер-
пимо докучна;
Видно еще для тебя недовольно, что всѣ
здѣсь запасы
Тратятъ они—и еще одного ты привелъ
къ намъ обжору.
380 Такъ, возражая, Эвмей свинонасъ отвѣ-
чалъ Антиною:
Ты, Антиной, неразумное мнѣ и недоб-
рое молвилъ

Слово теперь. Приглашаешь ли кто че-
ловѣка чужого
Въ домъ свой безъ нужды? Лишь тѣхъ
приглашаютъ, кто нуженъ на дѣло:
Или гадателей, или врачей, или искусни-
ковъ зодчихъ,
385 Или ибвцовъ, утѣшающихъ душу боже-
ственнымъ словомъ—
Ихъ приглашаютъ съ охотою всѣ земно-
родные люди;
Нищаго жъ, каждому скучнаго, кто при-
гласитъ произвольно?
Ты же изъ всѣхъ жениховъ Пенелопы
къ рабамъ Одиссея
Самый пеласковый былъ завсегда, и ко-
миѣ особливо;
390 Я не печалюсь объ этомъ, покуда моя
здѣсь царица
Здравствуетъ съ сыномъ своимъ Телема-
комъ, моимъ господиномъ.
Кротко Эвмею сказалъ разсудительный
сынъ Одиссеевъ:
Полно, Эвмей, замолчи; говорить съ нимъ
не долженъ ты много;
Знаешь, какъ скоръ Антиной на обидное
слово; онъ любитъ
395 Сеориться самъ, и другихъ на раздоръ
подбиваетъ охотно.
Тутъ, обратясь къ Антиною, онъ бросилъ
крылатое слово:
Ты обо мнѣ, какъ о сынѣ отецъ благо-
душный, печешься,
Другъ Антиной, выгоняя своимъ пове-
лительнымъ словомъ
Странниковъ, въ домъ мой входящихъ—по
будетъ ли Дій тѣмъ доволенъ?
400 Дай, что захочешь; не спорю я; самъ
приглашаю напротивъ;
Матери также моей не страшися; тебя не
осудитъ
Здѣсь и никто изъ рабовъ, въ Одиссеевомъ
домѣ живущихъ.
Но, конечно, подобныя мысли тебѣ не
приходятъ
Въ сердце: себѣ все берешь ты, другимъ
же давать не охотникъ.
405 Копчилъ, и гнѣвно ему возразилъ Анти-
ной, сынъ Эвпейтовъ:

- Что ты сказалъ, Телемакъ, необузданный,
гордоръчивый?
Если бь воть это отъ каждаго здѣсь же-
ниха получилъ онъ—
Вѣрно сюда бы три мѣсяца вповь загля-
нуть не подумалъ.
Такъ говоря, онъ скамейку схватилъ, на
которую поги
410 Кралъ подъ столомъ, и, грозяся, ее по-
казалъ Одиссею.
Прочіе жь все подавали, когомку его
наполняя
Хлѣбомъ и мясомъ. И, много собравъ,
Одиссей ужъ готовъ былъ
Сѣсть на порогъ свой, чтобъ данной на-
сытитися пищей; но прежде
Онъ подошелъ къ Антиноу и бросилъ
крылатое слово:
415 Дай мнѣ и ты. Не послѣднимъ тебя
здѣсь считаю, но первымъ
Лучшимъ и самымъ знатнѣйшимъ; царю
ты подобисья видомъ;
Щедрадаяне должно быть тебѣ ч при-
личнѣй и легче
Всѣхъ ихъ; и славить тебя я отнынѣ
по всей безирѣдѣльной
Буду землѣ. Я и самъ межъ людьми не
всегда безпріютно
420 Жилъ; и богатустроеннымъ домомъ вла-
дѣлъ, и доступенъ
Всякому страннику былъ, и охотно да-
валъ пенуцимъ;
Много имѣлъ я певольниковъ, много все-
го, чѣмъ роскошно
Люди живутъ и за что величаютъ ихъ
свѣтъ богачами.
Все уничтожилъ Кроніонъ — была безъ
сомнѣнья святая
425 Воля его, чтобъ съ дружиной отважныхъ
добычниковъ поплылъ
Я въ отдаленный Египетъ (онъ тамъ
приготовилъ мнѣ гибель).
Въ лонѣ потока Египта легкоповоротные
наши
Все корабли утвердивъ, я велѣлъ, чтобъ
отборные люди
Тамъ на морекомъ берегу сторожить ихъ
остались; другимъ же
- 430 Далъ приказаніе съ ближнихъ высотъ
обозрѣть всю окрестность.
Вдругъ загорѣлось въ нихъ дикое буй-
ство; они, обезумѣвъ,
Грабить поля плодоносныя жителей мир-
ныхъ Египта
Бросились, начали жепъ похищать и дѣ-
тей малолѣтнихъ,
Звѣрски мужей убивая—тревога до жи-
телей града
435 Скоро достигла, и сильная ранней зарей
собралася
Рать; колесницами, пѣшими, яркою мѣдью
оружіи
Поле кругомъ закиѣло; Зевесъ, веселя-
щійся громомъ,
Въ жалкое бѣгство моихъ обратилъ; от-
разить ни единый
Силы врага не посмѣлъ и отвеюду насъ
смерть окружила;
440 Многихъ тогда изъ товарищей мѣдъ
умертвила, и многихъ
Плѣнныхъ насильственно въ градъ увлекли
на печальное рабство.
Я же былъ жителею Крита, въ Египетъ
прибывшему, проданъ
Дметору, сыну Эзона, владѣвшаго Кип-
ромъ; въ Итаку
Прибылъ изъ Кипра я, много имѣвъ на
пути злоключеній.
445 Гнѣвно сказалъ, отвѣчая ему, Антиной,
сынъ Эвпейтовъ:
Вѣрно намъ демонъ такую чуму посы-
ластъ, такую
Порчу пировъ! отойди отъ стола моего;
на среднѣ
Стой тамъ, чтобъ не было хуже тебѣ и
Египта и Кипра.
Что за паглецъ неотступный! какой по-
бродяга безстыдный!
450 Всѣхъ поочередно ты здѣсь обошелъ; и
тебѣ, что попалось
Подъ руки каждому, подали все, не изъ
щедрости: здѣсь имъ
Есть что подать; подавать же чужое
легко. Убирайся жь
Прочь. Отъ стола отступивъ, отвѣчалъ
Одиссей хитроумный:

Горе! такъ видно съ лицомъ у тебя твой
 разсудокъ несходитъ;
 455 Въ домъ своемъ ты и соли щепотку мнѣ
 дать пожалѣть бы,
 Если ужъ здѣсь, за обѣдомъ чужимъ про-
 хлаждайся, хлѣба
 Корку жалѣешь мнѣ бросить; а столъ
 вашъ, я вижу, обилень.
 Такъ онъ сказалъ. Антипой, разсердясь,
 на него изъ подлѣбья
 Грозно очами сверкнулъ и бросилъ кры-
 латое слово:
 460 Если еще грубіянить ты вздумалъ, бро-
 дяга, то даромъ
 Это тебѣ не пройдетъ, и добромъ ты не
 выйдешь отсюда.
 Тутъ онъ скамейкой швырнулъ — и же-
 стоко ударила въ спину
 Подлѣ плеча Одиссея она; какъ утееъ,
 не шатнувшись,
 Онъ устоялъ на ногахъ, несраженный
 ударомъ; онъ только
 465 Молча потрясъ головою и страшное въ
 сердцѣ помыслилъ.
 Къ двери потомъ возвратися, онъ сѣлъ
 на порогъ и котомку
 На полъ съ ѣдой положивши, сказалъ
 женихамъ: обратите
 Слухъ вашъ ко мнѣ, женихи многослав-
 ной царицы, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велитъ
 мнѣ разсудокъ и сердце.
 470 Не было бѣ въ томъ ни бѣды, ни прискор-
 бія тяжкаго сердцу,
 Если бы кто, за имѣнье свое, за быковъ,
 за блесятащихъ
 Шерстью овецъ заступаея, вытерпѣлъ
 злые побой;
 Мнѣ жъ отъ руки Антиной побой доста-
 лись за гнусный,
 Жадный и мпожество бѣдъ приключаю-
 щій людямъ желудокъ.
 475 Если же боги и мщенье Эриניים живутъ
 и для бѣдныхъ —
 Смерть, Антиной, а не бракъ возжелѣв-
 ный ты встрѣтишь, обидчикъ.
 Гнѣвно, ему возражая, сказалъ Антиной,
 сынъ Эвпейтовъ:

Бшь и молчи, негодяй; пль бѣги не-
 оглядкой отсюда;
 Иначе, такъ нагрубивъ мнѣ, ты за поги
 будешь рабами
 480 Вытащенъ въ дверь и все кости твои
 обломаются объ полъ.
 Кончила; угрозы его не одобрилъ никто;
 негодюя,
 Такъ говорили иные изъ юношей дерз-
 конадменныхъ:
 Ты, Антиной, поступилъ непохвально,
 обиду напесни
 Этому нищему; что же, когда онъ одинъ
 изъ безсмертныхъ?
 485 Воги перѣдко, облекшися въ образъ лю-
 дей чужестранныхъ,
 Входятъ въ земныя жилища, чтобъ ви-
 дѣть своими очами,
 Кто изъ людей беззаконствуетъ, кто на-
 блюждаетъ ихъ правду.
 Такъ женихи говорили; но рѣчи ихъ
 были напрасны.
 Злою обидой глубоко въ душѣ Телемаха
 сокрушался.
 490 Вмѣстѣ съ обиженнымъ; слезы свои
 утаивши, онъ только
 Молча потрясъ головою и страшное въ
 сердцѣ помыслилъ.
 Но Пенелопа разумная, слыша, что былъ
 чужеземецъ
 Въ домъ ихъ такъ оскорбленъ, обратися
 къ рабынямъ, сказала:
 О! когда бы его поразилъ Аполлонъ
 сребролюбивый!
 495 Ей Эвринома, разумная ключница, такъ
 отвѣчала:
 Если бы все исполнялось согласно съ
 желаніемъ нашихъ,
 Завтра же свѣтлой денницы изъ нихъ
 ни одинъ бы не встрѣтилъ.
 Кончила. Ей Пенелопа разумная такъ
 возразила:
 Правда, мнѣ все ненавистны они, памъ
 отъ всѣхъ притѣвонь;
 500 Но Антиной наиболѣе съ черною Керою
 сходитъ:
 Припятъ въ нашъ домъ чужеземецъ и,
 ходи кругомъ, подаянья

Просить у всѣхъ онъ гостей, приво-
 ленный строгой нуждою—
 Подали всѣ, и свою онъ наполнял ко-
 томку; лишь этотъ,
 Въѣсто подачи, въ него, какъ безумный,
 скамейкою бросилъ.
 505 Такъ Пенелопя рабынямъ своимъ го-
 ворила въ покояхъ
 Верхнихъ своихъ. Одиссей же, сидя на
 порогѣ, обѣдалъ.
 Кликнуть къ себѣ повелѣвъ свинопаса,
 царица сказала:
 Слушай, Эвмей благородный, скажи ино-
 земцу, что я съ нимъ
 Здѣсь повпдаться желаю, чтобъ знать
 отъ него, не слыхалъ ли
 510 Онъ о супругѣ моемъ и ему не слу-
 чилось ли гдѣ съ нимъ
 Встрѣтиться: кажется мнѣ челоѣкомъ
 онъ, много выдавшимъ.
 Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, сви-
 попасъ богоравный:
 Если бъ твои женихи хоть на мигъ по-
 утихли, царица,
 Милое сердце твое онъ своимъ бы раз-
 сказомъ утѣшилъ.
 515 Три дня и три ночи онъ ужъ гостить
 подъ моею убогой
 Кровлей; пришелъ же ко мнѣ, съ ко-
 рабля убѣжавъ отъ ееспотовъ.
 Мнѣ о своихъ приключеньяхъ еще онъ
 не кончилъ разказа;
 Но какъ внимають пѣвцу, вдохновенному
 свыше богами,
 Пѣсь о великомъ поощему людямъ,
 судьбинѣ подвластнымъ,
 520 Въ нихъ возбуждая желаніе слушать
 его непрестанно,
 Такъ я внималъ чужеземцу, сидя передъ
 нимъ неподвижно;
 Съ нимъ Одиссей по отцу, говорить онъ,
 считается гостемъ;
 Въ Критѣ широкоравнинномъ, отчизнѣ
 Миноса, рожденный,
 Прибыль оттолѣ сюда онъ, и много пре-
 вратностей встрѣтилъ,
 525 Скудно мірекимъ подаянемъ питаея;
 и слышалъ онъ, будто

Края ееспотовъ, сосѣдняго съ нашей
 Итакой, достигнулъ
 Царь Одиссей, возвращаяся въ домъ свой
 съ великимъ богатствомъ.
 Кончилъ. Разумная такъ отвѣчала ему
 Пенелопя:
 Кликни его самого; я желаю, чтобъ самъ
 рассказалъ онъ
 530 Все мнѣ подробно, повуда игрой на
 дворѣ передъ дверью
 Или во внутреннихъ горницахъ будутъ
 они забавляться;
 Дома они про себя сберегаютъ свои всѣ
 запасы,
 Хлѣбъ и вино золотое; ихъ тратятъ до-
 машніе люди;
 Имъ же удобнѣй, вседневно врываяся въ
 домъ нашъ толпою,
 535 Нашихъ быковъ и барановъ и козъ
 откормленныхъ рѣзать,
 Жрать до упада и свѣтлое наше вино
 безопасно
 Тратить. Нашъ домъ разоряется, ибо ужъ
 нѣтъ въ немъ такого
 Мужа, каковъ Одиссей, чтобъ его отъ
 проклятыя избавить.
 Если же онъ возвратится и снова отчиз-
 ну увидитъ,
 540 Съ сыномъ своимъ онъ отмститъ имъ
 за все. Такъ царица сказала.
 Въ это мгновенье чихнулъ Телемакъ и
 такъ сильно, что въ цѣломъ
 Домѣ какъ громъ раздалось; засмѣяв-
 шись, Эвмею, посѣбно
 Кликнувъ его, Пенелопя крылато бро-
 сила слово:
 Добрый Эвмей, приведи ты сюда чуже-
 земца немедленно;
 545 Слово мое зачихнулъ Телемакъ; я те-
 перь несомнѣнно
 Знаю, что злые мои женихи неизбѣжно
 погибнутъ
 Всѣ: ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и
 отъ метительной Керы.
 Выслушай то, что скажу, и замѣть про
 себя, что услышишь:
 Если меня безъ обмана онъ доброю
 вѣстью утѣшитъ,

550 Магтію дамъ я ему и хитонъ и кра-
сивую обувь.
Кончила. Ей повинаясь, пошелъ свинопасъ къ Одиссею;
Близко къ нему подошедши, онъ бросилъ крылатое слово:
Слушай, отецъ чужеземецъ, разумная наша царица,
Мать Телемака, тебя приглашаетъ къ себѣ; о супругѣ
555 Хочетъ она разспросить, сокрушаясь о немъ безпрестанно.
Если ее безъ обмана ты доброю вѣстью утѣшишь,
Магтію ты и хитонъ и красивую обувь получишь.
Хлѣбъ же, чтобъ свой успокоить желудокъ, по улицамъ ходя,
Въ городѣ можешь собирать отъ людей— тамъ подастъ, кто захочетъ.
560 Такъ Одиссей хитроумный сказалъ, отвѣчая Эвмею:
Все безъ обмана я могъ бы теперь разсказать Пенелопѣ,
Старца Икарія дочери многоразумной; я много
Знаю о мужѣ ея: мы одно съ нимъ терпѣли на свѣтѣ.
Но жениховъ я боюсь необузданно-дерзкихъ, которыхъ
565 Буйство, безстыдство и хищность дошли до желѣзнаго неба;
Видѣлъ ты самъ, какъ въ меня, тамъ ходившаго смирно, и мысли
Злой не имѣвшаго, этотъ неистовый бросилъ скамейкой—
Кто жъ за меня заступился? Никто. Промолчалъ и прекрасный
Сынъ Одиссеевъ. Пускай же царица, хотя петерѣнье
570 Въ ней и велико, дождется, чтобъ Геліосъ скрылся; тогда я
Все, что узнать пожелаетъ она о супругѣ далѣкомъ,
Ей расскажу, помѣтаясь у огня, чтобъ согрѣться: одѣтъ я
Плохо—то вѣдаешь самъ ты, тебя я здѣсь перваго встрѣтилъ.

Такъ онъ сказалъ; и Эвмей, повинуюсь, пошелъ къ Пенелопѣ;
575 Встрѣтивъ его на порогѣ своемъ, Пенелопе спросила:
Онъ не съ тобою, Эвмей? Для чего же придти не хотѣлъ онъ,
Вѣдный? Боятся ль обиды какой? На глаза ль показаться
Людямъ стыдится? Стыдливому нищему плохо на свѣтѣ.
Такъ Пенелопѣ отвѣтствовалъ ты, свинопасъ богоравный:
580 Нѣтъ; онъ умно разсуждаетъ, и съ нимъ ты должна согласишься;
Онъ, жениховъ необузданно-дерзкихъ, царица, бояся,
Просить тебя терпѣливо дожждаться, чтобъ Геліосъ скрылся;
Думаю также и я, что гораздо удобнѣе будетъ,
Если его ты одна обо всемъ на досугъ разспросишь.
585 Выслушавъ, умная такъ отвѣчала Эвмею царица:
Странникъ твой, кто бы онъ ни былъ, умно разсуждаетъ; и правъ онъ:
Въ цѣломъ свѣтѣ, нигдѣ посреди земнородныхъ невозможно
Встрѣтить людей, столь неистовыхъ, столь беззаконноразвратныхъ.
Такъ отвѣчала Эвмею она. Свинопасъ богоравный,
590 Все передавъ ей, пошелъ къ женихамъ; съ Телемакомъ въ столовой
Встрѣтился онъ и, приблизившись, бросилъ крылатое слово
Шопотомъ въ ухо ему, чтобъ его не слышали другіе:
Милый, теперь я пду; за свиньями, за домомъ, за вѣми
Въ домѣ запасами должно смотрѣть мнѣ; а ты остороженъ
595 Будь здѣсь, себя береги, и смотри, чтобъ съ тобой никакого
Зла не случилось: зломысленныхъ много тебя окружаютъ.
Зевсе да погубитъ ихъ прежде, чѣмъ бѣдствіе наше созрѣетъ!

Кончилъ. Ему отвѣчалъ разсудительный
сынъ Одиссеевъ:
Добрый совѣтъ ты даешь мнѣ, отецъ; но
ты самъ, ночевавши
600 Дома, сюда возвратися поутру съ отбор-
ной свишьей.
Воги мой умъ просвѣтять и меня надо-
умять, что дѣлать.
Такъ отвѣчалъ Телемакъ. Свинопасъ по-
мѣстился на гладкомъ
Стулѣ; поужинавъ сытно и свой удоволь-
ствовавъ голодь,
Въ поле пошелъ онъ къ свишьямъ остро-
зубымъ, оставивши царскій
605 Домъ, оглашаемый шумомъ пирую-
щихъ; пѣньемъ и пляской
Тамъ веселились. Тѣмъ временемъ темная
ночь наступила.

ОДИССЕЯ.

пѣснь осьмнадцатая.

СОДЕРЖАНІЕ ОСЬМНАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Тридцать восьмой день.

Вой Одиссея съ Иромъ. Онъ напрасно со-
вѣтуетъ Анфиному разстаться съ женами.
Пенелопа подаетъ имъ надежду на скорый
бракъ; они приносятъ ей подарки. Меланто
оскорбляетъ Одиссея. Эвримахъ бросаетъ въ
него скамейкою. Женихи расходятся по
домамъ.

Въ двери вошелъ тутъ одинъ вѣзмъ из-
вѣстный бродяга; шатаясь
По міру, скуднымъ онъ жилъ подаяннемъ,
и въ цѣлой Итакѣ
Славенъ былъ жаднымъ желудкомъ своимъ,
и пахальствомъ, и нѣяпствомъ;
Силы, однако, большой не имѣлъ онъ,
хотя и высокъ былъ
5 Ростомъ. По имени слылъ Арнеономъ
(такъ матерью названъ
Былъ при рожденъи), но въ городѣ вся
молодежь величала
Иромъ его, потому что у всѣхъ онъ тамъ
былъ на посылкахъ.
Въ двери вступивъ, Одиссея онъ сталъ
припуждать, чтобы покинуть

Домъ свой; и бросилъ ему раздраженный
крылатое слово:
10 Прочь отъ дверей, старичишка, иль за
поги выталецъ будешь;
Развѣ не видишь, что всѣ мнѣ мигаютъ,
меня понуждая
Вытолкать въ двери тебя; но марать по-
напрасну своихъ и
Рукъ не хочу; убирайся, иль дѣло окон-
чится дракой.
Мрачно взглянувъ изъ подлѣбья, сказалъ
Одиссей благородный:
15 Ты сумасбродъ, я не дѣлаю зла никому
здѣсь; и сколько бѣ
Тамъ кто ни подалъ тебѣ, я не стану за-
видовать; оба
Здѣсь на порогѣ мы можемъ просторно
сидѣть; намъ не нужно
Споръ заводить. Ты, я вижу, такой же,
какъ я, безпріютный
Странствесникъ; бѣдны мы оба. Лишь
боги даруютъ богатство.
20 Воли однако рукамъ не давай; не со-
вѣтую; старъ я:
Но, разсердяся, и грудь у тебя разобью
я и губы
Въ кровь; и просторіе будетъ тогда мнѣ
на этомъ порогѣ
Завтра, понеже ужъ, думаю, ты не при-
дешь во второй разъ
Властвовать въ домѣ царя Одиссея, Лаэр-
това сына.
25 Ирѣ въ несказанной досадѣ восклик-
нулъ, ему отвѣчая:
Онъ же прожора и умничать вздумалъ!
не хуже стряпухи
Старой лепечеть! постой же; тебя про-
учить мнѣ порядкомъ
Должно, принявъ въ кулаки и изъ че-
люстей зубы повибивъ
Всѣ у тебя, какъ у жадной свиньи, петре-
бляющей пиву.
30 Полно жѣ сидѣть; выходи, покажи намъ
свое здѣсь умѣнье;
Вотъ поглядимъ мы, ты сладилъ ли съ
тѣмъ, кто тебя посылалъ.
Такъ межъ обоими пищими въ бранныхъ
словахъ загорѣлась

Ссора па гладкомъ порогѣ дверей. То при-
мѣтила прежде
Всѣхъ Антипоева сила святая. И съ хо-
хотомъ громкимъ
35 Онъ, къ женихамъ обратясь, восклик-
нулъ: друзья, поглядите,
Что тамъ въ дверяхъ происходитъ. По-
добнаго мнѣ не случалось
Видѣть нигдѣ; намъ чудесную Дію посы-
лаеть забаву:
Съ старымъ бродягой поссорился Ирѣ, и
конечно уязъ скоро
Драка тамъ будетъ; пойдемъ поскорѣе,
намъ должно стравить ихъ.
40 Такъ онъ сказалъ; женихи, засмѣяв-
шись, вскочили поспѣшно
Съ мѣсть и соперниковъ, грязнымъ одѣ-
тыхъ тряпьемъ, обступили.
Тутъ, обратясь къ женихамъ, Антиной,
сынъ Эвейтовъ, сказалъ имъ:
Выслушать слово мое васъ, товарищи, я
приглашаю;
Козьи желудки лежать тамъ на угольяхъ;
сами па ужилъ
45 Ихъ для себя отложили мы, жиромъ
и кровью наливши;
Я предлагаю, чтобъ тотъ, кто изъ двухъ
побѣдителемъ будетъ,
Взялъ для себя изъ желудковъ обжарен-
ныхъ лучшій; потомъ мы
Будемъ вседневно его приглашать и къ
обѣду; другимъ же
Инымъ собирать здѣсь столовые крохи
впередъ не дозволимъ.
50 Такъ предложилъ Антиной, и одобрили
всѣ предложенье.
Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ
Одиссей многоумный:
Въ бой выходить съ молодымъ старику,
изнуренному въ силахъ
Нинеской жизни, трудно, друзья; но
докучный желудокъ
Нудить меня согласиться, хотя бѣ и стер-
пѣть здѣсь побои.
55 Слушайте жъ то, что скажу: поклонитесь
великую клятвой
Мнѣ, что, потворствуя Иру, никто на меня
не подыметъ

Руку и сопернику верхъ надо мной одер-
жать не поможеть.
Такъ говорилъ Одиссей; женихи поклоня-
лись; когда же
Всѣ поклонялся они и клятву свою со-
вершили,
60 Слово къ отцу обративши, сказалъ Те-
лемакъ богоравный:
Если ты самъ добровольно желаешь и
смѣло рѣшился
Выступить въ бой съ нимъ, то страха не
долженъ имѣть: кто посмѣетъ
Руку поднять на тебя, тотъ съ собою
здѣсь многихъ поссорить.
Я здѣсь хозяинъ, защитникъ гостей, и,
конечно, со мною
65 Будутъ теперь заодно Антиной, Эври-
махъ и другіе.
Такъ онъ сказалъ. Женихи согласилсь.
Тогда сынъ Лаэртвовъ
Рубище снялъ и себя имъ, пристойность
храпа, опоясалъ.
Тутъ обнаружились крѣпкія ляжки, ши-
рокія плечи,
Твердая грудь, жиливатые руки, и сдѣ-
лала выше
70 Ростомъ его, непримѣтно къ нему по-
дошедши, Аѳина.
Всѣ женихи на него съ изумленьемъ ве-
ликимъ смотрѣли;
Глядя другъ на друга, такъ межъ собою
они разсуждали:
Иру бѣда; за нахальство теперь онъ за-
платить. Какія
Крѣпкія мышцы подъ рубищемъ этого
нищаго скрыты!
75 Такъ говорили они. Объяла великая
трусость
Ира. Его, опоясавъ, рабы притащили
насилно;
Блѣдный, дрожащій отъ страха, едва на
ногахъ онъ держался.
Слово къ нему обративши, сказалъ Ан-
тиной, сынъ Эвейтовъ:
Лучше тебѣ хвастуну умереть пль совѣмъ
не родиться
80 Было бы, если теперь такъ дрожишь,
такъ безстыдно ребѣшь

Ты передь этимъ, измученнымъ бѣдностью,
старымъ бродягой.
Слушай однако, и то, что услышишь,
исполнителя вѣрно:
Если тебя побѣдитъ онъ и силой своей
одолеетъ,
Будешь ты брошенъ на черный корабль
и на твердую землю
⁸⁵ Къ злomu Эхету царю, всѣхъ людей
истребителю, сосланъ.
Уши и носъ безопадною мѣдою тебѣ онъ
обрѣжетъ,
Въ крохи изрубить тебя и собакамъ от-
дать на сѣденье.
Такъ говорилъ онъ. Ужасная робость про-
никнула Ира;
Силою слуги его притащили; и подняли
руки
⁹⁰ Оба. Себя самого тутъ спросилъ Одиссей
богоравный:
Спльно ль ударить его кулакомъ, чтобъ
издохъ онъ на мѣстѣ?
Или несильнымъ ударомъ его опрокинуть?
Обдумавъ
Все, напоследокъ онъ выбралъ несильный
ударъ, поелику
Иначе могъ бы въ сердцахъ жениховъ
возбудить подозрѣнье.
⁹⁵ Оба тутъ вышли; въ плечо кулакомъ
Одиссея ударилъ
Пръ. Одиссей же его по затылку близъ
уха: вдавилась
Кость сокрушенная внутрь, и багровая
кровь полилася
Ртомъ; онъ, завывъ, опрокинулся; зубы
его скрежетали,
Объ полъ онъ пятками билъ. Женихи же,
всплеснувши руками,
¹⁰⁰ Все помирали отъ смѣха. А сынъ бла-
городный Лаэртъ,
За ногу Ира схвативъ, черезъ двери и
портникъ къ воротамъ
Дома его черезъ дворъ протаскалъ; и, его
приневоливъ
Сѣсть тамъ, спиною къ стѣнѣ присло-
нилъ, суковатую палку
Втиснулъ ему полумертвому въ руки и
гнѣвное бросилъ.

¹⁰⁵ Слово: сиди здѣсь, собакъ и свиней
отгоняй; и нахально
Властвовать въ домъ чужомъ не пытайся
впередъ, выслая
Нищихъ оттуда, самъ нищій бродяга: иль
будетъ съ тобою
Хуже бѣда. Онъ сказалъ, и, на плечи
побросивъ котомку,
Всю въ заплатахъ, влѣвшую вмѣсто ремня
на веревкѣ,
¹¹⁰ Къ двери своей возвратился и сѣлъ
на порогѣ. А гости
Встрѣтили смѣхомъ его и, къ нему под-
ступивши, сказали:
Молимъ мы Зевса и вѣчныхъ боговъ,
чтобъ они совершили
Все то, чего наиболѣе теперь ты желаешь,
о чемъ ты
Молишь ихъ самъ; навсегда ты избавилъ
отъ злаго прожоры
¹¹⁵ Край нашъ. Онъ нами немедленно будетъ
на твердую землю
Къ злomu Эхету царю, всѣхъ людей не-
стребителю, сосланъ.
Такъ женихи говорили; былъ радъ Одис-
сей прорицанью.
Съ угольевъ снявши желудокъ, наполнив-
ный жиромъ и кровью,
Подаль Лаэртъову сыну его Антипой; и,
два хлѣба
¹²⁰ Взявъ пзъ корзинны, принесъ ихъ ему
Анфиномъ; онъ наполнилъ
Кубокъ виномъ и сказалъ Одиссею, его
поздравляя:
Радуйся, добрый отецъ иноземецъ! теперь
пицетою
Ты удрученъ; да пошлютъ наконецъ и
тебѣ пзобилъе
Боги! Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей хи-
тромауный:
¹²⁵ Ты, Анфиномъ, благомысленный юноша,
вижу я; знатенъ
Твой благородный отецъ, повсемѣстно мо-
вою хвалимый,
Пизъ, уроженецъ Дулихія многобогатый;
его ты
Сынъ, мнѣ сказали; и самъ испыталъ я,
сколь ты добродушенъ.

Слушай же, другъ, и размысли, размысли
о томъ, что услышишь:
130 Все на землѣ измѣняется, все скоротечно;
всего же,
Что ни цвѣтетъ, ни живетъ на землѣ, че-
ловѣкъ скоротечнѣй;
Онъ о возможной въ грядущемъ бѣдѣ не
помыслить, покуда
Счастьемъ боги лелѣютъ его и стоитъ на
погахъ опъ;
Если жъ бѣду испрошлютъ на него все-
могущіе боги,
135 Онъ петодусть, но твердой душой неиз-
бѣжное споситъ:
Такъ суждено ужъ намъ всѣмъ, на землѣ
обитающимъ людямъ,
Что бѣ ни послалъ намъ Крононъ, владыка
безмертныхъ и смертныхъ.
Нѣкогда славень и я межъ людьми быть
великимъ богатствомъ;
Силой своею увлеченный, тогда беззакон-
ствовалъ много
140 Я, на отца и возлюбленныхъ братьевъ
своихъ полагаюсь.
Горе тому, кто себѣ на землѣ позволяеть
неправду!
Должно въ смиреніи напротивъ дары отъ
боговъ принимать намъ.
Вижу, какъ здѣсь женихи, самовластно
безчинствуя, губятъ
Все достоянне царя, и напосятъ обиды
супругъ
145 Мужа, который, я мыслю, недолго съ
семьею и съ отчизной
Будеть въ разлукѣ. Онъ близко. О другъ,
да хранительный демонъ
Вовремя въ домъ твой тебя уведеть, чтобъ
ему на глаза ты
Здѣсь не попался, когда возвратитесь въ
отеческій домъ опъ.
Здѣсь не пройдетъ безъ прощтія крови,
когда съ женихами
150 Станетъ вести свой расчетъ опъ, вступя
подъ домашнюю кровлю.
Такъ опъ сказалъ и вина золотого, свер-
шивъ возліянне,
Выпилъ; и кубокъ потомъ возвратилъ
Анфиному. И тихимъ

Шагомъ пошелъ Анфиномъ съ головой на-
клоненной, съ печалью
Милаго сердца, какъ будто предчувствуемъ
бѣдствія полный;
155 Но не ушелъ отъ судьбы опъ; его око-
вала Паллада,
Пастъ отъ копья Телемакова выветъ съ
другими назначивъ.
Сѣлъ опъ на стулъ свой опять, къ же-
нихамъ возвратится безопасно.
Тутъ свѣтлообая дочь громовержца вло-
жила желанье
Въ грудь Пенелопы разумной супруги
Лаэртава сына
160 Выдти, дабы, женихамъ показавшись,
сильнѣйшимъ желаньемъ
Сердце разжечь имъ, въ очахъ же су-
пруга и милаго сына
Болѣ, чѣмъ прежде, явиться достойною
ихъ уваженья.
Такъ, улыбнуться уста пришеволивъ, она
Эвриномъ,
Ключницѣ старой, сказала: хочу я—чего
не входило
165 Прежде мнѣ въ умъ—женихамъ нена-
вистнымъ моимъ показаться;
Также хочу и совѣтъ тамъ подать Теле-
маку, чтобъ болѣ
Съ шайкою ихъ, многобуйныхъ грабите-
лей, онъ не водился;
Добры они на словахъ, но недобрія мысли
въ умѣ ихъ.
Ей Эвринома усердная ключница такъ
отвѣчала:
170 То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу
справедливымъ.
Видь къ нимъ и милому сыну подай от-
кровенно совѣтъ свой.
Прежде однако омойся, патри благово-
ннымъ слесемъ
Щеки; тебѣ не годится съ лицомъ без-
образнымъ отъ плача,
Къ нимъ выходить: красота увядаетъ отъ
скорби всегдѣшней.
175 Сынъ же твой милый созрѣлъ, и тебѣ,
какъ молила ты, боги
Дали увидѣть его съ бороною расцвѣт-
шаго мужа.

Ключициѣ вѣрной отвѣтствуя, такъ Пене-
 лопона сказала:
 Нѣтъ, никогда, Эврипиома, для нихъ пе-
 навистныхъ не буду
 Я омываться и щеки натирать благовоп-
 нымъ елеемъ.
 180 Боги, владыки Олимпа, мою красоту по-
 губили
 Въ самый тотъ часъ, какъ пошелъ Одис-
 сей въ отдаленную Трою.
 Но позови Гишодамію, съ нею пускай
 Автоноя
 Также придетъ, чтобъ меня проводить въ
 пировую палату:
 Къ нимъ не пойду я одна, то стыдливости
 женской противно.
 185 Такъ говорила царица. Послѣвши пошла
 Эврипиома
 Клякнутъ обѣихъ служанокъ, чтобъ тотъ-
 часъ послать къ госпожѣ ихъ.
 Умная мысль родилася тутъ въ сердцѣ
 Аѳины Палады:
 Сну миропосцу велѣла богиня сойти къ
 Пенелопѣ.
 Сопъ прилетѣлъ и ее улепѣлялъ, и все
 въ ней утихло.
 190 Въ креслахъ она неподвижно сидѣла; и
 ей усыпленной
 Все, чѣмъ πληпоются очи мужей, даро-
 вала богиня:
 Образъ ея просіялъ той красой несказан-
 ной, какою
 Въ пламенно-быстрой и въ сладостно-том-
 ной съ харитами плясѣ
 Образъ Киприды, вѣнкомъ благовоннымъ
 вѣчанной, сіяеть;
 195 Стройный ея возвеличился станъ и все
 тѣло иѣжиѣ,
 Чище, свѣжѣй и блистательнѣй сѣдалось
 кости слоновой.
 Такъ одаривши ее, удалалась богиня
 Аѳина.
 Но бѣлорукія обѣ рабыни, вбѣжавши но-
 сѣвшю
 Въ горницу, шумомъ нарушили сладост-
 ный сопъ Пенелопы.
 200 Щеки руками съ просонья потерши, она
 имъ сказала:

Какъ же я сладко заснула въ моемъ со-
 крушеньи! О! если бѣ
 Мнѣ и такую же сладкую смерть принесла
 Артемида
 Въ это мгновенье, чтобъ я непрерывной
 тоской перестала
 Жизнь сокрушать, все не вѣдая, гдѣ Одис-
 сей, гдѣ супругъ мой,
 205 Доблестью всякой украшенный, между
 ахеянъ славнѣйшій.
 Кончивъ, по лѣстницѣ внизъ Пенелопона
 сошла; вѣлѣдъ за нею
 Обѣ служанки сошли, и она, божеество
 красотою,
 Въ ту палату вступивъ, гдѣ ея женихи
 пировали,
 Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій
 державнаго, сгала,
 210 Щеки закрывши своимъ головнымъ покрыва-
 валомъ блестящимъ;
 Сирава и слѣва почтительно стали слу-
 жанки. Колѣна
 Ихъ задрожали при видѣ ея красоты, и
 сильнѣе
 Вспыхнуло въ каждомъ желаніе ложе ея
 раздѣлить съ ней.
 Сына къ себѣ подозвавши, его Пенелопона
 спросила:
 215 Сынъ мой, скажи мнѣ, ты въ полномъ ли
 разумѣ? Въ возрастѣ дѣтскомъ
 Былъ ты умнѣй и приличіе всякое бо-
 лѣ вѣдалъ.
 Нынѣ жъ ты мужеской силы достигнулъ,
 и кто ни посмотритъ
 Здѣсь на тебя, чужеземецъ ли, здѣшній
 ли, каждый породу
 Мужа великаго въ свѣтлой твоей красотѣ
 угадастъ.
 220 Гдѣ же однога твой умъ? Ты совсѣмъ по-
 забылъ справедливость.
 Дѣло безчинное здѣсь у тебя на глазахъ
 совершилось;
 Этого странника въ домѣ своемъ допу-
 стилъ ты обидѣть;
 Что же? Когда чужеземецъ, доврѣчиво
 твоей посѣтившій
 Домъ, оскорбленный тамъ будетъ сидѣть,
 и ругаться имъ станеть

225 Всякой—постыдный упрекъ отъ людей
на себя навлечешь ты.
Матери такъ отвѣчалъ благомысленный
сынъ Одиссеевъ:
Милая мать, твой упрекъ сиравадливъ;
на него не могу я
Сѣтовать. Нынѣ я все понимаю; и мнѣ
ужь не трудно
Зло отличать отъ добра; изъ ребячества
вышелъ я, правда;
230 Но не всегда и теперь удастся мнѣ луч-
шее выбрать:
Наши пезванные гости приводятъ мой умъ
въ безпорядокъ;
Злое одно замышляютъ они; у меня жъ
руководца
Нѣтъ. Но сраженіе странника съ Промъ
не ихъ самовольствомъ
Было устроено; высшая здѣсь обнаружи-
лась воли.
235 Если бѣ, о Дій громовержецъ! о Февъ
Аполлонъ! о Аѳина!
Всѣ женихи многобуйные въ нашей оби-
тели нынѣ,
Кто на дворѣ, кто во внутреннихъ дома
покояхъ, сидѣли,
Головы свѣсивъ на грудь, всѣ избитые,
такъ же, какъ этотъ
Иръ побродяга, теперь за воротами дома
сидящій!
240 Трепетной онъ головою мотааетъ, какъ
пьяный; не можетъ
Прямо стоять на ногахъ, ни сидѣть, ни
подняться, чтобъ въ домъ свой
Медленнымъ шагомъ добрестъ черезъ си-
лу; совѣмъ онъ изломанъ.
Такъ про себя говорили они, отъ другихъ
въ отдаленнѣ.
Тутъ, обратясь къ Пенелопѣ, сказалъ
Эвримахъ благородный:
245 О многоумная старца Икарія дочь Пе-
нелопе,
Если бѣ могли всѣ ахейцы изійскаго Ар-
госа нынѣ
Видѣть тебя, жениховъ бы двойное число
собралось
Въ домъ твоимъ шировать. Превосходниъ
ты всѣхъ земородныхъ

Женъ красотой и возвышеннымъ станомъ
и разумомъ свѣтлымъ.
250 Такъ говорилъ Эвримахъ. Пенелопе сму
отвѣчала:
Нѣтъ, Эвримахъ, красоту я утратила во-
лей безсмертныхъ
Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошла въ
корабляхъ чернобокихъ ахейцы
Въ Трою и съ ними пошелъ мой супругъ,
Одиссей богоравный.
Если бѣ онъ жизни моей покровителемъ
былъ, возвратясь
255 Въ домъ, неслезанно была бѣ я тогда и
славна и прекрасна.
Нынѣ жъ въ печали я вяну; враждуетъ
злой демонъ со мною.
Въ самый тотъ часъ, какъ отчизну свою
онъ готовъ былъ покинуть,
Взявши за правую руку меня, онъ ска-
заль на прощаньи:
Думать не должно, чтобъ воинство мѣдно-
обутыхъ ахейца
260 Все безъ урона изъ Трои въ отчизну
свою возвратилось;
Слышно, что въ боѣ отважны троянскіе
мужи, что коня
Мѣтко бросають; въ стрѣляни изъ лука
зорки; искусно
Грозно-летучими, часто сраженье межъ
двухъ равносильныхъ
Ратей рѣшались разомъ копиямъ владѣють.
Навѣрно
265 Знать не могу я, позволить ли Дій воз-
вратиться сюда мнѣ,
Или погибель я въ Троѣ найду. На твое
попеченье
Все оставляю. Печаль объ отцѣ и объ ма-
тери милой
Такъ же усердно, какъ прежде, и даже
усердѣннѣ: поспеже
Буду не здѣсь я; когда же нашъ сынъ
возмужаетъ, ты замужъ
270 Выдѣ, за кого пожелаешь, и домъ нашъ
покинь. На прощаньи
Такъ говорилъ Одиссей мнѣ; и все ужъ
исполнилось. Скоро,
Скоро она, независтная почъ независт-
наго сердцу

- Брака наступить для бѣдной меня, всѣхъ
 земныхъ утѣшеній
 Зевсомъ лишенной. На сердцѣ моемъ не-
 сказанное горе.
 275 Въ прежнее время обычай бывалъ, что,
 когда пачинали
 Свататься, знатнаго рода вдову или бо-
 гатую дѣву
 Выбравъ, одинъ предъ другимъ женихи
 отличиться старались;
 Въ домъ приводя къ нареченной невѣстѣ
 быковъ и барановъ,
 Тамъ угощали они всѣхъ друзей; и не-
 вѣсту дарили
 280 Щедро; чужое жъ имущество тратить безъ
 платы стыдились.
 Копчила. Въ грудь Одиссея проникло ве-
 селье, понеже
 Было пріятно ему, что отъ ихъ поже-
 лала подарковъ,
 Лестя имъ словами, душою же ихъ не-
 навидя, царица.
 Ей отвѣчая, сказала Антиной, сынъ Эв-
 пейтовъ надменный:
 285 О многоумная старца Икарія дочь Пе-
 нелона,
 Всякой подарокъ, тебѣ отъ твоихъ жени-
 ховъ подносимый,
 Ты принимай: непозволено то отвергать,
 что дарятъ намъ.
 Мы же, ты знай, не пойдемъ отъ тебя
 ни домой, ни въ иное
 Мѣсто, пока ты въ насъ по желанью не
 выберешь мужа.
 290 Такъ говорилъ Антиной; согласились всѣ
 съ нимъ другіе.
 Каждый потомъ за подаркомъ глашатая
 въ домъ свой отиравлялъ.
 Посланный длинную мантию съ пестрымъ
 шитьемъ Антиною
 Подаль; двѣнадцать застежекъ ее золотыхъ
 украшали,
 Каждая съ гибкимъ крючкомъ, чтобъ, въ
 кольцо задѣваясь, держалъ онъ
 295 Мантию. Цѣпь изъ обдѣланныхъ въ зо-
 лото съ чуднымъ искусствомъ,
 Свѣтлыхъ, какъ солнце, большихъ яггарей
 принесли Эвримаху.
 Серьги—изъ трехъ, съ шелковичной пур-
 пурою ягодою сходныхъ
 Шариковъ каждая — подаль проворный
 слуга Эвридаму;
 Былъ молодому Пизандрю, Поликтора ум-
 наго сыну,
 300 Женскій уборъ припесень, ожерелье бо-
 гатое; столь же
 Были нескупы и прочіе всѣ на подарки.
 Принявъ ихъ,
 Вверхъ по ступенямъ высокимъ обратно
 пошла Пенелопа.
 Съ ней удалились, подарки неся, и мла-
 дыя рабыни.
 Тѣ же, опять обратившія къ пляскѣ и
 сладкому пѣнію,
 305 Начали снова шумѣть въ ожиданіи ночи;
 когда же
 Черная ночь посреди ихъ веселаго шума
 настала,
 Три по срединѣ палаты поставивъ жаров-
 ни, паклали
 Много полѣньевъ туда, изопредной па-
 рубленныхъ мѣдью,
 Мелкихъ, сухихъ и лучиною тонкой за-
 жгли ихъ, смолистыхъ
 310 Факеловъ къ нимъ подложивши. Смо-
 трѣтъ за огнемъ поочередно
 Были должны Одиссеева дома рабыни. И
 съ ними
 Такъ говорить Одиссей хитромысленный
 началъ: подите,
 Вы, Одиссеева дома рабыни, отсюда въ
 покои
 Вашей царицы, Икарія дочери многораз-
 умной;
 315 Сядьте съ ней, тонкія нити сучите, и
 волну руками
 Дергайте, горе ея развлекая своимъ раз-
 говоромъ.
 Я же останусь смотрѣть за огнемъ, и
 свѣтло здѣсь въ палатѣ
 Будетъ, хотя бы они до утра пировать
 здѣсь остались;
 Имъ не удастся меня утомить; я терпѣть
 научился.
 320 Такъ говорилъ онъ. Рабыни одна на дру-
 гую взглянули

Съ громкимъ смѣхомъ; и грубо ему отвѣ-
 чала Меланто,
 Дочь Долона (се воспитала сама Пене-
 лопы
 Съ дѣтства, и много игрушекъ и великихъ
 ей лакомствъ давала;
 Сердце жъ ея нечувствительно было къ
 печалымъ царицы;
 325 Тайно любовный союзъ съ Эвримахомъ
 она заключила);
 Такъ отвѣчала она Одиссею ругательнымъ
 словомъ:
 Видно совѣмъ потерялъ ты разсудокъ,
 бродяга; не хочешь
 Видно искать ты почлега на кузницѣ, или
 въ закутѣ,
 Или въ шинкѣ; здѣсь конечно пріютнѣй
 тебѣ; на слова ты
 330 Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ го-
 сподъ; и душою не робокъ;
 Знать, отъ вина помутился твой умъ, или,
 быть можетъ, такой ужъ
 Ты отъ природы охотникъ безъ смысла
 болтать; или, осиливъ
 Вѣдлаго Ира, такъ поднялъ ты носъ—
 берегися однако;
 Можетъ съ тобою здѣсь встрѣтиться кто-
 нибудь Ира сильнѣе;
 335 Зубы твои всѣ своимъ кулакомъ онъ же-
 лѣзнымъ повывѣтъ;
 Вытолкнуть въ дверь по затылку имъ бу-
 дешъ ты, кровью облитый.
 Мрачно взглянувъ изъ подлбья, сказалъ
 Одиссей хитроумный:
 Я на тебя Телемаку пожалуюсь, злая со-
 бака;
 Въ мелкія части болтуню тебя искро-
 шить онъ прикажетъ.
 340 Слово его испугало рабынь; и онѣ во
 мгновенье
 Всѣ изъ палаты ушли; ихъ колѣна дро-
 жали отъ страха;
 Думали всѣ, что на дѣлѣ исполнится то,
 что сказалъ имъ
 Странникъ. А онъ у жаровень стоялъ,
 наблюдая, чтобъ ярче
 Пламя горѣло; и глазъ не сводилъ съ же-
 ниховъ, имъ готова

345 Мыслию все, что потомъ и па самомъ
 исполнилось дѣлѣ.
 Тою порою жениховъ и Аенна сама воз-
 буждала
 Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы раз-
 горѣлось сильнѣе
 Мщеніе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаар-
 това сына.
 Такъ говоритъ Эвримахъ, сынъ Полибіевъ,
 началъ (обидѣвъ
 350 Словомъ своимъ Одиссея, другихъ раз-
 смѣшивши, хотѣлъ онъ):
 Слухъ вашъ склоните ко мнѣ, женихи
 Пенелопы, дабы я
 Высказать могъ вамъ все то, что велитъ
 мнѣ разсудокъ и сердце.
 Этотъ нашъ гость безъ сомнѣнія демопомъ
 послапъ, чтобъ было
 Намъ за трансой свѣтлѣй; не отъ факе-
 ловъ такъ все сияетъ
 355 Здѣсь, но отъ плѣши его, на которой нѣтъ
 волоса белѣ.
 Такъ онъ сказалъ и потомъ, обратясь къ
 Одиссею, примолвилъ:
 Странникъ, ты вѣрно подешникомъ бу-
 дешъ согласенъ наняться
 Въ службу мою, чтобъ работать за плату
 хорошую въ полѣ,
 Рвать для забора терновникъ, деревья са-
 жать молодыя;
 360 Круглый бы годъ получалъ отъ меня
 ты обильную пищу,
 Всякое нужное платье, для ногъ надле-
 жашую обувь.
 Думаю только, что будешь худой ты ра-
 ботникъ, привыкнувъ
 Къ лѣни, безъ дѣла бродя и мірскимъ
 подаяньемъ питаемъ:
 Даромъ свой жадный желудокъ кормить
 для тебя веселѣе.
 365 Кончилъ. Ему отвѣчалъ, сказала Одне-
 сей хитроумный:
 Если бъ съ тобой, Эвримахъ, привелось
 мнѣ носпорить работой,
 Если бъ весною, когда продолжительнѣй
 быть начинаютъ
 Дни, по косѣ, одинаково острой, обонмъ
 намъ дали

- Въ руки, чтобъ, вмѣстѣ работая съ са-
маго ранняго утра
370 Видеть до вечерней зари, мы траву
луговую косили,
Нли, когда бы, запрягли намъ въ плугъ
двухъ быковъ круторогихъ,
Огненныхъ, рослыхъ, откормленныхъ туч-
ной травой, могучей
Силою равныхъ, равно молодыхъ, равно
работящихся,
Дали четыре намъ поля всахать для по-
сѣва, тогда бы
375 Самъ ты увидѣлъ, какъ быстро бы въ
длинные борозды плугъ мой
Поле изрѣзавъ. А, если бѣ войну зава-
лили здѣсь Кроніонъ
Зевсъ, и мнѣ дали бы щитъ, два копья
мѣдноострыхъ и мѣдный
Кованный шлемъ, чтобъ моея головѣ былъ
надежной защитой,
Первымъ въ сраженіи меня ты тогда бы
увидѣлъ; тогда бы
380 Мнѣ ты не сталъ попрекать ненасыт-
ностью жадной желудка.
Но человѣкъ ты надменный; твое неприяз-
ненно сердце;
Самъ же себя, Эвримахъ, ты считаешь
великимъ и сильнымъ
Лишь потому, что находишься въ обще-
ствѣ низкихъ и слабыхъ.
Если бѣ однако, нежданннй никѣмъ, Одне-
сей вамъ явился—
385 Сколь ни просторная плотинкою сдѣ-
лана дверь здѣсь, она бы
Узкой тебѣ, неоплядкой бѣгущему, вдругъ
показалась.
Онъ замолчалъ. Эвримахъ, разсердясь, на
него изъ подлѣбя
Грозно очамъ сверкнувъ, и слово крылатое
бросилъ:
Вотъ погоди, я съ тобою раздѣлаюсь, гряз-
ный бродяга:
390 Дерзокъ въ присутствіи знатныхъ гос-
подъ и не робокъ душой ты;
Видно вино помутило твой умъ, иль, быть
можетъ, такой ужъ
Ты отъ природы охотникъ безъ смысла
болтать иль, сснливъ
- Единаго Ира, такъ сдѣлаея гордь—бере-
гнися однако.
Такъ онъ сказалъ и скамейку схватилъ,
чтобъ пустить въ Одиссея;
395 Но Одиссей, отекочивши, къ колѣнамъ
припалъ Анфинома;
Мимо его прошумѣвъ, выпочерниа сильно
скамейка
Въ правую треснула руку, и чаша, въ ней
бывшая, на полъ
Грянула; тотъ, опрокинутый, навзничъ
упалъ, застопавши.
Начали громко шумѣть женихи въ потем-
нѣвшей палатѣ;
400 Глядя другъ на друга, такъ межъ со-
бою они разсуждали:
Лучше бы было, когда бѣ, до прихода къ
намъ, этотъ незваный
Гость на дорогѣ подохъ, не завелъ бы у
насъ онъ такого
Шума. Теперь мы за пищаго сеоримея;
ниръ нашъ испорченъ;
Кто при великомъ раздорѣ такомъ весе-
лится захочеть?
405 Къ нимъ обратилась тогда Телемакова
сила святая:
Буйные люди, вы всё помышляете; не
можете болѣ
Скрыть вы, что хмѣль обуялъ васъ. Знать,
демошь какой поджигаетъ
Веѣхъ на раздоръ; пировали довольно вы,
спать ужъ пора вамъ;
Можетъ, кто хочетъ, уйти; принуждать
никого я не буду.
410 Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши
съ досадою губы,
Смѣлымъ еге пораженіемъ словомъ, ему
удивлялись.
Тутъ, обратясь къ собратью, сказалъ Ан-
финомъ благородный,
Иззовъ блнетательный сытъ, отъ Арето-
вой царственной крови:
Правду сказали онъ, друзья; на разумное
слово такое
415 Вы не должны отвѣчать оскорбляемъ;
не трогайте болѣ
Старога странника; также оставьте въ по-
коѣ и прочихъ

Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэрта
славнаго сына.
Пусть виночерпій опять намъ наполнитъ
виномъ благовопнымъ
Кубки, чтобъ мы, возлявъ, на покой по
домамъ разошлись;
420 Страпница жь здѣсь почевать въ Одис-
сеевомъ домѣ оставимъ.
На руки сдавъ Телемаку: онъ гостя Те-
лемака дома.
Такъ Афиномъ говорилъ, и поправилось
всѣмъ, что сказалъ онъ.
Тутъ Мулионъ, дуникійскій глашатай, слуга
Афиномовъ,
Мужъ благородной породы, виша намъ-
шавши въ кратеры,
425 Кубки наполнилъ до края и подавъ
гостямъ; совершивши
Имъ возлянье блаженнымъ богамъ, осу-
пили всѣ кубки
Гости; когда жь, совершивъ возлянье, ви-
номъ насладились
Вдоволь они, всѣ пошли по домамъ, чтобъ
предаться покою.

О Д И С С Е Я .

вѣснь девятнадцатая.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЙ
КНИЖКИ.*Вечеръ тридцать восьмью для.*

Одиссей вѣсць съ Телемакомъ выносить
оружья изъ столовой, потомъ остается одинъ.
Меланто слова его оскорбляетъ. Онъ разска-
зываетъ Пенелопѣ вымышленную о себѣ но-
вѣсть и увѣраетъ ея, что Одиссей скоро воз-
вратится въ домъ свой. Эвриклея узнаетъ его
по рубцу на ногѣ; онъ повѣдываетъ ей мол-
чать. Пенелопа разсказываетъ ему сонъ свой,
потомъ говоритъ, что отдастъ руку свою тому
изъ жениховъ, который побѣдитъ другихъ
стрѣлою изъ Одиссеева лука; наконецъ Пе-
нелопа удаляется.

Всѣ разошлись; одинъ Одиссей въ ону-
гѣвшею палатѣ
Смерть замышлять женихамъ совокупно
съ Аинной остался.
Съ нимъ Телемакъ; и сказалъ онъ, къ
нему обратися: мой милый

Сынъ, напередъ надлежитъ всѣ оружья
вынести отсюда.
5 Если жь, примѣтивъ, что лѣтъ ужь въ
палатѣ, какъ прежде, оружій,
Спросить о нихъ женихи, ты тогда отвѣ-
чай имъ: въ палатѣ
Дымно; ужь сдѣлалъсь вовсе они не та-
кїя, какими
Здѣсь ихъ отецъ Одиссей, при отбѣгнїи въ
Трою, покинулъ:
Ржавчиной всѣ отъ огня и отъ кошты
смердной покрылись.
10 Также и вышнюю въ сердце вложилъ
имъ Зевесъ осторожность:
Можетъ мечь вами отъ хмѣля вражда за-
горѣться лихалъ;
Кровью тогда сватовство и торжественный
пиръ осквернится—
Само собой прилипаетъ къ рукѣ роковое
жельзо.
Такъ онъ сказалъ. Телемакъ, повинулся
родителя волю,
15 Кликнулъ старушку, усердную няню
свою Эвриклею;
Няня, сказалъ онъ, смотри, чтобъ слу-
жанки сюда не входили
Прежде, покуда наверхъ не отнесъ я отцо-
выхъ оружій;
Здѣсь безъ пресмотра они; всѣ непорочны
дымомъ; отца же
Нѣтъ. Я донимъ ребенокъ безсмысленный
былъ, но теперь я
20 Знаю, что должно отнести ихъ туда,
гдѣ не можетъ ихъ портить
Копоть. Сказалъ. Эвриклея старушка ему
отвѣчала:
Дѣльно! пора, мой прекрасный, за разумъ
припяться и дома
Быть господиномъ, и знать обходиться съ
отцовымъ богатствомъ.
Кто жь, когда покидать не велишь ты слу-
жанкамъ ихъ горницъ,
25 Факеломъ будетъ зажженнымъ тебѣ
здѣсь свѣтить за работою?
Ей отвѣчая, сказалъ разсудительный сынъ
Одиссеевъ:
Этотъ старикъ; не трудяся, никто, и
хотя бь онъ чужой былъ,

Въ домѣ моемъ, получая нашъ кормъ,
оставаться не долженъ.

Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его
пролетѣло

³⁰ Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ
жили служанки, замкнула

Тотчасъ она. Одиссей съ Телемакомъ тогда
припаялся

Мѣдныя съ гребнямъ шлемы, съ горбами
щиты, съ остріями

Длиными коня наверхъ выпоесть; и
Аѳпа Паллада

Имъ певдимо, держа золотую лампаду,
свѣтила.

³⁵ Тѣмъ изумленный, сказалъ Телемакъ
Одиссею: родитель,

Въ нашихъ очахъ происходить великое,
думаю, чудо;

Гладкія стѣны палаты, сосновые средіе
брусья,

Всѣ потолка перекладныя, всѣ здѣсь ко-
лонны такъ ясно

Видны глазамъ, такъ блистаютъ, какъ
будто бѣ пожаръ былъ кругомъ ихъ—

⁴⁰ Видно здѣсь кто изъ боговъ олимпій-
скихъ присутствуетъ тайно.

Такъ онъ спросилъ; отвѣчая, сказалъ
Одиссей хитроумный

Сыну: молчи, ни о чемъ не разспрашивай,
бойся и мыслить:

Боги, владыки Олимпа, такой ужъ имѣютъ
обычай.

Время тебѣ на покой удалиться, а я
здѣсь останусь;

⁴⁵ Видѣть хочу поведенье служанокъ; хочу
въ Пеллопѣ

Сердце встревожить, чтобъ, плача, меня
обо всемъ разспросила.

Такъ онъ сказалъ. Телемакъ изъ палаты
немедленно вышелъ;

Факелъ зажженный неся, онъ пошелъ въ
тотъ покой ночивальный,

Гдѣ по почамъ миротворному сну преда-
вался обычно.

⁵⁰ Въ спальню пришедши, онъ легъ и
заснулъ въ ожиданьи девицы.

Тою порою одинъ Одиссей въ онуѣв-
шей палатѣ

Смерть замыслилъ женихамъ совокупно
съ Палладою остался.

Вышла разумная тутъ изъ покоевъ сво-
ихъ Пенелопа,

Свѣтлымъ лицомъ съ золотой Афродитой,
съ молодой Артемидой

⁵⁵ Сходная. Съесть ей къ огню пододвинули
стулъ, изъ слоновой

Кости точеный, съ оправой серебряной,
чуждой работы

Икмалиона (для ногъ и скамейку при-
дѣлалъ художникъ

Къ дивному стулу). Опъ мягкошкурою
покрытъ былъ овчиной.

Многоразумная съла на стулъ Пенелопа.
Вступивши

⁶⁰ Съ ней блзрукія царскаго дома слу-
жанки въ палату,

Начали всѣ убирать тамъ столы съ пе-
добденнымъ хлѣбомъ,

Кубки и множество чашъ, изъ которыхъ
надменные гости

Пили; и, выбросивъ на полъ золу изъ
жаровень, наклали

Новыхъ полѣньевъ туда, чтобъ нагрѣ-
лась палата и былъ въ ней

⁶⁵ Свѣтъ. А Меланто опять привязалась
ругать Одиссея:

Здѣсь ты еще, неотвязный? Не хочешь
и почью покоя

Дать намъ, бродя здѣсь какъ стѣнь, чтобъ
подмѣтить, что въ домѣ служанки

Дѣлаютъ. Вонъ! говорю я тебѣ, побро-
дяга; наѣлся

Здѣсь ты довольно! уйди, иль швырну
я въ тебя головою.

⁷⁰ Мрачно взглянувъ изъ подлѣбья, сказалъ
Одиссей хитроумный:

Что жъ такъ нестово ты на меня, сума-
сбродная, заишься?

Или противно тебѣ, что въ грязи я, что,
въ рубищѣ бѣдномъ

По міру ходя, прошу подаянья? Что жъ
дѣлать? Я нищій.

Жребій такой ужъ намъ всѣмъ безотрадно
бродящимъ скитальцамъ.

⁷⁵ Въ прежніе дни я и самъ межъ людьми
не совѣмъ безпріютно

Жиль; и богатоустроеннымъ домомъ вла-
дѣль, и доступенъ
Всякому страннику былъ, и охотно да-
вать немущимъ;
Много имѣлъ я невольниковъ, много
всего, чѣмъ роскошно
Люди живутъ и за что величаютъ ихъ
свѣтъ богачами.

⁸⁰ Все уничтожилъ Кронионъ—такъ было
ему то угодно.

Ты, безразудная, такъ же (кто знаетъ,
какъ скоро!) утратишь

Всю красоту молодую, которою такъ здѣсь
гордишься;

Станешь тогда ты противна своей госпожѣ;
да и можетъ

Самъ Одиссей возвратиться—надежда не
вовсе пропала;

⁸⁵ Если же онъ и погибъ, и возврата
лишень, то еще здѣсь

Сынъ Одиссеевъ, младой Телемакъ, Апол-
лоновъ питомецъ,

Здравствуетъ; знаетъ онъ все поведеніе
служанокъ домашнихъ,

Скрыться не можетъ ничто отъ него;
онъ изъ дѣтства ужъ вышелъ.

Такъ онъ сказалъ. Пенелона, услышавъ
разумное слово,

⁹⁰ Рѣчь обратила свою раздраженная къ
дерзвой служанкѣ:

Ты, какъ собака, безстыдница, злишь ея;
меня жъ не обманешь;

Знаю твое поведенье; за все головою за-
платишь.

Развѣ не слышала ты, какъ сюда при-
гласить я велѣла

Этого странника, мысли, что можетъ ска-
зать мнѣ какую

⁹⁵ Вѣсть о супругѣ моей, о которомъ
давно такъ я плачу?

Тутъ, обратясь къ Эврипомѣ, сказала
она: Эвринома,

Стулъ подвинь поскорѣе, покрытый
овчиною мягкой;

Должно, чтобъ здѣсь инопемець покойно
сидѣлъ, и свои пажъ

Всѣ разсказалъ приключенія, и мнѣ
отвѣчалъ на вопросы.

¹⁰⁰ Такъ говорила она. Эвринома пемедле-
но гладкій

Стулъ припесла и покрыла его густо-
шерстной овчиной;

Сѣсть приглашенъ былъ на стулъ Оди-
сей богоравный женою.

Такъ, обратясь къ нему, начала гово-
рить Пенелона:

Странникъ, сначала тебя я сама вопрошу,
отвѣчай мнѣ:

¹⁰⁵ Кто ты, мой добрый старикъ? Кто отецъ
твой? Кто мать? Гдѣ родился?

Такъ, отвѣчая, сказалъ Одиссей, въ испы-
таніяхъ твердый:

О царица, повсюду и всѣхъ на землѣхъ без-
предѣльной

Люди тебя превозносятъ, ты славою до
неба достигла;

Ты угодиться можешь царю безпороч-
ному; страха

¹¹⁰ Воля полный, и многихъ людей пове-
литель могучій,

Правду творить онъ; въ его областяхъ
изобильно родится

Рожъ и ячмень, и ишено, тягѣются
плодами деревьевъ,

Множится скотъ на поляхъ, и кипятъ
многорыбіемъ воды;

Праведно властвуетъ онъ и его благо-
депствуютъ люди.

¹¹⁵ Ты же, царица, меня вопрошай обо
всемъ; не касайся

Только отчизны моей и семьи и семей-
наго дома:

Горе мнѣ душу глубоко проникнетъ, когда
говорить здѣсь

Буду, о нихъ вспоминая; страдалъ я не-
мало. Въ чужомъ же

Домѣ, въ бесѣдѣ съ людьми, предаваться
слезамъ неприлично.

¹²⁰ Слезы напрасны: бѣдамъ не приносятъ
онѣ нецѣленія.

Можетъ притомъ и на мысли придти здѣсь
рабынямъ, сама ты

Можешь подумать, что слезы отъ хмѣля
мои происходятъ.

Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала ца-
рица:

Ограникъ, мою красоту я утратила во-
 лей безсмертныхъ
 125 Съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ пошли въ
 корабляхъ черпобокихъ ахейцы
 Въ Трою, и съ ними вошелъ мой су-
 пругъ, Одиссей богоравный.
 Если бѣ онъ жизни моей погровителемъ
 былъ, возвратися
 Въ домъ, неслезанно была бѣ я тогда и
 славна и прекрасна;
 Нынѣ жъ въ печали я влну; враждуетъ
 злой демонъ со мною.
 130 Всѣ, кто на разныхъ у насъ островахъ
 знамениты и сильны,
 Первые люди Дулихи, Зама, дѣснаго За-
 кинфа,
 Первые люди утесистой, солнечносвѣтлой
 Итаки,
 Нудать упорно ко браку меня, и нашъ
 домъ разоряютъ;
 Миѣ жъ не по сердцу никто; ни прося-
 щій защиты, ни странникъ,
 135 Ниже глашатайъ служительъ народа;
 одинъ есть желанный
 Мной — Одиссей, лишь его неотступное
 требуетъ сердце.
 Тѣ же твердятъ непрестанно о бракѣ;
 прибѣгнуть къ обману
 Я попыталась однажды; и демонъ меня
 падоумилъ
 Стань превеликій поставитъ въ покояхъ
 моихъ; пачала я
 140 Тонкоширокую ткань и, собравъ же-
 ниховъ, имъ сказала:
 Юноши, нынѣ мои женихи — поелнгу на
 свѣтѣ
 Пѣтъ Одиссея — отложимъ нашъ бракъ до
 поры той, какъ будетъ
 Кошешь мой трудъ, чтобъ пачатая ткань
 не пропала миѣ даромъ;
 Старцу Лаэрту покровъ гробовой приго-
 товиль хочу я
 145 Пржеде, чѣмъ будетъ онъ въ руки на-
 вѣтъъ усыпляющей смерти
 Парками отдавъ, дабы не посягли ахей-
 скія жены
 Миѣ попреклуть, что богатый столь мужъ
 погребенъ безъ покрова.

Такъ я сказала; они покорились миѣ
 мужескимъ сердцемъ.
 Цѣлый я день за тканьемъ проводила;
 а ночью, зажегши
 150 Факелъ, сама все, патканное днемъ, рас-
 пускала. Три года
 Длалася хитрость удачно, и я убѣждать
 ихъ умѣла.
 Но когда, обращеньемъ время приве-
 денный, четвертый
 Годъ совершился, промчался мѣсяцы,
 дни пролетѣли —
 Все имъ открыла одна изъ служанокъ,
 лихал собака;
 155 Самы они тутъ застали меня за распу-
 щенной тканью:
 Такъ и была пришеволела ими я трудъ
 мой окончить.
 Способа пѣтъ ужъ теперь избѣжать миѣ
 отъ гнуснаго брака;
 Хитрости новой на умъ не приходитъ;
 меня всѣ родные
 Нудать къ замужеству; и сынъ огорчается,
 видя, какъ домъ нашъ
 160 Грабятъ: а онъ ужъ созрѣлъ и теперь
 за хозяйствомъ способенъ
 Самъ наблюдать, и къ нему уваженъ
 Зевесъ пробуждаетъ
 Въ людяхъ. Скажи жъ откровенно миѣ,
 кто ты? Ужъ вѣрно не отрасль
 Славнаго въ древности дуба, не камень
 отъ груди утеса.
 Ей возражая, отвѣтствовала такъ Одис-
 сей богоравный:
 165 О многоумная старца Неарія дочь Не-
 нелопа,
 Вижу, что ты о породѣ моей неотступно
 желасшь
 Сидѣть. Я все расскажу, хоть печаль и
 усилитъ рассказъ мой
 Въ сердцѣ моемъ. Такъ бывасть со вся-
 кимъ, кто долго въ разлукѣ
 Съ милой семьей, сокрушенный, какъ я,
 межъ людей земнородныхъ
 170 Странствуетъ, ихъ посѣщая обители,
 самъ безпріютный.
 Но отвѣчать на вопросы твои я съ охо-
 тую буду.

Островъ есть Критъ посреди впоноцвѣт-
паго моря, прекрасный,
Тучный, отведоу объятый водами, люд-
ми пзобильный;
Тамъ девяносто снн городовъ населяють
великихъ.

175 Разныя слышатся тамъ языки: тамъ на-
ходишь ахелль
Съ первоплеменной породой воинственныхъ
критянъ; кидоны
Тамъ обитають, дорійцы кудрявые, племя
целасговъ,
Въ городѣ Гносеѣ живущихъ. Едва девяти
лѣтъ достигнувъ,
Тамъ ужь царемъ былъ Миносъ, собесѣд-
никъ Кронона мудрый,
180 Дѣдъ мой, родитель великаго Деикаліона,
который
Идомеюя родилъ и мейя. Въ корабль
крутоносомъ
Идомеи, многославный мой братъ, въ
отдаленную Трою
Поплылъ съ Атридомъ; мое же знамени-
тое имя Антонъ;
Послѣ него родился я; онъ старшій и
властью сильнѣйшій.

185 Въ Критѣ гостилъ Одиссей; и онъ мною,
какъ гость, одаренъ былъ.
Въ Критѣ же его занесло буреносною
силою вѣтра:
Съ Троею плывя, и, у мыса Малленъ за-
стигнутый бурей,
Въ устьѣ Амизія вель оу своей быстрой
корабль и въ опасной
Претани сталъ близъ скалы Элеѳійской,
богами спасенный.

190 Къ Идомеюю онъ въ городъ принель,
утверждаъ, что гостемъ
Былъ онъ царю, что его почиталъ и лю-
билъ несказанно.
Но ужь дней десять прошло иль один-
надцать съ тѣхъ поръ, какъ поплылъ
Царь въ корабляхъ крутоносыхъ въ
Троянскую землю. Я принялъ
Вѣсто цари во дворцѣ Одиссея, и мной
угощенъ былъ
195 Онъ дружелюбно съ великою роскошью;
было запасовъ

Много у насъ; и соутники все Одис-
сеевы хлѣбомъ,
Собраннымъ съ міра, и огненновѣтнымъ
виномъ и прекраснымъ
Мясомъ быковъ угощаемы досыта были;
двѣнадцать
Дней провели богоравные люди ахейскіе
съ нами:
200 Въ море идти не пустилъ ихъ Борей,
бушевавшій съ такою
Силою, что было пельзя на погахъ устоять
и на сушѣ;
Демонъ его разъярилъ; на тринадцатый
день онъ утихнулъ.
Въ корѣ чувстванъ снн. Такъ неправду
за чистую правду
Онъ выдавалъ имъ. И слезы изъ глазъ
ихъ лилися; какъ тастъ
205 Слѣгъ на вершинахъ высокихъ, заоблач-
ныхъ горъ, теплоноснымъ
Эвромъ согрѣтый и прежде туда пане-
сешный зефиромъ —
Имъ же растасаннымъ рѣкы наполють и
люются быстрой —
Такъ по щекамъ Пенелонн прекраснымъ
струею лилися
Слезы печали о миломъ, предъ нею си-
дѣвшимъ супругъ.

210 Онъ же, глубоко проникнутый горькимъ
ся сокрушенемъ
(Очи свои, какъ жельзо изъ рогу непо-
движныя, крѣпко
Въ темныхъ рѣсинахъ сковавъ, и въ
нее ихъ вперивъ, не мигая),
Воли слезамъ не давалъ. И, насытятся
горестнымъ плачемъ,
Такъ напоследокъ ему пачала говорить
Пенелона:
215 Странникъ, я способъ имѣю, тебя непы-
тально подвергнувъ,
Вывѣдать, подлинно ль ты Одиссея и
снутниковъ, бывшихъ
Съ нимъ, угощаль тамъ въ палатахъ
царя, какъ теперь увѣряешь.
Можешь ли мнѣ описать ты, какое въ
то время посель онъ
Плате, каковъ онъ былъ видомъ, и кто
съ нимъ соутники были?

220 Ей отвѣчая, сказали Одиссеи, въ пепы-
таіяхъ твердый:
Трудно отвѣтствовать мнѣ на вопросъ
твой, царица; ужъ много
Времени съ этой поры протекло, и тому
ужъ двадцатый
Годъ, какъ, мою посѣтвину отчизну, су-
пругъ твой пустился
Въ море; но то, что осталось въ памяти,
вамъ разскажу я:
225 Въ мантию былъ шерстяную, пурпурнаго
цѣфта, двойную
Онъ облеченъ; золотою прекрасной съ
двойными крючками
Бляхой держалася мантия; мастеръ на
бляхъ искусно
Грознаго пса и въ могучихъ когтяхъ у
него молодую
Лань изваялъ; какъ живая, она трепе-
тала; и страшно
230 Песъ на нее разъяренный глядѣлъ и,
изъ лапъ порываясь
Выдраться, билась ногами она: въ изу-
мленье та бляха
Всѣхъ приводила. Хитонъ, я примѣтилъ,
посилъ онъ изъ чудной
Тканц, какъ плѣшка, съ головки суше-
наго спитая лука,
Тонкой, и свѣтлой, какъ яркое солнце;
вѣвъ женщины, видя
235 Эту чудесную ткань, удивлялися ей не-
сказанно.
Я же—замѣть ты—не вѣдаю, гдѣ онъ
такую одежду
Взялъ? Надѣвалъ ли ужъ дома ее до от-
бытія въ Трою?
Въ даръ ли ее получилъ отъ кого изъ
своихъ при отъздѣ?
Взялъ ли въ подарокъ прощальный, какъ
гость? Одиссея любилъ
240 Многие люди; сравниться же мало могло
съ нимъ ахейцѣ.
Мечъ мѣдноострый двойную пурпурную
мантию, съ тонкимъ,
Синтымъ по мѣркѣ хитономъ ему пода-
ривъ на прощаньи,
Съ почестью въ путь проводилъ я его
въ корабль крѣпкозданнымъ.

Съ нимъ паходился глашатай; не много
постарѣ годами
245 Былъ онъ; его и теперь описать вамъ
могу я: горбатыи,
Смуглый, курчавые волосы, черная кожа
на тѣлѣ;
Звали его Эвридамомъ; его всѣхъ това-
рищей болѣ
Чтилъ Одиссея, посліку онъ вѣдалъ,
сколь былъ онъ разуменъ.
Такъ говорилъ онъ. Усилилось горе въ
душѣ Пелелопы:
250 Всѣ Одиссеевы признаки ей описалъ онъ
подробно.
Горестнымъ плачемъ о миломъ, далекомъ
супругѣ насытятся,
Такъ напоследокъ опять начала говорить
Пелелопы:
Страшникъ, до сихъ поръ одно жогаѣнье
къ тебѣ я имѣла—
Будешь отнынѣ у насъ ты любимъ и
почтенъ несказанно.
255 Платье, которое мнѣ описалъ ты, сама
я сложила
Въ складки, доставъ изъ ларца, и ему
подала, золотою
Бляхой украсивъ. И мнѣ ужъ его ни-
когда здѣсь не встрѣтити
Въ домѣ семейномъ, въ отечествіи миломъ!
зачѣмъ онъ, зачѣмъ онъ
Насъ покидалъ! неприязненный демонъ
его съ кораблями
260 Въ море увелъ, къ роковымъ, къ неска-
занымъ стѣнамъ Іліона.
Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Оди-
сей богоравный:
О многоумная старца Икарія дочь Пе-
лелопы,
Пѣжной своей красоты не губи сокру-
шеньемъ; не сѣтуй
Такъ безутѣшно о миломъ супругѣ. Тебя
укорять я
265 Въ этомъ не буду: нельзя не крушиться
женѣ объ утратѣ
Сердцемъ избраннаго мужа, съ которымъ
въ любви родились ей
Дѣти; красой же богамъ Одиссея, гово-
рять, былъ подобенъ.

Ты успокойся однако и выслушай то,
 что скажу я:
 Правду одну я скажу, ничего отъ тебя
 не скрывая,
 270 Все объявивъ, что узналъ о прибытіи
 къ вамъ Одисея
 Въ области тучной эсепротвъ, отъ зѣбш-
 ныхъ береговъ недалёкой.
 Живъ онъ; и много везетъ на своемъ
 кораблѣ къ вамъ сокровищъ,
 Собранныхъ имъ отъ различныхъ наро-
 довъ; но спутниковъ вѣрныхъ
 Всѣхъ онъ утратилъ; его крутобокой ко-
 рабль, выповзѣтымъ
 275 Моремъ отъ знойной Трипакрїи пылавшій,
 Зевесъ и блестящій
 Геліосъ громомъ разбили своимъ за по-
 жранье священныхъ,
 Солицу любезныхъ быковъ—всѣ погибли
 въ волнахъ святотатцы.
 Онъ же, схватившій оторванный киль
 корабля, былъ на островъ
 Выброшенъ, гдѣ обитаютъ родные богамъ
 феакїицы;
 280 Почестъ ему оказали они, какъ безсмерт-
 ному богу;
 Щедро его одарили и даже сюда без-
 опасно
 Сами хотѣли его проводить. И давно бъ
 ужъ въ Итакѣ
 Былъ онъ; но, здраво размысливши, онъ
 убѣдился, что прежде
 Разныя земли ему для скопления бо-
 гатствъ надлежало
 285 Видѣть. Никто изъ людей земнородныхъ
 не могъ съ нимъ сравниться
 Въ знаніи выгодъ своихъ и въ расчет-
 ливомъ, тонкомъ разсудкѣ—
 Такъ говорилъ мнѣ о немъ царь Федонъ
 благодушный, который
 Послѣ, безсмертнымъ богамъ совершивъ
 возліянье, поклоняся
 Мнѣ, что и быстрый корабль ужъ устро-
 снъ и собраны люди
 290 Въ милую землю отцовъ проводить Одис-
 сея; мени же
 Онъ напередъ отослалъ посланку корабль
 приговленный

Былъ для эсепротвъ, въ Дуликїи, обиль-
 ный пшеницею, шедшихъ;
 Мнѣ и богатство, какое скопиль Одис-
 сея, показалъ онъ.
 Даже и викамъ въ десятомъ колѣбѣ до-
 станется много—
 295 Столько добра имъ оставлено было царю
 въ сохраненье.
 Самъ же, сказали, пошелъ онъ въ До-
 допу затѣмъ, чтобъ оракулъ
 Темно-сѣнистаго Діева дуба его научилъ
 тамъ,
 Какъ по отсутствіи долгомъ, въ отчизну,
 въ желанную землю
 Милой Итаки ему возвратиться удобнѣе
 будетъ.
 300 Живъ онъ, ты видишь сама; и конечно
 здѣсь явится скоро;
 Вѣрно теперь и отъ милыхъ своихъ и
 отъ родины свѣтлой
 Онъ недалеко; могу подтвердить то и
 клятвой великой;
 Зевсомъ, метателемъ грома, отцомъ и вла-
 дыкой безсмертныхъ,
 Также святымъ очагомъ Одиссея дома
 клянуса
 305 Вамъ, что навѣрно и скоро исполнится
 то, что сказала я.
 Прежде, чѣмъ солнце окончитъ свой
 кругъ, Одиссей возвратится;
 Прежде, чѣмъ мѣсяцъ паставшій смѣ-
 нень наступлющимъ будетъ,
 Вступитъ онъ въ домъ свой. Ему отвѣ-
 чалъ, сказала царица:
 Если твое предсказаніе, гость чужезем-
 ный, свершится,
 310 Будешь отъ насъ угощенъ ты, какъ
 другъ, и дарами осыпанъ
 Столь изобильно, что счастье такому
 всѣ будутъ дивиться.
 Мнѣ же не то предвѣщаетъ мое сокру-
 шенное сердце:
 Нѣтъ! и сюда Одиссей не придетъ, и тебя
 не отиравимъ
 Въ путь мы отсюда: недобрые люди здѣсь
 властвуютъ въ домѣ;
 315 Здѣсь никого не найдется такого, каковъ
 Одиссей былъ,

Странниковъ всѣхъ угощавшій, и веѣмъ
 на прощаньи дарившій
 Много. Теперь вы, рабыни, омойте его и
 постелю,
 Мантией теплою покрытую, здѣсь приго-
 товьте, чтобъ могъ онъ
 Спать, не озябнувъ, до первыхъ лучей
 златотройной денницы.
 320 Завтра жь поутру его вы, въ купальнѣ
 омывши, елсѣмъ
 Чистимъ натрите, дабы онъ, опрятный,
 за столъ съ Телемакомъ
 Съѣлъ и съ гостями объѣдалъ. И горе тому,
 кто обидѣтъ
 Вновь покусится его непристойно; ему
 никакого
 Мѣста впередъ здѣсь не будетъ, хотя бь
 онъ и сильно озлился.
 325 Иначе, странникъ, повѣришь ли ты,
 чтобъ хоть мало отъ прочихъ
 Жепъ я возвышеннымъ духомъ и свѣт-
 лымъ умомъ отличалась,
 Если я грязнымъ тебя и печеню одѣ-
 тымъ за столъ панъ
 Съѣсть допущу? Не надолго намъ жизнь
 достается на свѣтѣ;
 Его здѣсь и самъ безъ любви и въ по-
 ступкахъ любви не являетъ,
 330 Тотъ неавиственъ, пока на землѣ онъ
 живеть, и желаютъ
 Зла ему люди; отъ нихъ поносимъ онъ
 пещадно и мертвый;
 Кто жь, безпорочный душкой, и въ по-
 ступкахъ своихъ безпороченъ—
 Пмя его, съ похвалою по землѣ разпо-
 симое, славить
 Всѣ племена и народы, всѣ добрымъ его
 величаютъ.
 335 Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одис-
 сей богоравный
 О многоумная старца Икарія дочь Ис-
 целопа,
 Теплая мантия мнѣ и роскопное ложе
 противны
 Съ тѣхъ поръ, какъ Крита широкаго
 сѣбгомъ покрытыя горы,
 Въ длинновесельномъ плывя кораблѣ, изъ
 очей потерялъ я.

340 Дай мнѣ здѣсь спать, какъ давно ужъ
 привыкъ я, на жесткой постелѣ.
 Много, много ночей провалился въ без-
 сонницѣ тяжелой
 Я, ожидая пришествія златопрестольной
 денницы;
 Также и погъ омовеніе мнѣ не по серд-
 цу; по крайней
 Мѣрѣ къ монкѣ прикоснуться погамъ ни
 одной не позволю
 345 Я изъ рабынь молодыхъ, въ Одиссеевомъ
 домѣ служалцихъ.
 Пѣтъ ли старушки, любящей заботливо
 службу и много
 Въ жизни, какъ самъ я, и зла и добра
 испытавшей? Охотно
 Ей прикоснуться къ монмъ съ омовень-
 емъ погамъ я дозволю.
 Такъ Одиссею, ему отвѣчая, сказала ца-
 рица:
 350 Странникъ, не мало до сихъ поръ гостей
 къ намъ изъ близкихъ, изъ дальнихъ
 Страпъ приходило—умиѣй же тебя ни-
 кого не случалось
 Встрѣтити мнѣ; рѣчи твои всѣ весьма
 разсудительны. Есть здѣсь
 Въ домѣ старушка, совѣтница умная,
 полная добрыхъ
 Мыслей; за нимъ злополучнымъ ходила
 она; онъ былъ ею
 355 Выкормленъ, сю въ минуту рожденія на
 руки принять.
 Ей, хоть она и слаба, о тебѣ поручу я
 заботу;
 Встань, Эвриклея, моя дорогая разумни-
 ца, вымой
 Ноги ему, твоего господина ровеснику;
 съ нимъ же,
 Можетъ быть, сходенъ и видомъ ужъ
 стать Одиссей, изнуренный
 360 Жизнью трудной: въ несчастіи люди ста-
 рѣются скоро.
 Такъ говорила она; Эвриклея закрыла
 руками
 Очи, по слезы пробилась сквозь пальцы;
 она возопила:
 Свѣтъ мой, дитя мое милое! гдѣ ты? За
 что же Кроніонъ

Такъ на него, столь покорнаго вѣлъ бо-
 говъ, погодустъ?
 285 Кто изъ изъ людей передъ трюмъ-грате-
 лемъ Зевсомъ такія
 Тучныя бедра быковъ сожигаль, и ему
 экатомы
 Такъ привосятъ изобильно, моля, чтобы
 онъ свѣтлую старость
 Далъ ему дома провести, расцвѣтающимъ
 радуясь сыномъ?
 Были напрасны молитвы; навѣки утра-
 тилъ возвратъ олъ.
 290 Горь! быть можетъ, теперь, никому не
 родной, на чужбинѣ,
 Гдѣ-нибудь, впущенный въ домъ богача,
 онъ отъ глухихъ служанокъ
 Встрѣченъ такой же тамъ бранью, ка-
 кой былъ отъ этихъ собакъ ты,
 Странникъ, обязанъ; за то и не хочешь
 имъ дерзкимъ позволить
 Ноги омьтъ у тебя. То однако поряд-
 комъ исполнить
 295 Миѣ повелѣла моя госпожа И. нелона.
 Охотно
 Сдѣлаю все, и не волю одну госпожи
 исполняя.
 Итъ! для тебя самого. Несказанно мою
 ты волнуешь
 Душу. Поступай, я выскажу мысли мои
 откровенно:
 Странниковъ бѣдныхъ немало въ нашъ
 домъ приходило; но сердце
 300 Миѣ говоритъ, что изъ нихъ ни одинъ
 (съ удивленемъ смотрю я)
 Не былъ такъ глупомъ, ростою, пога-
 ми, какъ ты, съ Одиссеемъ
 Сходенъ. Сказала. Ея такъ отбѣчалъ
 Одиссей хитроумный:
 Правда, старуха, и самъ отъ людей я,
 которымъ обоимъ
 Насъ повстрѣчать удавалось, слыхаль, что
 во многомъ другъ съ другомъ
 305 Ми удивительно сходны, какъ то миѣ
 и ты говоришь здѣсь.
 Такъ отбѣчалъ олъ. Сіяющій тазъ, для
 мытья ей служившій
 Погъ, принесла Эвриклея; и, свѣжей по-
 дою двѣ трети

Таза наполнивъ, ее долила киняткомъ.
 Одиссей же
 Съль въ очагу; но лицомъ обернулся
 олъ къ тѣни, пошеже
 300 Думаль, что, за погу вздвину его, Эври-
 клея знакомый
 Можетъ увидѣть рубецъ, и тогда вся
 откroется разомъ
 Тайна. Но только она подошла къ гое-
 подину, рубецъ ей
 Бросился прямо въ глаза. Разъяренаго
 вопря клякомъ олъ
 Рапелъ былъ въ ногу тогда, какъ при-
 нелъ посѣтить на Парнасеѣ
 305 Автеликона, но матери дѣда (съ его
 сыновьями),
 Славнаго хитрымъ притворствомъ и клятвъ
 нарушеніемъ—Эрмій
 Тѣмъ дарованьемъ его награждалъ, посезику
 олъ много
 Бедръ отъ овецъ и отъ козъ приносилъ
 благосклонному богу.
 Автеликовъ, посѣтивъ плодородную землю
 Птаки,
 400 Поворожденнаго сына у дочерп милой
 пашель тамъ.
 Выждавъ, когда олъ окончитъ свой ужавъ,
 ему на колѣна
 Впука пришла положить Эвриклея. Она
 тутъ сказала:
 Автеликонъ, богодаппому впуку ты ви-
 думать должелъ
 Имя, какое угодно тебѣ самому: ты усердно
 405 Зевса о впукъ молилъ. То принявъ
 предложеніе, сказалъ олъ
 Зятю и дочери: вависеу сыну готово укъ имъ;
 Васъ посѣтить собираися, я рассерженъ
 несказанно
 Многими былъ изъ людей, населяющихъ
 тучную землю;
 Пусть назовется мой впукъ Одиссеемъ;
 то значить: *сердитый*.
 410 Если зль когда ошь, достигнувши му-
 жескихъ лѣтъ, пожелаель
 Дѣдовекій домъ посѣтить на Парнасеѣ,
 гдѣ пана обитель,
 Будеть олъ мной угощенъ и съ богатымъ
 отпущенъ подаркомъ.

- Внукъ возмужалъ и пришелъ за подаркомъ обѣщаннымъ къ дѣду.
- Автоликонъ съ сыновьями своими его благосклонно
- 415 Встрѣтили руки пожимаемъ и сладко-ласкательными словами;
- Бабка жъ его Амфитея въ слезахъ у него цѣловала
- Очи и руки и голову, громко рыдая. Богатый
- Пиръ приказалъ сыновьямъ многославнымъ своимъ приготовить
- Автоликонъ. И они, исполняя родителя волю,
- 420 Тотчасъ пригнать повелѣли быка пятилѣтняго съ поля;
- Голову снявши съ быка и его распластивши, на части
- Мясо они разрубили, и части, взоткнувъ ихъ на вертелъ,
- Начали жарить; изжаривъ же, ихъ разнесли по порядку.
- Сидя они за обѣдомъ, весь день до вечера мрака
- 425 Блн прекрасное мясо и сладкимъ виномъ угощались.
- Солнце тѣмъ временемъ сѣло и ночь наступила; о ложѣ
- Каждый подумалъ, и сна благодать испослала имъ боги.
- Встала пѣз мрака младая съ перстами пурпурными Эосъ.
- Автоликоновы все сыновья, на охоту собравшись,
- 430 Сдвинули быстрыхъ собакъ. Сынъ Лартовъ отправился съ ними.
- Долго они по крутому, покрытому лѣсомъ, Парнасу
- Шаг; напослѣдокъ достигли глубокихъ, вѣтристыхъ ущелий;
- Геліосъ только что началъ поля озарять, подымаясь
- Тихо съ глубокихъ, лиющихся медленно водъ океана;
- 435 Въ дикую добрь углубились охотники все; передъ ними,
- Слѣдъ открывая, бѣжали собаки; съ собаками вѣтеръ
- Автоликоновы дѣти и сынъ многославный Лартовъ
- Быстро бѣжали, имѣя въ рукахъ длиннотѣпныя копыя.
- Страшноогромный кабанъ тамъ скрывался, въ кустахъ закопавшись,
- 440 Дикихъ; въ тѣпестую глѣбъ ихъ проникнуть не могъ ни холодный,
- Сыростью дышущій вѣтеръ, ни Геліосъ, знойно блестящій,
- Даже и дождь не пропалъ ихъ вѣтвистаго свода—такъ густо
- Были они ситены; и сплослось тамъ много онаднхъ
- Листьевъ. Когда же приблизился шумъ отъ собакъ и отъ ловчихъ,
- 445 Быстро бѣжавшихъ, кабанъ имъ на встрѣчу изъ дикаго лога
- Припулъ; щетину встопоривъ, ужасно сверкая глазами,
- Онъ заступилъ имъ дорогу; и первый, къ нему подбѣжавшій,
- Былъ Одиссей. Онъ конь длинноострое подпаль, готовый
- Звѣрю пропзптъ; по услыавъ Одиссею поранить колѣно
- 450 Острымъ кликомъ разъяренный кабанъ; и онъ выхватилъ много
- Мяса, нагрлуивши бѣшено съ боку, по кость уцѣлѣла.
- Въ правое звѣрю плечо боевое копле сынъ Лартовъ
- Сильно всадилъ; и, плечо проколовъ, остриемъ на другой бокъ
- Вышло коплъ; повалился кабанъ и душа отлетѣла.
- 455 Автоликоновы дѣти убитаго звѣря велили
- Должнымъ порядкомъ убрать и потомъ Одиссею рану
- Перевязали заботливо; кровь же, бѣжавшую сильно,
- Заговорили. И все напослѣдокъ къ отцу возвратились.
- Автоликонъ и его сыновья Одиссея, отъ раны
- 460 Давъ исцѣлится ему, и его одаривши богато,

Сердцем веселаго, самъ веселые, съ ми-
ромъ послали
Въ землю Итаки; отецъ и разумная мать
песказанно
Были его возвращенію рады; они распро-
сили
Сына подробно о ранѣ, и онъ разсказалъ
по порядку,
465 Какъ, на Парнассѣ ловитвой звѣрей
веселясь съ сыновьями
Автоликона, онъ впрямь кльчпстымъ
былъ раненъ въ колено.
Эту-то рану узнала старушка, ощунавъ
руками
Погу; отдернула руки она въ изумленьи;
упала
Въ тазъ, опустившись, нога; отъ удара
ея зазвенѣла
470 Мѣдь, покачнулася водою наполненный
тазъ, пролилася
На полъ вода. И веселье и горе про-
никли старушку,
Очи отъ слезъ затуманились, ей не по-
коретвовалъ голосъ.
Сжавъ Одиссею рукой подбородокъ, она
возгласила:
Ты Одиссей! ты мое золотое дитя! и тебя я
475 Прежде, пока не ощунала этой поги,
не узнала!
Кончивъ, она на свою госпожу обратила
послѣшно
Взоры, чтобъ ей возвѣстити возвращеніе
млага мужа.
Та жъ не могла ничего, обратиться глазами
въ другую
Сторону, видѣть: Паллада ея овладѣла
вншаньемъ.
480 Но Одиссей, ухвативши одною рукою
за горло
Пинию свою, а другою ее подойти прише-
воливъ
Ближе къ нему, прошепталъ ей: ни слова!
меня ты погубишь;
Я Одиссей; ты вскормила меня; претер-
пѣвши немало,
Волей боговъ возвратился я въ землю
отцовъ черезъ двадцать
485 Лѣтъ. Но—ужь если твои для узна-
нія тайны открылись

Очи—молчи! и чтобъ въ домѣ никто
обо мнѣ не провѣдалъ!
Иначе слушай—и то, что услышишь,
исполнится вѣрно—
Если мнѣ Дій истребить жениховъ мно-
губуйныхъ поможетъ,
Здѣсь и тебя я щадить, хоть тобою и
воспитаю, не стану
490 Въ часъ тотъ, когда надъ рабынями
строгий мой судъ совершится.
Сыну Лаэртovu такъ, отвѣчая, сказала
старушка:
Странное слово пзъ устъ у тебя, Одне-
сей, излетѣло;
Вѣдасишь самъ ты, какъ сердцемъ тверда
я, какъ волей упрона:
Все сохранию, постояннѣй, чѣмъ камень,
цѣлѣй, чѣмъ желѣзо;
495 Выслушай, другъ, мой совѣтъ и замѣть
про себя, что услышишь.
Если Зевесъ истребить жениховъ мно-
губуйныхъ поможетъ,
Всѣхъ назову я рабынь, обитающихъ
здѣсь, чтобъ межъ ними
Могъ отличить ты худыхъ и порочныхъ
отъ добрыхъ и честныхъ.
Ей возражая, отвѣтствовала такъ Одиссей
хитроумный:
500 Нѣтъ, Эвриклея, ихъ мнѣ называть
не трудись понапрасну;
Самъ все увижу и буду умѣть все по-
дробно развѣдать.
Только молчи. Произволу боговъ преда-
димъ остальное.
Такъ говорилъ Одиссей; и послѣшно по-
шла Эвриклея
Теплой воды принести, послыку вся
прежняя на полъ
505 Вылилася. Вымывъ и чистымъ елеемъ
увазлившн ноги,
Слова скамейку свою Одиссей пододви-
нулъ къ жаровнѣ;
Сѣвъ къ ней, чтобъ грѣться, рубецъ
свой отрепьями рубища скрылъ онъ.
Умная такъ, обратися жъ нему, Непе-
лона сказала:
Странникъ, спачала сама я тебя вопрошу,
отвѣчай мнѣ:

- 610 Скоро наступитъ пора насладиться
покоемъ; и счастливы
Тотъ, на кого и печальнаго сонъ мпро-
творный слетаетъ.
Мнѣ жъ неказанное горе послалъ пе-
пріятельный демоугъ;
Днекъ, сокрушаясь и сѣгую, душу свою
подкрѣпляю
Я рукодѣлемъ, хозяйствомъ, приемотромъ
за дѣломъ служанокъ;
- 615 Ночью жъ, когда все утихнетъ и всё
вкругъ меня, погрузившись
Сладостно въ сонъ, отдыхаютъ безвечно,
одна я, тревогой
Мучась, въ бессонницѣ тяжкой сижу на
постелѣ и плачу.
Плачетъ Анда, Пандарова дочь блѣдно-
ликая, плачетъ;
Звонкую нѣсно она заунывно съ нача-
ломъ весеннихъ
- 620 Дней благовопныхъ ностъ, одиноко
таясь подъ густыми
Сѣнями роици, и жалобно лется рыдаю-
щій голосъ;
Плача, Итилосо мнлаго, сына Цетосова,
мѣдью
Острой печально ею сраженнаго, мать
поминаетъ.
Такъ, сокрушенная, плачу и я, и не
знаю, что выбрать—
- 625 Съ сыномъ ли милымъ остаться, смотря
за хозяйствомъ, за свѣтлымъ
Домомъ его, за работой служанокъ, за
всѣмъ достоянемъ,
Честь Одиссева ложа храма и молву
уважая?
Иль наконецъ предпочесть изъ ахейцевъ
того, кто усерднѣй
Брака желаетъ со мной и щедрѣе дары
мнѣ приносить?
- 630 Сынъ же, покуда онъ отрокомъ былъ
неразумнымъ, разетаться
Съ матерью нѣжной не могъ, и сунру-
жескій домъ мнѣ покинуть
Самъ запрещалъ; но теперь онъ, ужъ
мужеской силы достигнувъ,
Требуешь самъ отъ меня, чтобъ изъ дома
я вышла немедля;
- Онъ огорчается, види, какъ наше иму-
щество грабятъ.
635 Ты же послушай: я видѣла сонъ; мнѣ
его растолкуй ты;
Двадцать гусей у меня есть домашнихъ;
кормлю ихъ пшепцей;
Видѣть люблю, какъ они, на водѣ, по-
доскаясь, играютъ.
Снилось мнѣ, что, съ горы прилетѣвшій,
орелъ крутоносей,
Шею свернувъ вмѣ, ихъ всѣхъ закле-
валъ, что въ пространной столовой
- 640 Мертвые были они на полу всѣ раз-
бросаны; самъ же
Въ небо умчался орелъ. И во снѣ я сто-
пала, и горько
Плакала; вмѣстѣ со мною и много пре-
красныхъ ахейскихъ
Женъ о гусеяхъ, умерщвленныхъ могу-
чимъ орломъ, сокрушалось.
Онъ же, назадъ прилетѣвъ и спустясь
на высокую кровлю
- 645 Царскаго дома, сказалъ человѣческимъ
голосомъ внятно:
Старца Икарія умная дочь, не крушись,
Пенелопа.
Видишь ли сонъ мимолетный, событие
вѣрное видишь;
Гусь—твой женихъ, а орелъ, ихъ убить
прилетавшій
Грозною птицей, не птвца, а я, Одиссей
твой, богами
- 650 Нынѣ тебѣ возвращенный твоимъ же-
нпхамъ на погибель.
Такъ онъ сказалъ мнѣ, и въ это мгно-
венье мой сонъ прекратился;
Я осмотрѣлась кругомъ: на дворѣ, я уви-
дѣла, гусь
Всѣ па-лице; п, толпяся къ корыту,
клюютъ тамъ пшепцу.
Умной супругѣ своей отвѣчалъ Одиссей
богоравный:
- 655 Сонъ, государыня, твой толковать без-
полезно: онъ ясенъ
Самъ ко себѣ; сокровеннаго нѣтъ въ
немъ значенья; и если
Самъ Одиссей предсказалъ женпхамъ ихъ
погибель—погибнуть

Всё; ни одинъ не уйдетъ отъ судьбы и
 отъ метительной Керу.
 Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртону
 сыну:
 560 Страпникъ, конечно бываютъ и тем-
 ные сны, изъ которыхъ
 Смысла нельзя намъ извлечь; и не вели-
 кой сбывается сонъ нашъ.
 Создано двосъ воротъ для вступленія снамъ
 безтѣлеснымъ
 Въ миръ нашъ: одинъ роговыя, другія изъ
 кости слоновой;
 Сны, проходящія къ намъ воротами изъ
 кости слоновой,
 565 Лживы, несбыточны, вѣрнѣе никто изъ
 людей имъ не долженъ;
 Тѣ же, которые въ миръ роговыми воро-
 тами входятъ,
 Вѣрны; сбываются всё приписываемыя имъ
 видѣнья.
 Но не изъ этихъ воротъ мой чудесный,
 я думаю, вышлетъ
 Сонъ—сколь ни радостно было бы то для
 меня и для сына.
 570 Слушай теперь, что скажу, и замѣть
 про себя, что услышишь:
 Завтра наступитъ онъ, день ненавистный,
 въ который покинуть
 Домъ Одиссеевъ принудить меня; предло-
 жить имъ стрѣлянье
 Изъ лука въ кольца хочу я: супругъ
 Одиссей здѣсь двѣнадцать
 Съ кольцами ставилъ бывало жердей, и
 тѣ жерди не близко
 575 Ставилъ одну отъ другой, и стрѣлой
 онъ произывалъ кольца
 Всё. Ту игру жепихамъ предложить я
 теперь замышляю;
 Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву, Одис-
 сеевъ могучій
 Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всё
 (ихъ не тронувъ) двѣнадцать
 Колецъ, я съ тѣхъ удалюся изъ этого
 милаго дома,
 580 Дома семейнаго, свѣтлаго, многобога-
 таго, гдѣ я
 Счастье нашла, о которомъ и сонная буду
 груститъся.

Ей возражала, отвѣтствовала такъ Одис-
 сей богоравный:
 О многоумная старца Икарія дочь Пеле-
 лона,
 Этой игры, мой совѣтъ, не должна ты
 откладывать. Вѣрь мнѣ,
 585 Въ домъ своею Одиссей многохитроост-
 нный явится прежде,
 Нежели кто между нами, рукою ощутивши
 гладкій
 Лукъ, тетивою натянетъ его и сквозь
 кольца прострѣлитъ.
 Такъ, отвѣчая, сказала царица Лаэртону
 сыну:
 Если бѣ ты, страпникъ, со мною всю
 ночь согласенъ въ палатѣ
 590 Этой сидѣть и меня вселить разго-
 воромъ, на умъ бы
 Сонъ не пришелъ мнѣ: по воее безъ
 сна оставаться намъ слабымъ
 Смертнымъ не должно. Здѣсь всёю намъ,
 землею многодарной кормимымъ,
 Боги безсмертные мѣру, особую каждому,
 дали.
 Время однако на верхъ мнѣ уйти, чтобъ
 лежать одиноко
 595 Тамъ на постелѣ, печалью перестлап-
 ной, горькимъ потокомъ
 Слезъ обливаемой съ самыхъ тѣхъ поръ,
 какъ супругъ мой отсюда
 Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ неска-
 заннымъ стѣнамъ Иліона.
 Тамъ отдохну я, а ты почевать, иноземецъ,
 останься
 Здѣсь; и ложись на постелю плъ на полъ,
 какъ самъ пожелаешь.
 600 Такъ Пелелона сказавши, пошла по
 ступенямъ высокимъ
 Вверхъ — не одна, всё рабыни за нею
 пошли; и, въ некое
 Верхнемъ своемъ затворяя, въ кругу
 приближенныхъ служавокъ
 Плакала горько она о своемъ Одиссеевѣ,
 новуду
 Сладкаго сна не свела ей на очу богиня
 Аонна.

ОДИССЕЯ.

ПѢСНЬ ДВАДЦАТАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТОЙ ПѢСНИ.

Почь съ тридцать осьмага на тридцатъ девятый день. Утро и полдень тридцатъ-девятого дни.

Одиссей ложится спать въ сѣняхъ; жалобы Пенелопы его пробуждаютъ. Добрыя знаменія. Столовую готовятъ къ пиру. Являются сперва Эвмей, потомъ Мелантей, который опять оскорбляетъ Одиссея, и наконецъ Филотей, смотрящій за стадами коровъ. Знаменіе удерживаетъ жениховъ, имѣвшихъ намереніе умертвить Телемача. За столомъ Ктезиппъ оскорбляетъ Одиссея. Чувства жениховъ приходятъ въ расстройство: Осоклимень предсказываетъ имъ близкую гибель.

Тутъ приготовилъ въ сѣняхъ для себя
Одиссей богоравный
Ложе изъ кожи воловьей, еще педубленной;
покрывши
Кожу овчинами многихъ овецъ, женихами
убитыхъ,
Легъ онъ; и теплымъ покровомъ его
Эвриклея одѣла.

• Тамъ Одиссей, женихамъ петребленіе въ
мысляхъ готовя,
Глазъ не смыкая, лежалъ. Въ воротѣ,
онъ увидѣлъ, служанки,
Живныя въ тайной любви съ женихами,
толпой побѣжали,
Съ хохотомъ громкимъ, болтая, шумя и
крича непристойно.

Вся его внутренность пламенемъ гнѣва
зажглась несказаннымъ.

10 Долго не зналъ онъ, колеблясь разсудкомъ и сердцемъ, что дѣлать—
Встать ли и, влѣдъ за безстыдными
бросившись, всѣхъ умертвить ихъ?
Или остаться, давъ волю въ послѣдній
имъ разъ съ женихами
Свидѣться? Сердце же злилось его; какъ
рычать, оцѣпившись,
Злобная сука, щепятокъ своихъ задиная,
когда ихъ

15 Кто незнакомый беретъ, и за нихъ покусаться готовясь,
Такъ на безстыдницъ его раздраженное
сердце ронгало.

Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ
раздраженному сердцу:

Сердце, смиришь; ты гнусѣйшее вытерпѣть силу имѣло

Въ логѣ циклопа, въ то время, когда
пожиралъ безопадно

20 Спутниковъ онъ заополучныхъ моихъ—
и терпѣные разсудку

Выходи изъ страшной пещеры для насъ
погибавшихъ открыло.

Такъ усмрялъ онъ себя, обращая къ
милому сердцу.

Милое сердце ему покорилось, и слова
терпѣные

Въ грудь пролилося его; но ворочаясь съ
боку онъ на бокъ.

25 Какъ на огнѣ, разгорѣвшемся ярко, ворочаютъ полный

Жиромъ и кровью желудокъ туда и сюда,
чтобъ отвсюду

Могъ быть онъ сочно и вкусно обжаренъ,
огнемъ неприжженный,

Такъ на постелѣ ворочаясь онъ, безпрестанно тревожась

Въ мысляхъ о томъ, какъ ему одному
съ жениховъ многосильной

30 Шайкою сладить. Къ нему подошла тутъ
Паллада Аѳина,

Съ неба слетѣвшая въ видѣ молодой, расцвѣтающей дѣвы.

Тихо къ его изголовью приближаясь, богиня
сказала:

Что же не спишь ты, изъ всѣхъ земнородныхъ несчастливѣйшій? Развѣ

Это не домъ твой? Не вѣрною ль въ домъ ты вѣрченъ женою?

35 Сынь же таковъ твой, что всякой ему бы отцомъ захотѣлъ быть.

Свѣтлой богинѣ отвѣтствовала такъ Одиссей хитроумный:

Петшу ты говоришь мнѣ, богиня; но сердцемъ я крѣико

(Въ томъ принужденъ предъ тобой повиниться) тревожусь, не зная,

Буду ли въ силахъ одинъ съ жениховъ многочисленною шайкою

40 Сладить? Они всею толпою всегда собираются въ домъ.

По и другую тревогой мое озабочено
сердце:
Если по волю твоею и Кронона всехъ
истреблю я —
Какъ мнѣ спастися отъ мненья родни
ихъ? Подумай объ этомъ.
Дочь свѣтлоокая Зевса Аонна ему отвѣ-
чала:
45 Ты, маловѣрный! надѣются жь люди въ
бѣдѣ и на слабыхъ
Смертныхъ, ни дѣломъ помочь, ни совѣта
подать неспособныхъ —
Я же богиня, тебя неизмѣнно всегда отъ
панасти
Всякой хранившая. Слушай, понятно и
ясно скажу я:
Если бы вдругъ пятьдесятъ изъ засады
на двухъ насъ панаело
50 Ратей, чтобъ намъ совокупно погибель
устроить — при нихъ же
Мы бы похитили козъ ихъ, овецъ и бы-
ковъ круторогихъ.
Спи, ни о чемъ не тревожься: несносно
лежать на постелѣ,
Глазъ не смыкая; твой же панасти окон-
чатся скоро.
Съ семи словами богиня ему затворила
дремотой
55 Очи, потомъ на Олимпѣ улетѣла. И всехъ
усладитель
Нашихъ тревогъ, разрѣшающей сладко
усталые члены,
Сонъ овладѣлъ имъ. Супруга жь его, отъ
тревоги проснувшись,
Съла безсонная въ горькихъ слезахъ на
постелѣ; слезами
Вдоволь свою сокрушенную грудь утоливъ,
громогласно
60 Стала она призывать Артемиду и такъ
ей молилась:
О Артемиде, богиня великая, дочь громо-
вержца,
Тихой стрѣлою твоею меня поразил, и изъ
тѣла
Выведи душу мою. О! когда бы меня
ухватила
Бура и мглстой дорогой со мною умча-
лася въ край тотъ,

65 Гдѣ начинаеть свой путь океанъ, круго-
вратно бѣгущій!
Были жь Пандаровы дочери схвачены
бурею. Боги
Мать и отца погубили у нихъ; сиротами
остались
Въ домѣ семейномъ онъ; Афродита богиня
пятала
Ихъ молокомъ, сладкотающимъ медомъ,
виномъ благовошнымъ;
70 Пра дала имъ, отъ всехъ отличая ихъ
дѣвъ земнородныхъ,
Умъ и красу; Артемиде пабнитальной
стройностью стала
Ихъ одарила; Аонна ихъ всехъ научила
искусствамъ.
Но, когда на высокій Олимпъ вознеслася
Китерея
Тамъ умолять, чтобъ супружества счастье
далъ непорочнымъ
75 Дѣвамъ Зевесъ громолубецъ, который, все
вѣдая въ мѣрѣ,
Благо и зло земнороднымъ по волю своей
посылаетъ —
Гнусныи гарни, дѣвъ беззащитныхъ
похитя, ихъ въ руки
Предали грозныхъ эриний, чудовицамъ
въ рабство. О! если бы
Такъ и меня олимпійскіе боги съ земли
во мгновение
80 Сбросили! если бы меня, съ Одисеемъ
въ душѣ, Артемиде
Свѣтлокудрявая съ темную вдругъ затво-
рила могилу
Прежде, чѣмъ быть мнѣ подругою мужа,
противнаго сердцу!
Но и тяжелыи скорби становятея легче,
когда мы,
Въ горькихъ слезахъ, въ сокрушеніи
сердца день цѣлый проведши,
85 Ночью въ объятія ея предаеися — мы
все забываемъ,
Зло и добро, лишь коснетелъ очей онъ
цѣлебной рукою;
Мнѣ же и сонъ мой терзаетъ видѣньями
страшными демоно;
Видѣлось мнѣ, что лежалъ близъ меня неспа-
зано съ нимъ сходный,

- Самый тотъ образъ имѣвній, какой онъ
имѣлъ, удаляясь;
90 И вселелась; я думала: это не сонъ—
и проснулась.
Такъ говорила она. Поднялась златовла-
сая Эосъ.
Жалобы плачущей въ слухъ Одиссея
входили; и, слыша
Ихъ, онъ подумалъ, что сю былъ узникъ;
ему показалось
Даже, что образъ ся надъ его изголовьемъ
летаетъ.
95 Сбросивъ покровъ и овчины собравъ, на
которыхъ лежалъ онъ,
Всѣ ихъ сложилъ Одиссей на скамейкѣ,
а кожу воловью
Вынесъ на дворъ. Тутъ къ Зевесу онъ
поднял съ молитвою руки:
«Вели, Зевесъ, нашъ отецъ, ты меня, и
землей и водою
Въ домъ мой (хотя и подвергнулъ на-
пастямъ) привелъ невредимо
100 Даѣ, чтобъ отъ перваго, кто здѣсь про-
спнется, мной вѣщее слово
Было услышано; самъ же мнѣ знаменемъ
сердце обрадуѣй.
Такъ говорилъ онъ, молясь, и Крононъ
молитву услышалъ:
«Странноударившимъ громомъ изъ звѣздо-
безтучнаго неба
Зевесъ отвѣчалъ. Преисполнилась радостью
грудь Одиссея.
105 Слово же первое онъ отъ рабыни, мо-
ловшей на царской
Мельницѣ близкой, услышалъ; на мель-
ницѣ этой двѣнадцать
Было рабынь и вездесно отъ ранняго
утра до поздней
Почп ячмень и пшено тамъ онѣ для
домашнихъ молоты.
Спали другія, всю кончивъ работу; а эта,
слабѣе
110 Прочихъ, проспнулась рагѣ, чтобъ трудъ
довершигъ неготовый.
Жерновъ покинувъ, сказала она (и про-
рочество было
Въ словѣ ся Одиссею): Зевесъ, нашъ
отецъ и владыка,
- На небѣ пѣтъ облаковъ, и его наполняютъ,
сверкая,
Звѣзды, а громъ твой гремитъ, всемо-
гущій! Кому посылаешь
115 Знаменье грома? Услышь и меня, да
исполнится рынѣ
Слово мое: да послѣднимъ въ жилищѣ
царя Одиссея
Будетъ сегодняшній миръ жениховъ много-
буйныхъ! Колѣна
Мы сокрушили свои непрестанной рабо-
той, обжорству
Ихъ утѣждалъ—да пынѣшнимъ кончатся
всѣ здѣсь пиры ихъ!
120 Такъ говорила рабыня, былъ радъ Оди-
сей прорицанью
Грома и слова, и въ сердцѣ его утвер-
дилась надежда.
Тутъ Одиссея дома рабыни сошлася
изъ разныхъ
Горницъ и жаркій огонь на большомъ
очагѣ запалили.
«Леже покинулъ свое и возлюбленный
сынъ Одиссея;
125 Платье надѣвъ, изощренный своей мечъ
на плечо онъ повѣсилъ;
Послѣ, подошвы красивыя къ свѣтлымъ
погамъ привязавши,
Взялъ боевое копье, лучезарно блестящее
мѣдью;
Такъ онъ ступилъ на порогъ и сказалъ,
обратясь къ Эвриклеѣ:
«Няня, доволенъ ли былъ угощеніемъ
странникъ? Покойно ль
130 Спалъ онъ? Иль вы не хотѣли о немъ
и подумать? Обычай
Матери милой я знаю: хотя и разумна,
а часто
Между людьми иноземными худшему по-
чести всякой
Много обажетъ, на лучшаго жъ вовсе и
пъ взгляда не броситъ.
Такъ говорилъ Телемахъ. Эвриклея ему
отвѣчала:
135 Ты понапрасну, дитя, певинную мать
обвиняешь;
Съ нею сиди, здѣсь виномъ угѣшался
онъ, сколько угодно

Было душѣ; но не бѣзъ, хоть его и про-
 сили. По горло
 Сыгъ я, сказалъ. А когда онъ подумалъ
 о спѣ и постелѣ,
 Мягкое ложе она приготовить велѣла
 рабынямъ.
 140 Онъ же напротивъ, какъ жалкій, судь-
 бою забытый бродяга,
 Спать на пуховой постелѣ, открытой
 ковромъ, отказался;
 Кожу воловью постлалъ на полу и, овчичь
 положивши
 Сверху, улегся въ сѣняхъ; я покрыла
 его одѣяломъ.
 Такъ Эвриклея сказала. Тогда Телемакъ
 изъ палаты
 145 Вышелъ съ кошемъ; двѣ лихія за нимъ
 побѣжали собаки.
 На площадь, главное мѣсто собранья
 ахейскъ, пошелъ онъ.
 Тутъ всѣхъ рабынь Одиссея дома со-
 звалъ и, сказала
 Имъ Эвриклея, разумная дочь Пенело-
 рида Опеа:
 Всѣ на работу! одѣвъ за метлы; и про-
 ворите выместъ
 150 Горницы, вприсыпавъ помы; на скам-
 ейки, на кресла и стулья
 Нестропурупурныя ткани постлать; поздре-
 ватого губкой
 Начисто вымыть столы; веполоснуть пи-
 ровыя кратеры;
 Чашы глубокія, кубки двудопные вымыть.
 Другія жъ
 Всѣ за водою къ ключу и скорѣе назадъ,
 посланку
 155 Ныпѣшній день женихи не замедлятъ
 приходомъ, напротивъ
 Ранѣе всѣ соберутся: мы праздникъ го-
 товимъ великій.
 Такъ Эвриклея сказала. Ея повинуются
 волѣ,
 Двадцать рабынь побѣжали на ключъ
 темноводный; другія
 Начали горницы всѣ прибирать и посуду
 всю чистить.
 160 Скоро прислали и слугъ жешхи: за ра-
 боту принявшисъ,

Стали они топорами полѣнья колоть.
 Воротились
 Съ свѣжей рабыни водою отъ ключа.
 Свинопасомъ Эвмесемъ
 Пригнаны были три борова, самые жир-
 ные въ стадѣ;
 Заперли ихъ въ окруженную частымъ
 заборомъ ограду.
 165 Самъ же Эвмей, подошедъ къ Одиссею,
 спросилъ дружелюбно:
 Странникъ, утѣвѣсь ль стали съ тобою
 Телемаковы гости?
 Иль по-вчерашнему въ домѣ у насъ на
 тебя нападаютъ?
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказала Одиссей
 хитроумный:
 Добрый Эвмей, да пошлютъ всемогущіе
 боги Олимпна
 170 Имъ воздаянье за буйную жизнь и за
 дерзость, съ какою
 Здѣсь, не стыдяся, они расхищаютъ чу-
 жое богатство!
 Такъ говорили о многомъ они въ откро-
 венной бесѣдѣ.
 Къ нимъ подошелъ козоводъ, за козами
 смотряцій, Мелантій;
 Козъ, межъ отборными взятыхъ изъ стада,
 откормленныхъ жирно,
 175 Въ городъ пригналъ онъ, гостямъ на
 обѣдъ; съ нимъ товарицей было
 Двое. И, козъ привязавши подъ кровлей
 сѣней многозвучныхъ,
 Такъ Одиссею сказалъ, имъ ругаяся,
 дерзкій Мелантій:
 Здѣсь ты еще, неотвязный бродяга; не
 хочешь, я вижу,
 Дать намъ вздохнуть; мой совѣтъ, убл-
 райся отсюда скорѣе;
 180 Иль и со мной у тебя напосѣдкомъ дой-
 деть до расправы;
 Можешь тогда и моихъ кузаковъ ты
 отвѣдать; ты слишкомъ
 Сталъ ужъ докученъ; не въ этомъ лишь
 домѣ бывають оубды.
 Кончилъ. Ему Одиссей ничего не отвѣтство-
 вать; только,
 Молча, потрясъ головою и страшное въ
 сердцѣ помыслилъ.

185 Третій тутъ главный пастухъ подошелъ
къ нимъ, коровникъ Филотій;
Козъ опъ отборныхъ привелъ съ исте-
лившейся, жирной коровой.
Въ городъ же ихъ привезли на судахъ
перевозчики, всёхъ тамъ,
Кто нанималъ ихъ, возившіе моремъ ра-
бочіе люди.
Козъ и корову Филотій оставилъ въ сѣ-
няхъ многозвучныхъ;
190 Самъ же, приближась къ Эвмею, спро-
силъ у него дружески:
Кто чужеземецъ, тобою недавно, Эвмей,
приведенный
Въ городъ? Въ какому себя причисляетъ
опъ племенъ? Гдѣ опъ
Домъ свой отцовскій имѣеть? Въ какой
сторонѣ опъ родился?
Съ виду опъ бѣдный скиталецъ, но цар-
ственный образъ имѣеть.
195 Боги бездомно-бродящихъ людей уни-
жаютъ жестоко;
Но и могучимъ царямъ испытанья они
посылаютъ.
Тутъ къ Одиссею, привѣтствіе правую
сдѣлавъ рукою,
Ласково опъ обратился и бросилъ кры-
латое слово:
Радуйся, добрый отецъ чужеземецъ; те-
перь нищетою
200 Ты удрученъ—но пошлютъ наконецъ и
тебѣ изобиліе
Боги. О Зевсъ! ты безжалостнѣй всёхъ,
на Олимпѣ живущихъ!
Нѣтъ состраданья въ тебѣ къ человѣ-
камъ; ты самъ, нашъ создатель,
Насъ предаешь безопадно бѣдѣ и гры-
зущему горю.
Потомъ прошибло меня и въ глазахъ по-
темило, когда я
205 Вспомнилъ, взглянувъ на тебя, о царь
Одиссеѣ: какъ ты, опъ,
Можетъ быть, бродить въ такихъ же
лохмотьяхъ, такой же бездомный.
Гдѣ опъ, несчастный? Еще ли опъ ви-
дять сіяніе солнца?
Или его ужъ не стало и въ область
Аида сошелъ опъ?

О благодушный, великій мой царь! надъ
стадами коровъ ты
210 Здѣсь въ сторонѣ Кефаленской меня
молодого поставилъ;
Много теперь расплодилось ихъ; нѣтъ
шикого здѣсь другого,
Кто бы имѣлъ столь великое стадо ко-
ровъ крѣпколобыхъ.
Горе! я самъ приволенъ сюда ихъ во-
дить на пограничье
Этимъ грабителямъ. Сына они притѣ-
сляютъ въ отцовомъ
215 Домѣ; боговъ наказанье не страшно имъ;
между собою
Все раздѣлить ужъ богатство царя отда-
ленного мыслить.
Часто мнѣ замыселъ въ милое сердце
приходить (хотя опъ,
Правду сказать, и не вовсе похваленъ:
есть въ домѣ насѣдникъ),
Замыселъ въ землю чужую со стадомъ
моимъ, къ иноземнымъ
220 Людямъ уйти. Несказанное горе мнѣ,
здѣсь оставаясь,
Царскихъ прекрасныхъ коровъ на убой
отдавать имъ; давно бы
Эту покинулъ я землю, гдѣ столько не-
правды творится;
Стадо уведши съ собою, къ иному царю
перешелъ бы
Въ службу—по вѣрится все мнѣ еще,
что воротится въ домъ свой
225 Опъ, нашъ желанный, и всёхъ ихъ,
грабителей, разомъ погубить.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссеѣ
хитроумный:
Видно порода твоя не простая, мой чест-
ный коровникъ;
Сердцемъ, я вижу, ты вѣренъ, и здравый
имѣешь разсудокъ;
Радость за то объявляю тебѣ и клянуся
великой
230 Клятвой, Зевесомъ отцомъ, гостелюбною
здѣшней трапезой,
Также святымъ очагомъ Одиссева дома
клянуся
Вамъ, что еще ты отсюда уйти не успеешь,
какъ самъ опъ

- Явится; можешь тогда ты своими глазами
увидѣть,
Если захочешь, какой съ женихами раз-
счесть поведетъ онъ.
- 235 Копчилъ. Ему отвѣчала пастуховъ по-
селитель Филотій:
Если ты правду сказалъ, иноземецъ (и
Дій да исполнить
Слово твое), то и я, ты увидишь, не
празденъ останусь.
- Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный,
боговъ призывая,
Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили
домой Одиссея.
- 240 Такъ говорили о многомъ они, отъ дру-
гихъ въ отдаленнѣ.
Тою порой женихи, согласившись пре-
дать Телемака
Смерти, сходились; но въ это мгновеніе
слѣва поднялся
Быстрый орелъ, и въ когтяхъ у него
трепета голубка.
- Знаменьемъ въ страхъ приведенный, ска-
зала Афиноюмъ благородный:
245 Замыселъ нашъ умертвить Телемака,
друзья, по желанью
Нашъ не удастся исполнить. Подумаемъ
лучше о пирѣ.
- Такъ онъ сказалъ; подтвердили его пред-
ложенье другіе.
Всѣ они вмѣстѣ пошли, и когда въ Оди-
сеевъ вступили
Домъ, положивши на гладкія кресла и
стулья одежды,
- 250 Начали крупныхъ барановъ, откормлен-
ныхъ козъ и огромныхъ,
Жирныхъ свиней убивать; и корову зар-
рѣзали также.
- Были изжарены прежде одни потроха и
въ кратеры
Влито съ водою вино. Свинопасъ дво-
ручные кубки
Подаль, потомъ и въ прекрасныхъ кор-
зинахъ коровникъ Филотій
- 255 Хлѣбы разнесъ; а Мелантій выпомъ бла-
говошнымъ наполнилъ
Кубки. И подняли руки они къ приго-
товленной нищѣ.
- Но Одиссею, съ намѣреньемъ хитрымъ
въ умѣ, на порогѣ
Двери широкой велѣлъ Телемакъ помѣ-
ститься; подвинувъ
Къ ней небольшую, простую скамейку и
низенькій столикъ,
- 260 Часть потроховъ онъ принесъ, золотой
благовошнымъ наполнилъ
Кубокъ виномъ и, его подавая, сказалъ
Одиссею:
Здѣсь ты сиди и виномъ утѣшайся съ
моими гостями,
Новыхъ обидъ не страшася; рукамъ же-
ниховъ я не дамъ ужъ
Воли; мой домъ не гостиница, гдѣ про-
извольно пируетъ
- 265 Всякая сволочь, а домъ Одиссеевъ, ца-
рево жилище.
Вы жъ, женихи, воздержите языкъ свой
отъ словъ непристойныхъ,
Также и воли рукамъ не давайте; иль
будетъ здѣсь ссора.
- Такъ онъ сказалъ. Женихи, закусивши
съ досадою губы,
Смѣлымъ его пораженіемъ словомъ, ему
удивлялись.
- 270 Но, обратясь къ женихамъ, Антиной,
сынъ Эвнейтовъ, воскликнуть:
Какъ ни досадно, друзья, Телемаково
слово, не должно
Къ сердцу его принимать намъ; пускай
онъ грозится! давно бы,
Если бъ тому не препятствовалъ вѣчный
Кропонъ, его мы
Здѣсь ушолки—сталъ онъ теперь гово-
рять нестерпимый.
- 275 Копчилъ; по слово его Телемакъ безъ
вниманья оставилъ.
Въ это время народъ черезъ городъ съ
гланатаемъ жертву
Шелъ совершать: въ многотѣнную рощу
метателя вѣрныхъ
Стрѣлъ Аполлона былъ ходъ густовла-
сыхъ ахейскъ направленъ.
- Тѣ же, изжаривъ и съ вертеловъ спявши
хребтовое мясо,
280 Роздали части, и пачали пиръ много-
славный. Особо

Тутъ принесли Одиссею проворные слуги
такую жъ
Мяса подачу, какую имѣли и сами; то
было
Такъ имъ приказано сыномъ его, Теле-
макомъ разумнымъ.
Тою порою Аонна сама жениховъ воз-
буждала
285 Къ дерзкообиднымъ поступкамъ, дабы
разгорѣлось сильнѣе
Мщеніе въ гнѣвной душѣ Одиссея, Лаэр-
това сына.
Тамъ находился одинъ, отъ другихъ без-
законной отличныи
Дерзостью, родомъ изъ Зама; его назы-
вали Ктезинпомъ.
Былъ онъ несмѣтно богатъ, и, гордясь
богатствомъ, замыслилъ
290 Спорить съ другими о бракѣ съ женою
Лаэртова сына.
Такъ, къ женихамъ обратися, сказалъ
имъ Ктезинпъ многобуйный:
Выслушать слово мое васъ, товарищи, я
приглашаю:
Мяса, какъ слѣдуетъ, добрую часть со
стола получить ужъ
Этотъ старикъ—и весьма бы неохвально,
неправедно было,
295 Если бы гостей Телемаковыхъ кто ихъ
участка лишалъ здѣсь.
Я жъ и свою для него приготовилъ по-
дачу, чтобъ могъ онъ
Что-нибудь дать за купанье рабынѣ, иль
должный подарокъ
Сдѣлать кому изъ рабовъ, въ Одиссе-
вомъ домѣ живущихъ;
Тутъ онъ, схвативши коровью, въ кор-
зинѣ лежавшую ногу,
300 Сильно ее въ Одиссея инвернулъ; Оди-
сей, отклонивши
Голову вбокъ, избѣжалъ отъ удара; и
страшною улыбкой
Стиснулъ онъ губы; нога жъ, пролетѣвши,
ударилъ въ стѣну.
Грезно взглянувъ на Ктезинпа, сказалъ
Телемакъ раздраженный:
Будь благодаренъ Зевсею, Ктезинпъ, что
ударъ не коснется

305 Твой головы чужеземца: онъ самъ отъ
него отклонился;
Иначе острымъ копьемъ повѣришь въ
тебя бы попалъ я;
Сталъ бы не бракъ для тебя—погре-
бенье отецъ твой готовить.
Всѣмъ говорю вамъ: отнынѣ себѣ непри-
стойныхъ поступковъ
Въ домѣ моемъ позволять вы не смѣйте;
ужъ я не ребенокъ,
310 Все ужъ теперь понимаю; все знаю, что
надобно дѣлать.
Правда, еще принужденъ я свидѣтелемъ
быть терпѣливымъ
Здѣсь истребленья барановъ и козъ, и
вина, и богатыхъ
Нашихъ занавоевъ—я съ цѣлой толпою
одинъ не управлюсь;
Новыхъ обидъ мнѣ однако я вамъ не
совѣтую дѣлать;
315 Если жъ намѣренье ваше меня умертвить,
то конечно
Будетъ пристойнѣй, чтобъ, въ домѣ моемъ
пораженный, я встрѣтилъ
Смерть тамъ, чѣмъ зрителемъ былъ без-
законныхъ поступковъ и видѣлъ,
Какъ обижаютъ моихъ въ немъ гостей,
какъ рабынь принуждаютъ
Злымъ угождать вожделѣніямъ въ свя-
щенныхъ обителяхъ царскихъ.
320 Такъ онъ сказалъ, всё кругомъ непо-
движно хранили молчанье.
Но Агелай, сынъ Дамасторовъ, такъ отвѣ-
чалъ наносѣдкомъ:
Правду сказалъ онъ, друзья; на разумное
слово такое
Вы не должны отвѣчать оскорбленьемъ;
не трогайте болѣ
Старого странника; также оставьте въ
покоѣ и прочихъ
325 Слугъ, обитающихъ въ домѣ Лаэртова
славнаго сына.
Я жъ Телемаку и матери свѣтлой его
дружелюбно
Добрый и вѣрно самимъ имъ угодный
совѣтъ предложу здѣсь:
Въ сердцѣ своемъ вы донынѣ питали
надежду, что боги,

Вашимъ молитвамъ внимаю, домой воз-
вратить Одиссея;
330 Было донинѣ и намъ невозможно на
медленность вашу
Сѣтовать, такъ поступать вамъ совѣто-
валъ здравый разсудокъ
(Могъ послѣ брака незapiro въ свой
домъ Одиссей возвратиться);
Нынѣ жъ сомнѣнія нѣтъ памъ: мы знаемъ,
что онъ невозвратенъ.
Матери умной своей ты теперь, Теле-
макъ благородный,
335 Долженъ сказать, чтобъ межъ нами того,
кто щедрѣй на подарки,
Выбрала. Будешь тогда ты свободно въ
отеческомъ домѣ
Жить; а она о другомъ ужъ хозяйствѣ
заботиться станеть.
Кротко ему отвѣчала разсудительный
сынъ Одиссеевъ:
Нѣтъ, Агелай, я Зевесомъ отцомъ и судъ-
бой Одиссея
340 (Что бы съ нимъ ни было: живъ ли,
погибъ ли) клянусь передъ всеми
Вами, что матери въ бракъ не мѣшаю
встунить, что напротивъ
Самъ убѣждаю ее по желанію выбрать,
и много
Дамъ ей подарковъ; по изъ дома выслать
ее по неволѣ
И и помыслить не смѣю—то Зевеу не
будеть угодно.
345 Такъ говорилъ Телемакъ. Въ женихахъ
песказанный Аѳина
Смѣхъ пробудила, ихъ сердце смутивъ и
разсудокъ разстроивъ.
Дико они хохотали; и, лицами вдругъ
измѣнившись,
Бли сырое, кровавое мясо; глаза ихъ
слезами
Всѣ затуманились; -сердце ихъ тяжелой
запыло тѣскою.
350 Феоклимень богоравный тогда поднялся
и сказалъ имъ:
Вы, злополучные, горе вамъ! горе! не-
видимы стали
Головы ваши во мглѣ и невидимы ваши
колѣна;

Слышенъ мнѣ стоиъ вашъ, слезами обрыз-
ганы ваши ланиты.
Стѣны, я вижу, въ крови; съ потолка-
ныхъ бѣжитъ перекладниъ
355 Кровь; привидѣніями, въ бездну Эрева
бѣгущими, полны
Сѣни и дворъ, и на солнце небеспос,
вижу я, веходить
Страшная тѣнь и подъ ней вся земля
покрывается мракомъ;
Такъ онъ сказалъ имъ. Безумно они хо-
хотать продолжали.
Тутъ говорить женихамъ Эвримахъ, сынъ
Полибіевъ, началъ:
360 Видно, что этотъ, друзья, чужеземецъ
въ умѣ помѣшался;
На площадь должно его проводить намъ,
пусть выдетъ на свѣжій
Воздухъ, когда ужъ ему такъ ужасно
темно здѣсь въ палатѣ.
Феоклимень богоравный сказалъ, обратясь
къ Эвримаху:
Нѣтъ! Эвримахъ, въ провожатыхъ тво-
ихъ не имѣю я нужды;
365 Двѣ есть ноги у меня, и глаза есть и
уши; разсудокъ
Мой не разстроены, и память свою я
еще не утратилъ.
Самъ убѣгу я отсюда; я къ вамъ под-
ходящую быстро
Слышу Бѣду; ни одинъ отъ нея не
уйдетъ; не избѣгнетъ
Силы ея ни который изъ васъ, свято-
татцевъ, губящихъ
370 Домъ Одиссеевъ и въ немъ беззаконнаго
много творящихъ.
Такъ онъ сказалъ и, поспѣшно палату
покинувъ, къ Пирею
Прямо пошелъ, и Пиреемъ былъ съ през-
нею ласкою принять.
Тою порою, поглядѣвши съ насмѣшкой
одинъ на другого,
Начали всѣ Телемака дразнить женихи,
надъ гостями
375 Дома его издѣваясь, и такъ говорили
иные:
Другъ Телемакъ, на отборъ негодни тебя
посѣщаютъ;

Прежде вотъ этотъ печальный пожаловалъ
 въ домъ твой бродяга,
 Хищникъ обѣдненныхъ крохъ, ни въ ка-
 кую работу негодный,
 Слабый, гнилой старичишка, земли без-
 полезное бремя;
 380 Гость же другой помѣшался и началъ
 безпутьно пророчить.

Выслушай лучше нашъ добрый совѣтъ,
 Телемакъ многомудрый:
 Дай намъ твоихъ благородныхъ гостей
 на корабль крутободый
 Бросить, къ Сивеламъ отвезть и продать
 за хорошия деньги.

Такъ говорили они; Телемакъ, ихъ сло-
 вамъ не внимавшій,
 385 Молча, смотрѣлъ на отца, дожидаясь спо-
 койно, чтобъ подалъ
 Знакъ спъ, когда начинать съ незакон-
 ною шайкой расправу.

Въ горницѣ ближней на креслахъ бога-
 тыхъ въ то время сидѣла
 Многоразумная старца Икарія дочь Пе-
 нелопа;
 Было ей слышно все то, что въ собраньи
 гостей говорилось.

390 Веселье-безпечно и живое разговоромъ и
 хохотомъ шуметь
 Вѣдь ихъ обѣдъ, для котораго столько
 настряпали сами;
 Но никогда и нигдѣ и никто не гото-
 вилъ такого

Ужина людямъ, какой приготовилъ съ
 Палладою грозный
 Мужъ для незваныхъ гостей, незакон-
 ныхъ ругателей правды.

О Д И С С Е Я.

пѣсь двадцать первая.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТИ ПЕРВОЙ ПѢСНИ.

Тридцать девятый день.

Пенелопа приноситъ лукъ и стрѣлы Одиссею; при видѣ ихъ Эвмей и Филотей проливаютъ слезы; Антиной насмѣхается надъ ними. Телемакъ устанавливаетъ жерди для стрѣльбы и пытается натянуть лукъ; Одиссей подаетъ ему знакъ, чтобъ онъ его оставилъ. Женщины напрасно стараются натянуть его.

Одиссей открываетъ себя Эвмею и Филотию; они приготавливаются къ умерщвленію жениховъ. Послѣ неудачнаго Эвримахова опыта натянуть лукъ, Антиной предлагаетъ отложить стрѣльбу до другого дня. Одиссей проситъ, чтобъ ему позволили сдѣлать опыты; женихи тому противятся; но по приказанію Телемака лукъ поданъ Одиссею; онъ его натягиваетъ, стрѣляетъ и попадаетъ въ цѣль.

Дочь свѣтлоокая Зевса Аенпа вселила
 желанье
 Въ грудь Пенелопы, разумной супруги
 Лаэрта сына,
 Лукъ женихамъ Одиссею и грозныя
 стрѣлы принесши,
 Вызвать къ стрѣлянью въ цѣль ихъ и
 тѣмъ приготовить имъ гибель.

5 Вверхъ по ступенямъ высокимъ носѣбно
 взшла Пенелопа;
 Мягоодутой рукою искусственно выпу-
 тый мѣдный

Ключъ съ рукоятью изъ кости слоновой
 доставши, царица
 Въ дальнюю ту кладовую пошла (и ра-
 быни за нею),
 Гдѣ Одиссею все драгоцѣнности были
 хранимы:

10 Золото, мѣдъ и желѣзная утварь чудес-
 ной работы.
 Тамъ находился и тугосгибаемый лукъ
 и набитый

Множествомъ стрѣлъ бѣдноносныхъ кол-
 чащъ. Подаренъ Одиссею
 Этотъ былъ лукъ со стрѣлами давно въ
 Лакедемонѣ гостемъ

Фитомъ, богоподобнаго Эврита сыномъ.
 Они же

15 Встрѣтились прежде другъ съ другомъ
 въ Мессинѣ, гдѣ нужно обомъ
 Домъ посѣтитъ Орхилока разумнаго было.
 Въ Мессинѣ

Тяжбу съ гражданами велъ Одиссей. Изъ
 Итаки мессинцы
 Мелкаго много скота увели; съ паслу-
 хами оттуда

Триета быковъ круторогихъ разбойничье
 судно украдо.

20 Ихъ Одиссей тамъ отыскивалъ; юпоша
 свѣжести полный

- Былъ онъ въ то время; его же послали
 отецъ и геронты.
 Ифитъ отыскивалъ также пронажку:
 коней и двѣнадцать
 Добрыхъ жеребыхъ кобылъ и могучихъ
 работниковъ муловъ.
 Ифиту некъ удаляея; но погибелью стала
 удача:
 25 Къ сыну Зевесову, славному крѣпостью
 силы великой
 Мужу, Ираклу, свершителю подвиговъ
 чудныхъ, пришель онъ—
 Въ домъ своемъ умертвилъ имъ самимъ
 приглашеннаго гостя
 Звѣрскій Иракль, посрамивши Зевесовъ
 законъ и накрытый
 Имъ гостепобно для странника столъ, за
 которымъ убійство
 30 Онъ совершилъ, чтобъ коней громозвучно-
 копытныхъ присвонть.
 Ифитъ, въ Мессину за ними пришедъ,
 Однеся тамъ встрѣтилъ.
 Эвритовъ лукъ онъ ему подарилъ; умирая,
 великій
 Эвритъ тотъ лукъ злополучному сыну въ
 наслѣдство оставилъ.
 Ифита острымъ мечомъ и копьемъ ода-
 ривъ длинноплечнымъ,
 35 Гостемъ остался ему Одиссей; но за столъ
 приглашень свой
 Друга не могъ: прекратилъ сытъ Зеве-
 совъ, Иракль безопадный
 Жизнь благородному Ифиту, Эврита сла-
 наго сыну,
 Давшему лукъ Однесю и стрѣлы. И не
 бралъ съ собою
 Ихъ никогда Однесей на войну въ корабль
 чернобокомъ:
 40 Память о гостѣ возлюбленномъ вѣрно
 храма, ихъ берегъ онъ
 Въ домъ своемъ; но въ отечествѣ всюду
 имѣлъ при себѣ ихъ.
 Вблизи къ дверямъ залегтымъ кладовой
 подошедъ, Пепелона
 Стала на гладкій дубовый порогъ (по
 снуру обтесавши
 Брусъ, тотъ порогъ тамъ искусно ула-
 дилъ строитель, дверныя
- 45 Притолки въ пемь утвердилъ, и на при-
 толки створы навѣсилъ);
 Съ скважины спявши замочной ее по-
 кривавшую кожу,
 Ключъ свой вложила парипа въ замокъ;
 отодвинувъ задвижку,
 Дверь отперла; завизжали на петляхъ
 заржавѣвшихъ створы
 Двери блестящей; какъ дико мычить вы-
 гоняемый на лугъ
 50 Быкъ круторогій—такъ дико тяжелые
 створы визжали.
 Взлѣзши на гладкую полку (на ней же
 ларцы съ благовонной
 Были одеждой), царица, подпявшись на
 цыпочки, руку
 Спятъ Одиссеевъ съ гвоздя непатянутый
 лукъ протянула:
 Бережно былъ онъ обвернуть блестящимъ
 чохломъ; и, доставши
 55 Лукъ, на колѣни свои положила его
 Пепелона;
 Съвѣ съ нимъ и вынувъ его изъ чахла,
 зарыдала и долго,
 Долго рыдала она; папослѣдокъ, наемъ-
 тившись плачемъ,
 Медленнымъ шагомъ пошла къ женихамъ
 многобуйнымъ въ браше,
 Лукъ Одиссеевъ, сгибаемый туго, неся и
 великій
 60 Туль, мѣдноострыми бытросмертель-
 ными полный стрѣлами.
 Слѣдомъ за ней принесень былъ рабы-
 нями ящикъ съ запасомъ
 Мѣди, желѣза и съ разною утварью бран-
 ной. Царица,
 Въ ту палату вступивъ, гдѣ ся женихи
 пировали,
 Подлѣ столба, потолокъ тамъ высокій
 державшаго, стала,
 65 Щеки закрывши свои головнымъ по-
 криваломъ блестящимъ;
 Справа и слѣва почтительно стали слу-
 жанки. И, слово
 Къ буйнымъ своимъ женихамъ обративъ,
 Пепелона сказала:
 Слушайте все вы, мой женихи благо-
 родные: домъ нашъ

- Вы разоряете, въ немъ на пиры истребляя
богатство
70 Мужа, давно разлученнаго съ милой
отчизною; права
Итъ вамъ на то никакого; мепя лишь
хотите принудить
Выбрать межъ вами, на бракъ согласясь
ненавистный, супруга.
Можете сами теперь разрѣшить вы мой
выборъ. Готова
Быть я цѣною побѣды. Смотрите, вотъ
лукъ Одиссеевъ;
75 Тотъ, кто согнетъ, навязавъ тетиву,
Одиссеевъ могучій
Лукъ, чья стрѣла пролетитъ черезъ всѣ
(ихъ не тронувъ) двѣнадцать
Полецъ, я съ тѣмъ удалюся изъ этого
милаго дома,
Дома семейнаго, свѣтлаго, многобогатаго,
гдѣ я
Счастье нашла, о которомъ и сонная
буду крушиться.
80 Съ сими словами велѣла она свинопасу
Эвмею
Лукъ Одиссеевъ и стрѣлы подать жени-
хамъ благороднымъ.
Взрыдъ онъ заплакалъ, принявши его;
къ женихамъ онъ пошелъ съ нимъ;
Лукъ Одиссеевъ узнавъ, зарыдалъ и ко-
ровникъ Филотій.
Къ нимъ обратясь обоимъ, сказалъ Анти-
пой, погодя:
85 Вы, деревенщина грубая, только однимъ
ежедневнымъ
Запитъ вашъ умъ! Отъ чего вы расва-
кались? Горе ль усилитъ
Въ сердцѣ хотите своей госпожи? И безъ
васъ ужъ довольно
Скорбью томится она бесполезною въ
долгой разлукѣ
Съ мужемъ; сидите же тихо и ѣшьте; а
если хотите
90 Плакать, уйдите отсюда, оставя и лукъ
вашъ и стрѣлы
Намъ женихамъ па рѣшительный бой.
Сомнѣваюсь однако
Я, чтобъ легко натянуть кто такой не-
сказанно упорный
- Лукъ. Многосильнаго мужа такого, каковъ
Одиссей былъ,
Итъ между нами. Его я въ то время
видаль—и понинѣ
95 Помню о немъ, хоть тогда и ребенкомъ
еще былъ неумнымъ.
Такъ говоря про другихъ, про себя упо-
валъ онъ, что сладить
Съ лукомъ, натянуть легко тетиву и всѣ
кольца прострѣлить.
Бѣдный слѣпецъ, онъ не думалъ, что
первою жертвою будетъ
Стрѣлъ Одиссея, который имъ въ соб-
ственномъ домѣ такъ дерзко
100 Былъ оскорбленъ, на котораго тамъ и
другихъ возбуждалъ онъ.
Тутъ, къ женихамъ обратясь, имъ ска-
залъ Телемакъ богоравный:
Горе! конечно мой разумъ привелъ въ
безпорядокъ Кроноионъ!
Милая мать, столь великимъ умомъ ода-
ренная, слышу,
Здѣсь говорить, что съ супругомъ дру-
гимъ соглашается свѣтлый
105 Домъ мой покинуть; а я, тѣмъ доволь-
ный, смѣюсь, какъ безумецъ.
Часть наступилъ; женихи, приготовьтесь
къ послѣднему дѣлу.
Въ цѣлой ахейской землѣ вы такой не
пайдете невѣсты—
Гдѣ бъ ни искали. въ священномъ ли
Пилосѣ, или въ Аргосѣ,
Или въ Микинахъ, или въ нашей Итакѣ,
или тамъ на пространствѣ
110 Черной земли матерой — но хвала не
пужна; вы довольно
Знаете сами; пора начинать намъ свой
онуть; берите
Лукъ Одиссеевъ и силу свою окажите на
дѣлѣ.
Я жъ и себя самого непытанью хочу
здѣсь подвергнуть.
Если удастся мнѣ лукъ натянуть и стрѣ-
лою всѣ кольца
115 Мѣтко пробить, удаленіе матери милой
изъ дома
Съ мужемъ другимъ и мое одиночество
будутъ спосибѣ

Миѣ, ужъ владѣть небезспяному лукомъ
 отца Одиссея.
 Кончивъ, онъ съ плечъ молодыхъ пурпу-
 ровую мантию сбросилъ;
 Всталъ, и, съ мечомъ мѣдноострымъ блестя-
 щую перевязь снявши,
¹²⁰ Жерди въ глубокихъ для каждой осо-
 бенно вырытыхъ ямкахъ,
 Ихъ по шнуру уравнивъ, утвердилъ; осно-
 вавъ яхъ, чтобъ прямо
 Всѣ, не шатаясь, стояли, землей отопталъ.
 Всѣ дивились,
 Какъ онъ некусно порядокъ, ему незна-
 комый, устроилъ.
 Сталъ Телемакъ у порога дверей и, схва-
 тивъ Одиссеевъ
¹²⁵ Лукъ, попытался на немъ пятануть
 тетиву; и погнулъ онъ
 Трижды его, по, уперевъ, трижды онъ
 вновь разогнулся.
 Имъ овладѣть, пацѣпивъ тетиву, уповавъ,
 въ четвертый
 Разъ онъ готовъ былъ съ удвоенной силой
 приняться за дѣло;
 Но Одиссей по условью кивнулъ головой;
 отложивши
¹³⁰ Трудъ, обратился къ отцу и сказалъ
 Телемакъ богоравный:
 Горе миѣ! видно я слабомъ рожденъ и
 остаюсь безсилнымъ
 Вѣчно; я молоде еще и своєю рукою не
 пытался
 Дерзость врага показать, миѣ папеснаго
 злую обиду.
 Ваша теперь череда, женихи, вы силь-
 нѣе; и пусть каждый
¹³⁵ Лукъ Одиссеевъ возьметъ и свершить
 попытается подвигъ.
 Такъ говоря, пенатанутый лукъ опустилъ
 онъ на землю,
 Къ гладкой дверной половинкѣ его при-
 слопивши; по рядомъ
 Съ нимъ и стрѣлу перяную онъ къ ручкѣ
 залочной приставилъ.
 Сълъ онъ на ступъ свой потомъ, къ
 женихамъ возвратяся безопасно.
¹⁴⁰ Тутъ, обратяся къ женихамъ, Антипой,
 сынъ Эвнейтовъ, сказалъ имъ:

Съ правой руки подходите одинъ за дру-
 гимъ вы, начавши
 Съ мѣста, откуда вино подносить на ниру
 пачинаютъ.
 Такъ Антипой предложилъ и одобрили
 всѣ предложенье.
 Первый, поднявшійся съ мѣста, пошелъ
 Леодей, сынъ Эйноповъ,
¹⁴⁵ Жертвогдатель ихъ былъ онъ и подлѣ
 кратеры на самомъ
 Краѣ [стола за обѣдомъ садился. Ихъ
 буйство претивно
 Было ему! и перѣдко онъ ихъ порицалъ,
 негодуй.
 Первый онъ долженъ былъ взяться за
 лукъ роковой, наблюдая
 Очередь. Ставъ у порога дверей, онъ
 схватилъ Одиссеевъ
¹⁵⁰ Лукъ; по его и погнуть онъ не могъ;
 отъ напрасныхъ усилій
 Слабыя руки его отбѣзли. Онъ съ горемъ
 воскликнулъ:
 Нѣтъ! не по силамъ миѣ лукъ Одне-
 сеевъ; другой попытайся
 Крѣпость его одолѣть; по у многихъ му-
 жей знаменитыхъ
 Душу и жизнь онъ возьметъ. И конечно
 желаніе вѣрѣжить
¹⁵⁵ Смерть, чѣмъ живому скорбѣть у отратѣ
 того, что такъ сильно
 Насъ привлекало вседневно сюда чаро-
 дѣйствомъ надежды.
 Всѣ мы теперь уповаемъ, во всѣхъ насъ
 пылаетъ желанье
 Бракъ заключить съ Непелоной, женой
 Одиссея; по каждый,
 Лукъ пешытавъ Одиссеевъ и силу надъ
 нимъ утомивши,
¹⁶⁰ Съ горемъ въ душѣ принужденъ за дру-
 гую ахейскую дѣву
 Свататься будетъ, подарки свои расточалъ;
 она же
 Выберетъ доброю волей того, кто недрѣй
 и прятнѣй.
 Такъ говоря, пенатанутый лукъ опустилъ
 онъ на землю,
 Къ гладкой дверной половинкѣ его при-
 слопивши; по рядомъ

165 Съ нимъ и стрѣлу перяную онъ къ
 ручкѣ замочной приставилъ.
 Сълъ онъ на стулъ свой потомъ, къ
 женихамъ возвратяся безвечно.
 Глѣбно къ нему обратившися, сказалъ
 Антипой, сынъ Эвнейтовъ:
 Страшное слово изъ устъ у тебя, Леодей,
 излетѣло,
 Слово печальное, страшное; слышать его
 мнѣ противно.
 170 Душу и жизнь, говоришь ты, у мно-
 гихъ людей знаменитыхъ
 Лукъ Одиссеевъ возьметъ, потому, что
 его неспособенъ
 Ты натянуть. Но безвильнымъ отъ матери
 былъ благородной
 Ты безъ сомнѣнья рожденъ, не могучимъ
 властителемъ лука;
 Многіе будутъ въ числѣ жениховъ безъ
 сомнѣнья способнѣй
 175 Сладить съ нимъ. Кончилъ. Потомъ,
 возвода Мелантія кликнувъ,
 Слушай, Мелантій, сказалъ, здѣсь огонь
 ты разложишь; къ огню же
 Близко поставишь покрытую мягкой
 овчиной скамейку;
 Жирнаго сала потомъ принесешь намъ
 укрутъ, чтобъ могли мы
 Имъ, на огнѣ здѣсь его разогрѣвши, по-
 мазывать крѣпкій
 180 Лукъ Одиссеевъ: тогда онъ удобнѣй
 натянуть быть можетъ.
 Такъ онъ сказалъ. И Мелантій, огонь
 разложивъ превеликій,
 Близко поставилъ скамейку, покрытую
 мягкой овчиной;
 Сала принесъ напоследокъ укрутъ; и,
 раставивъ сало,
 Начали мазать имъ лукъ женихи; но изъ
 нихъ ни который
 185 Лука не могъ и пемного погнуть —
 несласанно былъ туго онъ;
 Взятся за онытъ тогда въ свой чередъ
 Антипой съ Эвримахомъ
 Были должны, межъ другими отличные
 мужеской силой.
 Въ это мгновеніе, разомъ поднявшися,
 изъ дома вмѣстѣ

Вышли Эвмей свинопасъ и коровникъ
 Филотій; за ними
 190 Слѣдуя, залу покинулъ и царь Одис-
 сея, онъ, широкій
 Дворъ перейдя, за ворота двустворныя
 вышелъ. Позвавши
 Тамъ ихъ обоихъ, онъ ласковосладкую
 рѣчь обратилъ къ нимъ:
 Вѣрные слуги, Эвмей и Филотій, могу ль
 вамъ открыться?
 Или мнѣ лучше смолчать? Но меня гово-
 рить побуждаетъ
 195 Сердце. Отвѣтуйте: что бы вы сдѣ-
 лали, если бъ влезанно,
 Демономъ вдругъ приведенный какимъ,
 Одисеей, господишь какимъ,
 Здѣсь вамъ явился? Къ нему ль, къ
 женихамъ ли тогда бъ вы пристали?
 Прямо скажите мнѣ все, что велитъ
 вамъ рассудокъ и сердце.
 Кончилъ. Ему отвѣчалъ простодушный
 коровникъ Филотій:
 200 Царь нашъ Зевесъ, о! когда бы на
 наши молитвы ты отдалъ
 Намъ Одиссея! да благостный демонъ его
 къ намъ проводить!
 Самъ ты увидишь тогда, что и я не
 остаюся празденъ.
 Тутъ и Эвмей свинопасъ благородный,
 боговъ призывая,
 Сталъ ихъ молить, чтобъ они возвратили
 домой Одиссея.
 205 Въ вѣрности сердца и въ доброй ихъ
 волѣ вполнѣ убѣдая,
 Такъ имъ обоимъ сказалъ наконецъ
 Одисеей богоравный:
 Знайте же, я Одиссея, претерпѣвшій столь
 много напастей,
 Въ землю отцовъ приведенный по волѣ
 боговъ черезъ двадцать
 Лѣтъ. Но я вижу, что здѣсь изъ рабовъ
 моего возвращенья
 210 Только вы двое желаете; и не слышалъ,
 чтобъ другой кто
 Здѣсь помоллся богамъ о свиданіи ско-
 ромъ со мною.
 Слушайте жъ, вамъ расскажу обо всемъ,
 что случится должно здѣсь:

Если мнѣ Дій потребить жениховъ много-
буиныхъ поможетъ,
Вамъ я обоимъ найду по невѣстѣ, при-
даное каждой
215 Дамъ и построю вамъ дома въблизи
моего, и, какъ братья,
Будете жить вы со мною и съ сыномъ
моимъ Телемакомъ.
Вамъ же и признакъ могу показать, по
какому яeno
Вы убѣдитесь, что я Одиссей: вотъ рубецъ,
вамъ знакомый;
Вспремъ, вы помните, былъ я пораненъ,
когда съ сыновьями
220 Автוליона охотой себя забавлял на
Парнасеѣ.
Такъ говоря, онъ колѣно открылъ, рас-
пахнувши трипци
Рубица. Тѣ жъ, рассмотрѣвши прилежно
рубецъ, имъ знакомый,
Начали плакать; и, крѣпко обнявъ своего
господина,
Голову, плечи и руки и ноги его цѣло-
вали.
225 Головы ихъ со слезами и онъ цѣло-
валъ, и за плачемъ
Ихъ бы могло тамъ застать захожденіе
солнца, когда бы
Имъ не сказалъ Одиссей, успокоившись
первый: отрите
Слезы, чтобъ, изъ дому вышедши, кто
не засталъ васъ, такъ горько
Плачущихъ: тѣмъ преждевременно тайна
откроется наша.
230 Должно, чтобъ слова—одни за дру-
гимъ, а не вмѣстѣ—вошли мы
Съ залу, я первый, вы послѣ. И ждите,
чтобъ мной былъ вамъ подавъ
Знакъ. Женихи (многобуиные, думаю я,
не позволять
Въ руки мнѣ взять тамъ мой лукъ и
колчанъ мой, набитый стрѣлами;
Ты же, Эвмей, не дождавшись приказа,
и лукъ и колчанъ мнѣ
235 Самъ принеси. И потомъ ты велишь,
чтобъ рабыни немедля
Заперли въ женскія горницы двери на
ключъ и чтобъ, если

Шумъ изъ стѣнаше въ столовой послы-
шится имъ, не поспѣла
Тронуться съ мѣста изъ нихъ ни одна,
чтобъ спокойно сидѣли
Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ
своимъ занимаясь.
240 Ты же, Филотій, возьми ворота на свое
попеченье.
Крѣпко запри ихъ на ключъ и ремнемъ
затяни ихъ задвижку.
Такъ говорилъ Одиссей имъ. Онъ, въ
двери столовой встунивши,
Съѣлъ тамъ опять на оставленной имъ за
минуту скамейкѣ.
Послѣ явились одни за другимъ свинопасъ
и Филотій.
245 Лукъ Одиссеевъ держалъ Эвримахъ и
его пады пылавшимъ
Жарко огнемъ поворачивалъ, грѣя. Не
могъ онъ однако
Крѣпость его побѣдить. Застонало могу-
чее сердце;
Голосъ возвысивъ, кипящій досадою, онъ
громко воскликнулъ:
Горе мнѣ! я за себя и за васъ, сокру-
шенный, стыжуся:
250 Нѣтъ мнѣ нечало о томъ, что отъ
брака я долженъ отречься—
Много найдется прекрасныхъ ахейскихъ
невѣсть и въ Итакѣ,
Моремъ объятаю, и въ разныхъ другихъ
областяхъ Кефаленскихъ.
Но столь ничтожными крѣпостью быть съ
Одиссеемъ въ сравненьи—
Такъ, что изъ насъ ни одинъ и немного
погнуть былъ не въ силахъ
255 Лука его—то стыдомъ насъ покроетъ
и въ позднемъ потемствѣ.
Но Антиной, сынъ Эвсейтовъ, восклик-
нулъ, ему возражая:
Нѣтъ, Эвримахъ благородный, того не слу-
чится, и въ этомъ
Самъ ты увѣренъ. Народъ Аполлоновъ
великій сего дня
Празднуетъ праздникъ: въ такой день
натягивать лукъ неприлично;
260 Спрячемъ же лукъ; а жердей выно-
ситъ намъ не пуживо отсюда.

- Пусть остается; украсть их конечно
никого изъ живущихъ
Въ домъ царя Одиссея рабовъ и рабынь
не помылить.
Намъ же опять благовоющимъ виномъ
пусть наполнить глашатай
Кубки, а лукъ Одиссеевъ запрежь, совер-
шивъ возлиянне.
233 Завтра поутру пускай козоводъ, нашъ
разумный Мелантій
Козъ приведетъ намъ отборныхъ, чтобъ
здѣсь принести Аполлону,
Лука сгибаюлю, бедра ихъ въ жертву.
Согнуть оны помогутъ
Лукъ Одиссеевъ; и силы надъ нимъ не
истратимъ напрасно.
Такъ предложили Антиной, и одобрили
всѣ предложенне.
270 Тутъ для умытія рукъ имъ глашатаи
подали воду;
Отроки, свѣтлымъ кратеры до края на-
полнивъ паниткомъ,
Въ чашахъ его разнесли, по обычаю
сирова начавши;
Вкуснымъ питьею насладились они, со-
творивъ возлиянне.
Хитрость замысливъ, тогда имъ сказалъ
Одиссей многоумный:
275 Слухъ вашъ ко мнѣ, жепихи Пене-
лоны, склоните, дабы я
Высказать могъ вамъ все то, что велитъ
мнѣ разсудокъ и сердце.
Вотъ вамъ — тебѣ Эвримахъ, и тебѣ,
Антиной богоравный,
Столь разсудительно дѣло рѣшившіе —
добрый совѣтъ мой:
Лукъ отложите, на волю безсмертныхъ
предавъ оставшее;
280 Завтра рѣшить Аполлонъ, кто изъ
васъ побѣдителемъ будетъ;
Мнѣ же отвѣдать позволяте чудеснаго
лука; узнать мнѣ
Дайте, осталось ли въ мышцахъ моихъ
изнуренныхъ хоть мало
Силы, меня оживляющей въ давнишнее
младости время,
Пли я вовсе нуждой и бродячимъ житьемъ
вишточуженъ.
- 285 Кончплъ. По просьбы его не одобрилъ
никто. Испугался
Каждый при мысли, что съ глѣдоболи-
стающимъ лукомъ оны сладить.
Слово къ нему обративши, сказалъ Анти-
ной, сынъ Эпейтовъ:
Что ты, негодный бродяга? Не вовсе ль
разсудка лишился?
Мало тебѣ, что спокойно, допущенный
въ общество наше,
290 Здѣсь ты ищущъ, обѣдая съ нами,
и всѣ разговоры
Слушаешь наши, чего никогда здѣсь еще
никакому
Нищему не было нами позволено? Все
недоволенъ!
Видно твой умъ отуманенъ медвянымъ
виномъ; отъ вина же
Всякой, его несумѣренно ньющій, безъ
умѣсть. Былъ имъ
295 Ньбогда Эвритионъ, многославный кен-
тавръ, обезумленъ.
Въ домъ Пиритоя, великою славию
силою, вступивши,
Праздновать тамъ оны съ лапсеами;
разума пьянствомъ лишенный,
Буйствовать звѣрски оны вдругъ при-
нялся въ Пиритоевомъ домѣ.
Всѣ раздражились лапсеами; покинувъ
трапезу, изъ залы
300 Силою его утащили на дворъ, и пещад-
ною мѣдью
Уши и носъ обрубилъ оны у него; и,
разсудка
Вовсе лишенный, кентавръ убѣжалъ, по-
ношеньемъ покрытъ ли.
Зная замѣлась отъ того у кентавровъ съ
лапсеами распря;
Оны же отъ нлѣства тамъ первый пла-
чевую встрѣтилъ погибель.
305 Такъ и съ тобою случится, бродяга безъ-
смысленный, если
Этотъ осмѣлишься лукъ натянуть; не
молвою прославленъ
Будешь ты въ области нашей; на твер-
дую землю ты будешь
Къ злему Эхету царю, всѣхъ людей
истребителю, сосланъ;

Тамъ ужъ ничѣмъ не спасешься отъ
гибелн жалкой. Сиди же
310 Смирно и пей; и на старости силой не
споря съ милодыми.
Онъ замолчалъ. Возражая, сказала ему
Пенелопя:
Пѣтъ, Антиной, непохвально бѣ несма
и неправо было,
Если бѣ гостей Телемаковыхъ кто здѣсь
лишалъ ихъ участка.
Или ты мыслишь, что этотъ старикъ,
пятавущи великій
315 Лукъ Одиссея, на силу свою полагаясь,
помыслить
Мной завладѣть, и свою безразсудно мнѣ
руку предложить.
Это конечно ему не входило и сонному
въ мысли;
Будите жъ спокойны и долѣ такимъ она-
сенемъ не мучьте
Сердца — ни издумать того, ни на дѣлѣ
исполнить неможно.
320 Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибѣевъ такъ
отвѣчалъ Пенелопи:
О многоумная старца Икарія дочь Пене-
лопа,
Мы не боимся, чтобъ дерзость такую
замыслилъ онъ—это
Всесъ избыточно; мы лишь боимся стыда,
мы боимся
Толковъ, чтобъ кто не сказалъ межъ
ахейцами, низкій породой:
325 Жалкіе люди они! за жену безпорочнаго
мужа
Вздумали свататься; лука жъ его пята-
нуть не умѣютъ
Вотъ посѣтять ихъ нашъ братъ побродя-
дига, покрытый отрепьемъ;
Легкой рукой тетиву пятавуть и веѣ
кольца стрѣлюю
Мѣтко пробить онъ. Такъ скажутъ. И бу-
детъ намъ стыдъ нестерпимый.
330 Кончили. Разумная старца Икарія дочь
возразила:
Пѣтъ, Эвримахъ, па себя норицашь и
стыдъ навлекають
Люди, которые домъ и богатства отсут-
ственныхъ грабятъ.

Правду забывши; а тутъ вамъ стыда
никакого не будетъ:
Этотъ же странникъ, и ростомъ высокій
и мышцами сильный,
335 Родомъ не низокъ: рождень, говорить
онъ, отцомъ знаменитымъ.
Дайте же страннику лукъ Одиссея —
увидимъ, что будетъ.
Слушайте также (и то, что скажу я,
исполнится вѣрно),
Если пятавсть онъ лукъ и его Апол-
лонъ тѣмъ прославить,
Мантію давъ я ему и красивый хитонъ
и подошвы
340 Ноги обути; давъ конь на собакъ и на
встрѣчу съ бродягой;
Также и мечъ онъ получить, съ обѣихъ
сторонъ заостренный,
Послѣ и въ сердцемъ желанную землю
его я отправлю.
Ей возражая, сказалъ разсудительный
сынъ Одиссея:
Милая мать, Одиссеявымъ лукомъ не
можетъ никто здѣсь
345 Властвовать; дать ли не дать ли его, я
одинъ лишь на это
Право имѣю — никто изъ живущихъ въ
Горнестой Итакѣ
Иль на какомъ острову, съ многоконной
Элидою ежемномъ.
Если придетъ мнѣ па умъ, здѣсь никто
запретить мнѣ не можетъ
Страннику стрѣлы и лукъ подарить и
унестъ ихъ позволить.
350 Но удались: занимайся, какъ должно,
порядкомъ хозяйства,
Пряжей, ткапьемъ; наблюдай, чтобъ ра-
быни прилежны въ работѣ
Были; судить же о лукѣ не женское
дѣло, а дѣло
Мужа, и нынѣ мое: у себя я одинъ по-
велятель.
Такъ онъ сказалъ; изумая, обратно
пошла Пенелопя;
355 Къ сердцу слова многоумна сына при-
нявъ и въ покоѣ
Верхнемъ своимъ затворяся, въ кругу
приближенныхъ служанокъ

Плакала горько она о своемъ Одиссеѣ,
 куда покуда
 Сладкаго сна не свела ей на очи богиня
 Аѳина.
 Того порою, взявъ стрѣлы и лукъ, свинопасъ къ Одиссею
 360 Съ ними пошелъ. На него всей толпой
 женихи закричали.
 Такъ говорили одинъ изъ ругателей дерзко-
 надменныхъ:
 Стой, свинопасъ безтолковый! Куда ты
 бредешь, какъ безумный,
 Съ лукомъ? Ты будешь своимъ же соба-
 камъ, которыхъ вскормилъ здѣсь
 Самъ, чтобъ свиней сторожить, на съѣде-
 ніе выброшенъ, если
 365 Намъ Аполлонъ и блаженные боги да-
 руютъ побѣду.
 Такъ говорили они. Свинопасъ, оглушен-
 ный ихъ крикомъ,
 Лукъ, оробѣвъ, ужъ готовъ былъ поста-
 вить на прежнее мѣсто.
 Но Телемакъ, на него погрозясь, разгнѣ-
 ванный крикнулъ:
 Съ лукомъ сюда! Ты, Эвмей, опалѣлъ;
 ужъ не хочешь ли волѣ
 370 Всѣхъ угождать? Не трудись, нѣтъ тебѣ,
 хоть и старъ ты, я въ поле
 Камнями самъ провожу: молодой старика
 одолѣть.
 Если бы силой такой я одинъ одаренъ
 былъ, какую
 Всѣ совокупно имѣютъ они, женихи
 Целесопы,
 Въ страхѣ тогда по своимъ бы домамъ
 разбѣжался разомъ
 375 Всѣ они, въ домѣ моемъ беззаконій тво-
 рящихъ много.
 Такъ онъ сказалъ имъ. Они неописан-
 ный подняли хохотъ.
 Въ сердцѣ однако у нихъ на него при-
 смирѣла досада.
 Волю его исполняя, Эвмей, черезъ залу
 прошедши,
 Лукъ и колчанъ со стрѣлами вручилъ
 Одиссею; потомъ онъ,
 380 Кланувъ усердную пѣню его Эвриклею,
 сказалъ ей:

Слушай, тебѣ повелѣлъ Телемакъ, чтобъ
 рабыни немедля
 Заперли въ жескія горницы двери на
 ключъ, и чтобъ, если
 Шумъ нѣтъ степенъ въ столовой послы-
 шится имъ, не смѣла
 Тронуться съ мѣста пѣзъ нихъ ни одна,
 чтобъ спокойно сидѣли
 385 Всѣ, ни о чемъ не заботясь и дѣломъ
 своимъ занимаюсь.
 Кончилъ. Не мимо ушей Эвриклеи его
 пролетѣло
 Слово. Всѣ двери тѣхъ горницъ, гдѣ жи-
 ли служанки, замкнула
 Тотчасъ она; а Филотій, покинувъ украд-
 кою залу,
 Вышелъ на дворъ, обнесенный оградой,
 и занеръ ворота;
 390 Былъ тамъ въ сѣняхъ корабельный
 пеньковый канатъ; имъ связалъ онъ
 Крѣпко затворъ у воротъ и, въ столовую
 сную вступивши,
 Сѣлъ тамъ опять на оставленной имъ
 за минуту скамейкѣ,
 Очи вперивъ въ Одиссея, который, въ
 рукахъ обращая
 Лукъ свой туда и сюда, осторожно раз-
 сматривалъ, цѣлы ль
 395 Рогъ и не было ль что безъ него въ
 нихъ попорчено червемъ.
 Глядя другъ на друга, такъ женихи межъ
 собой разеуждали:
 Видно знатокъ онъ, и съ лукомъ при-
 выкъ обходиться; быть можетъ,
 Луки работаетъ самъ, и, имѣя ужъ лукъ,
 началъ имъ
 Дома, намѣрень его по образчику этого
 сладить;
 400 Видите ль, какъ онъ, бродяга негодный,
 его разбираетъ?
 Но — отвѣчали другіе насмѣшливо пер-
 вымъ — удастся
 Опытъ ужъ вѣрно ему! и всегда пусть
 такую жъ удачу
 Встрѣтитъ во всемъ онъ, какъ здѣсь, съ
 Одиссеевымъ сладивши лукомъ.
 Такъ женихи говорили, а онъ, испол-
 ненный страшныхъ

405 Мыслей, великій осматриваѣть лукъ.
 Какъ пѣвецъ, пріобыкшій
 Цитрою звонкой владѣть, начинать пѣсло-
 пѣнье готоваясь,
 Строить се, и уиругія струны на ней,
 изъ овечьихъ
 Свитыя топкотающихъ кишекъ, безъ
 труда напрягасть—
 Такъ безъ труда во мгновение лукъ не
 покорный напрягъ онъ.
 410 Крѣпкую правой рукою тетиву потянув-
 ши, онъ ею
 Щелкнулъ: она провизжала, какъ лас-
 точка звонкая въ небѣ.
 Дрогнуло сердце въ груди жениховъ, и
 въ лицѣ измѣнились
 Всѣ—тутъ ужасно Зевесъ загремѣлъ съ
 вышины, подавая
 Знакъ; и живое веселіе въ грудь Одне-
 сея проникло:
 415 Въ громъ Зевесовомъ онъ предвѣщанье
 благое услышалъ.
 Быструю взялъ онъ стрѣлу, на стоѣтъ
 отъ него недалеко
 Вольно лежавшую; прочія жъ заперты
 въ тѣсномъ колчанѣ
 Были — по скоро ихъ шумъ женихамъ
 надлежало услышать.
 Къ луку притиснувъ стрѣлу, тетиву онъ
 концомъ опереннымъ,
 420 Сидя на мѣстѣ своемъ, натянулъ и, при-
 цѣляся, въ кольца
 Выстрѣлилъ—быстро отъ перваго всѣ до
 послѣдняго кольца,
 Ихъ не задѣвъ, пронизала стрѣла, за-
 эщренная мѣдью.
 Тутъ обратясь къ Телемаку, воскликнуть
 стрѣлецъ богоравный:
 Видишь, что гость твой тебѣ, Телемакъ,
 не нанесъ посярмленья.
 425 Въ цѣль я попалъ; да и лукъ натянуть
 Одиссеевъ не много
 Было труда мнѣ. Еще не совсѣмъ я, ски-
 таясь, утратилъ
 Силы, хотя женихи и ругаются мной
 безпощадно.
 Должно однако, покуда свѣтло, угощенье
 нное

Имъ приготовить; и пѣние съ звонкою
 цитрой, душою
 430 Пира, на новый, теперь имъ приличнѣй-
 шій, ладъ перестроить.
 Такъ онъ сказалъ и бровями повелъ.
 Телемакъ богоравный
 Попялъ условленный знакъ; онъ немедля
 своей мечъ опоясалъ,
 Въ руки схватилъ боевое конье и за
 стуломъ отцовымъ
 Сталь, ко всему изготовясь, оружіемъ
 мѣднымъ блестящій.

О Д И С С Е Я .

пѣснь двадцать вторая.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ПѢСНИ.

Тридцать девятый день.

Одиссей убиваетъ Антиною, открывается женихамъ и отвергаетъ мирное предложеніе Эвримаха. Телемакъ приноситъ сверху оружія; онъ забываетъ затворить дверь, и въ нее входитъ Мелантія, который снабжаетъ оружіями жениховъ; но схваченъ потомъ Эвмеемъ и Филотеемъ; они запраютъ его связаннаго наверху. Явленіе Аопны, сперва въ видѣ Ментора, потомъ въ видѣ ласточки; она приводитъ въ разстройство чувства жениховъ. Всѣ они, кромѣ глашатая Медонта и пѣвца Фемія, умерщвлены. Одиссей повелѣваетъ вынести труны изъ столовой. Казнь рабыни и Мелантія. Одиссей посылаетъ Эвриклею позвать Пенелопу.

Рубище сбросивъ посябно съ себя, Одне-
 сей хитроумный
 Црянулъ, держа свой колчанъ со стрѣ-
 ламъ и лукъ, на высокій
 Двери порогъ; изъ колчана онъ острыя
 высыпалъ стрѣлы
 На полъ у ногъ, и потомъ, къ жени-
 хамъ обратясь, воскликнулъ:
 5 Этотъ мнѣ опытъ, друзья жениховъ, уда-
 лося окончить;
 Новую цѣль я, въ какую никто не стрѣ-
 лялъ до сего дня,
 Выбралъ теперь; и въ нее угодить Апол-
 лонъ мнѣ поможетъ.
 Такъ говоря, онъ прицѣлился горькой
 стрѣлой въ Антиною:

- Взявъ со стола золотую съ двумя руко-
ятыми чашу,
- ¹⁰ Пить изъ нея Антиной ужъ готовъ былъ
вино беззаботно
Полную чашу къ устамя поднеслъ онъ;
и мысли о смерти
Не было въ немъ. И никто изъ гостей
многочисленныхъ пира
Вздумать не могъ, чтобы одинъ человекъ
на толпу ихъ замыслилъ
Дерзко ударить и разомъ предать ихъ
губительной Керѣ.
- ¹⁵ Выстрѣлилъ, грудью подавшій вперёдъ,
Одиссей, и прозвизала
Горло стрѣла; остріе смертоносное вышло
въ затылокъ;
На бокъ упалъ Антиной; покатилася по
полу чаша,
Вынавъ изъ рукъ; и горячимъ ключомъ
изъ ноздрей засвистала
Черная кровь; забрыкавши ногами, толк-
нулъ отъ себя онъ
- ²⁰ Столъ и его опрокинулъ; вся пища (го-
рячее мясо,
Хлѣбъ и другое), смѣшавшись, свалили-
ся на полъ. Ужасный
Подняли крикъ женихи, Антиной узрѣвъ
умерщвленнымъ.
Всего толпою со ступель въскочили они
и, глазами
Бѣгая вкругъ по стѣнамъ обнаженнымъ,
искали оружія—
- ²⁵ Не было тамъ ни щита, ни конья, за-
опренного мѣдью.
Гибыми начали всё упрекать Одиссея
словами:
Выстрѣлъ твой будетъ бѣдою тебѣ,
чужеземецъ; послѣдній
Сдѣлать ты выстрѣлъ теперь; ты по-
гибъ неизбежно; убилъ ты
Мужа, изъ всѣхъ, обитающихъ въ волно-
объятой Итакѣ,
- ³⁰ Самаго знатнаго; будешь за то ястребами
расклеванъ.
Мнили они, что случайно стрѣлою чуже-
земца товарищъ
Ихъ умерщвленъ былъ. Безумцы! они въ
слѣпотѣ не видали
- Сѣти, которою близкая всёхъ ихъ опу-
тала гибель.
Мрачно взглянувъ изъ подлбья, сказалъ
Одиссей богоравный:
³⁵ А! вл, собаки! вамъ чудилось всёми, что
домой ужъ изъ Трои
Я не приду никогда, что вольны безпо-
щадно вы грабить
Домъ мой, насильствуя гнусно моихъ въ
цѣмъ служанокъ, тревожа
Душу моею благородной жены сватов-
ствомъ несправедливымъ,
Правду святую боговъ позабывъ, не стра-
шася ни гнѣва
- ⁴⁰ Ихъ, ни отъ смертныхъ людей за дѣла
беззаконныя мести!
Въ сѣти неизбежной погибли всё нако-
пецъ вы попали.
Такъ онъ сказалъ имъ, и были всё ужа-
сомъ схвачены блѣднымъ;
Всѣ, озираясь, глазами искали дороги
для бѣгства.
Тутъ Эвримахъ, сынъ Полибевъ, бро-
силъ крылатое слово:
- ⁴⁵ Если ты подлинно царь Одиссей, возвра-
тившійся въ домъ свой,
Праведны всё обвиненія твои. Беззакон-
наго много
Въ домѣ твоёмъ и въ твоихъ областяхъ
совершилось; но здѣсь опъ,
Главный виновникъ всего, Антиной, по-
раженный тобою,
Мертвый лежитъ. Онъ одинъ, зломысле-
ній всегдашній зачинщикъ,
- ⁵⁰ Насъ поджигалъ: не о бракѣ одномъ опъ
съ твоей Пенелопой
Думалъ; шное, чего не позволилъ Кро-
ніонъ, таилось
Въ сердцѣ его: похищеніе власти царя;
Телемака,
Власти державной наслѣдника, смерти
предать замышлялъ опъ.
Нынѣ судьбой опъ постигнутъ; а ты,
Одиссей, пощади насъ
- ⁵⁵ Поданныхъ; послѣ назначишь намъ цѣ-
пу, какую захочешь
Самъ, за вино, за блу и за вес, что негра-
чено намъ;

То, что здѣсь стоять откормленныхъ двадцать быковъ, дастъ охотно Мѣдью и золотомъ каждый изъ насъ, чтобъ склонить на пошаду Гибъ твою; теперь же твой нраведенъ гибъ; на него мы не рошдемъ.

60 Мрачно взглянувъ изъ подлбья, сказалъ Одисей благородный: Пѣть, Эвримахъ—и хотя бы вы съ вашимъ снономъ все богатства Вашихъ отцовъ принесли мнѣ, прибави къ нимъ много чужого— Рукъ мои васъ губить не уймется до тѣхъ поръ, покуда Кровію вашей обиды моей дочиста не омою.

65 Выборъ теперь вамъ одинъ: или со мной, защищаяся, бѣгете, Или бѣгите отсюда, спасаясь отъ Керъ и отъ смерти— Знайте однако, что Керы васъ веѣхъ на пути переловятъ. Такъ говорилъ онъ, у нихъ задрожали колѣна и сердца. Тутъ Эвримахъ, обратясь къ женихамъ уstraшеннымъ, воскликнулъ:

70 Этотъ свирѣпый безжалостныхъ рукъ не уйметъ, завладѣвши Лукомъ могучимъ и полнымъ стрѣлами колчаномъ; до тѣхъ поръ Будетъ съ порога высокога стрѣлы пускать онъ, покуда Веѣхъ не положить насъ мертвыхъ. Друзья, не дадимся жъ безъ боя Въ руки ему; обнажите мечи, и столами закройте

75 Противъ палата убійственныхъ стрѣлъ; всей толпою наперши, Можемъ мы, сбивши съ порога его и изъ притолокъ двери Вытѣснивъ, выбѣжать изъ дома, броситься въ городъ, и въ помощь Скликать людей; разстрѣляетъ онъ скоро ужасныя стрѣлы. Такъ онъ сказавъ, изъ ноженъ, ободрившійся, выхватилъ мечъ своей,

80 Мѣдный, съ обѣихъ сторонъ заостренный, и съ крикомъ ужаснымъ

Прянулъ впередъ. Но на встрѣчу ему Одисей богоравный Выстрѣлилъ; грудь близъ соца проколола и, въ печенъ вонзившись, Крѣпко засѣла въ ней злая стрѣла. Изъ руки ослабѣвшей Вырвали мечъ онъ, за столь удѣниться хотѣль, и споткнувшись

85 Вытѣтъ упалъ со столомъ; вся ѣда со стола и двудопный Кубокъ свалился наземъ; онъ объ полъ стучалъ головою, Болью проникнутый; поги отъ судорогъ бился; ударомъ Пятокъ онъ стулъ опрокинулъ; его наконецъ потемнѣли Очи. Тогда Апфиномъ благородный, вкочивъ, устремился

90 Въ бой; уповая, что противъ него Одисей не замедлитъ Выдти, сошедши съ порога, свой мечъ обнажилъ онъ; по сзади Бросилъ конь Телемакъ, заостренное мѣдью; вонзилось Между плечами и грудь прокололо оно; застоявши, Треснулся объ полъ лицомъ Апфиномъ. Телемакъ же проворно

95 Прочь отскочилъ; онъ коня не хотѣль изъ убитаго вырвать, Сердцемъ тревожась, чтобъ, въ это мгновеніе, съ боку папавши, Кто изъ ахейскъ его, занятаго коня пероторажимъ, Острымъ мечомъ не пронзилъ неожиданно; свой совершивши Смертный ударъ, подъ защиту отца перепѣшилъ онъ укрыться.

100 Близко къ нему подбѣжавши, онъ бросилъ крылатое слово: Щить, два копья мѣдноострыхъ, родитель, и крѣпкій изъ твердой Мѣди, къ твоей головѣ принесослабленный шлемъ принесу я; Самъ же надѣну и латы; Эмею съ Филотимомъ вѣрными

Также надѣтъ ихъ велю; безопаснѣе въ латахъ намъ будетъ.

105 Кончили. Ему отвѣчая, сказали Одиссей
хитроумный:
Дѣльно! бѣги и, пока не истратилъ я
стрѣлъ, возвратися;
Иначе буду, оставшись одинъ, отѣшенъ
отъ защитныхъ
Критонокъ. Такъ онъ сказалъ; Телемакъ
все исполнилъ поспѣшно:
Бросяся въ ту верхнюю горницу, гдѣ на-
ходились досѣхи,
110 Взялъ тамъ четыре щита онъ, четыре
съ густыми хвостами
Конскими шлема и восемь блестящей
огованныхъ мѣдью
Коній; и съ пошею своей онъ къ отцу
возвратился немедля;
Прежде однако падѣлъ на себя мѣдно-
литныя латы;
Мѣдными латами также облекшись, Эв-
мей и Филотій
115 Стали съ боковъ Одиссея, глубокою пол-
наго думой.
Онъ же, покуда еще оставались перна-
тыя стрѣлы,
Каждой стрѣлой въ одного изъ враговъ
попадалъ, не давая
Промаха; другъ подлѣ друга валяся, они
пздыхали.
Но послѣднокъ, когда истощилися стрѣ-
лы, великій
120 Лукъ Одиссей опустилъ, не имѣя въ
немъ болѣе нужды,
Къ притонѣ свѣтлой его прилонилъ и
стоять тамъ оставилъ.
Четверокожнмъ щитомъ облачивши пле-
ча, на могучей
Онъ головѣ укрѣпилъ мѣднокованный
шлемъ, освѣщенный
Конскимъ хвостомъ, подымавшимся страш-
но на гребнѣ, и въ руку
125 Взялъ два коня боевыхъ, заощренныхъ
смертельною мѣдью.
Тамъ недалеко отъ главныхъ дверей на-
ходилася другая
Тайная дверь; отъ высокаго залы про-
странной порога
Тѣсный былъ этою дверью на улицу вы-
ходъ изъ дома;

Доступъ желая къ нему загородить, Одис-
сей свинопасу
130 Стать приказалъ передъ дверью, чѣмъ
всякій исходъ былъ отрубзавъ.
Тутъ Агелай, къ женихамъ обратясь, имъ
крылатое слово
Бросилъ: друзья, не удастся ль кому по-
таенною дверью
Выбѣжать, крикнуть тревогу и намъ по-
скорѣе на помощь
Вызвать людей? Ужъ свои разстрѣлялъ
онъ послѣднія стрѣлы.
135 Кончили. Мелантій, на то возражая, ска-
залъ Агелая:
Ибтъ, Агелай благородный, нельзя; по-
таенныя двери
Слишкомъ у нихъ на виду, да и вы-
ходъ такъ тѣсенъ, что цѣлой
Можетъ толпѣ загородить тамъ дорогу
однѣмъ небезсильный.
Но погодите, оружіе вамъ я найти не
замедлю;
140 Горницу знаю, въ которой досѣхи, изъ
этой палаты
Взятыя, кучею складъ Одиссей, помогае-
мый сыпомъ.
Такъ Агелая сказавъ, злоковарный Ме-
лантій обходомъ
Въ горницу тайно прокрася, гдѣ скла-
дены были досѣхи.
Вынесъ оттуда двѣнадцать великихъ щит-
товъ онъ, двѣнадцать
145 Коній и столько же мѣдныхъ хвостами
украшенныхъ шлемовъ.
Съ ними назадъ возвратясь, женихамъ
ихъ поспѣшно онъ роздалъ.
Въ ужасъ пришелъ Одиссей, задрожали
колѣна, когда онъ,
Вдругъ оглянувшись, увидѣлъ ихъ въ
шлемахъ, съ щитами, тѣсущихъ
Длинными копытами; гибель ему неизбеж-
ной явилась.
150 Къ сыну тогда обратившись, онъ бросилъ
крылатое слово:
Вѣрно какая изъ нашихъ рабынь, Теле-
макъ, измѣнивши
Намъ, помогаетъ противникамъ нашимъ,
иль хитрый Мелантій?

Робко на то отвѣчалъ разсудительный
сынъ Одиссеевъ:
Горе! мое небреженіе причиною всему; я
виновникъ
155 Этой бѣды—заспѣшивъ, позабылъ ору-
жейной палаты
Дверь запереть; и лазутчикъ, хитрѣе меня,
побывалъ тамъ.
Слушай, мой честный Эвмей, побѣги ты
туда и за дверью
Стань тамъ и жди; кто придетъ, ты уви-
дишь: служанка ль какая,
Или Мелантій? Я самъ на него подозрѣнье
имѣю.
160 Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя
тайно.
Тою порой за оружіемъ хитрый Мелантій
собрался
Снова прокрасться на верхъ. То примѣтивъ,
Эвмей богоравный
На ухо такъ прошептала Одиссею, стояв-
шему близко:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Одис-
сей благородный,
165 Вотъ онъ предатель; его угадалъ я; онъ
крадется, видишь,
Снова туда за оружіемъ; что, государь,
повелишь мнѣ
Сдѣлать? Убить ли крамольника, если
удастся съ нимъ сладить?
Или насильно сюда притащить, чтобъ
надъ нимъ наказанье
Самъ совершилъ ты за наглое въ домъ
твоимъ поведеніе?
170 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказала Одиссей
хитроумный:
Съ сыномъ моимъ Телемакомъ я здѣсь
женховъ многобуйныхъ
Буду удерживать, сколь бы ни сильно ихъ
бѣшенство было;
Ты жъ и Филотій предателю руки и ноги
загните
На спину; послѣ, скрутивъ на спицѣ ихъ,
его на веревкѣ
175 За руки вздерните вверхъ по столбу и
вверху привяжите
Крѣпкимъ узломъ къ потолочникѣ: двери жъ,
ушедши, замкните;

Въ страшныхъ мученьяхъ пускай тамъ
висеть ни живой онъ ни мертвый.
То повелѣніе царское было исполнено скоро:
Вмѣстѣ пошла свинопасъ и Филотій; под-
кравшися, стали
180 Справа и слѣва они у дверей дожидаться,
чтобъ вышелъ
Онъ къ нимъ изъ горницы, гдѣ женихамъ
во второй разъ доспѣхн
Бралъ. И лишь только Мелантій ступилъ
на порогъ (песъ прекрасный
Гривистый шлемъ онъ одною рукой, а
въ другой находилъ
Старый, широкій, подернутый плѣнію
щитъ, въ молодые
185 Давніе годы герою Лаэрту служившій,
теперь же
Врошенный, вовсе худой, безъ ремней, съ
нерегчившими швами)
Кинулись оба на вора они; въ волосы
уцѣпившися,
На полъ его повалили, кричащаго громко,
и крѣпко
Руки и ноги ему, ихъ съ великою болью
загнувши
190 На спину, сзади скрутили плетенымъ
ремнемъ, какъ велѣлъ имъ
Самъ Лаэртидъ, многохитростный мужъ,
Одиссей благородный.
Вздернувши послѣ веревкою вверхъ по
столбу, привязали
Екъ твердой его потолочникѣ; тамъ и остался
висѣть онъ
Съ злобой насмѣшкой ему тутъ сказали
свинопасъ богоравный
195 Будь здѣсь покуда заботливымъ сторо-
жемъ, честный Мелантій!
Мы для тебя перестлали покойную, видишь,
постелю.
Вѣрно теперь не проешишь златотроиной,
въ туманѣ рожденной
Эсѣ въ ея восхожденіи съ водъ океана,
и въ пору
Козъ на обѣдъ женихамъ многославнымъ
отборныхъ приговнишь.
200 Кончилъ. И, бросивъ его тамъ, висѣщаго
въ страшныхъ мученьяхъ,
Оба съ оружіемъ, дверь за собою затворивъ,
удалились.

Къ мѣсту они подошли, гдѣ стоялъ Одиссей хитроумный.
 Яростью все тамъ кипѣли. Въ дверяхъ на высокомъ порогѣ
 Четверо грозно стояли; другіе толпились въ палатѣ.
 205 Къ первымъ тогда подошла свѣтлокая дочь громовержца,
 Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчью, богиня Аѳина.
 Ей Одиссей, ободрившійся, брелъ крылатое слово:
 Менторъ, сюда! помоги намъ; бывалое дружество вспомни;
 Много добра отъ меня ты имѣлъ, мой возлюбленный сверстникъ.
 210 Такъ говорилъ онъ, а внутренно мыслилъ, что видитъ Аѳину.
 По женихи обратилъ на Ментора всею толпою.
 Первый сказалъ Агелай, сынъ Дамасторовъ: будь остороженъ,
 Менторъ, не слушай его убъжденій, не думай въ сраженіе
 Съ нами вступать, подавая ему безразсудную помощь.
 215 Съ нами одинъ онъ не сладитъ, свое мы возьмемъ; но, когда мы,
 Ихъ пересплвивъ обоихъ, отца уничтожимъ и сына,
 Съ ними тогда умертвимъ и тебя ненавистнаго, если
 Вздумаешь здѣсь къ нимъ пристать; головою заплатишь за дерзость;
 Послѣ жъ, когда уничтожитъ васъ мѣдъ безнащадная, все мы,
 220 Что ни имѣешь ты дома или въ полѣ, возьмемъ и, смѣшавши
 Вмѣстѣ съ добромъ Одиссеевымъ, между собою раздѣлимъ;
 Выгонимъ изъ дому вашихъ дѣтей; сыновьямъ, дочерямъ здѣсь
 Вашимъ не жить; и разстанутся ваши съ Итакою жены.
 Кончилъ онъ. Дерзость его раздражила богиню Аѳину.
 225 Гнѣвными стала она упрекать Одиссея словами:

Ибѣтъ ужъ въ тебѣ, Одиссей, той отваги могучей, съ которой
 Ты за Елену Аргивскую, дочь свѣтлорукую Зевса,
 Девять съ троянами лѣтъ такъ упорно сражался; въ то время
 Много погибло враговъ отъ тебя въ истребительной битвѣ;
 230 Хитрость твоя наконецъ и Пріамовъ разрушила городъ.
 Что жъ? Отчего ты, домой возвратясь, Одиссей, съ женихами
 Такъ нерѣшительно, медленно къ битвѣ теперь пристунаешь?
 Другъ, ободрись; на меня погляди; ты увидишь, какъ смѣю
 Противъ враговъ, на тебя нападающихъ здѣсь зовокупно,
 235 Выступить Менторъ Алкимидъ, тебѣ за добро благодарный.
 Кончивъ, она Одиссею не вдругъ даровала побѣду:
 Водрость царя и разумнаго сына его Телемаха
 Строгому опыту прежде жезла подвергнувъ, богиня
 Вдругъ превратилась, взвилась къ потолку и на черной отъ дыма
 240 Тамъ перекладниѣ легкою, сизою ласточкой съѣла.
 Тою порою Агеласемъ, Дамастора сыномъ отважнымъ,
 Димонтолемъ, Эвриномъ и Инзадръ, сынъ Поликторовъ бодрый,
 Съ Анфимедономъ и умнымъ Политосомъ яростно были
 Въ боѣ подстрекаемы (силою они отличались отъ прочихъ,
 245 Сколько еще ихъ тамъ было живыхъ и спаслись упавшихъ
 Боемъ; другіе же, все умерщвленные, кучей лежали).
 Такъ, обращаясь къ остальнымъ, Агелай благородный воскликнулъ:
 Этотъ свирѣпый, я думаю, скоро отъ боя уймется;
 Менторъ покинулъ его, бесполезно нахваставъ; одинъ онъ

- 250 Съ ними теперь на высокомъ порогѣ
стоитъ беззащитный.
- Разомъ всѣхъ копій своихъ мѣдноострыхъ,
друзья, не бросайте;
- Бросьте сначала вы шесть; и великая
будетъ намъ слава,
- Если его поразимъ неавпетнаго съ по-
мощью Зевса;
- Съ прочими жь сладить нетрудно, лишь
только бѣ сломить Одисея.
- 255 Такъ онъ сказать, и, ему повинувъсь,
пустили другіе
- Разомъ шесть копій; но сдѣлала тиетнымъ
ударъ ихъ Аонна:
- Вкось полетѣвши, глубоко вонзилось въ
притолку гладкой
- Двери одно; а другое въ одну изъ двер-
ныхъ половинокъ
- Втиснулось; третье воткнулось въ досча-
тую стѣну; когда же
- 260 Всѣхъ, женихами въ нихъ брошенныхъ
копій они набѣжали,
- Такъ, обратясь къ своимъ, Одиссей хитро-
умный сказалъ имъ:
- Очередь наша теперь; приступите, това-
рищи, къ дѣлу,
- Коня нацѣлите и бросьте въ толпу же-
ниховъ, уничтожить
- Насъ замышляющихъ, прежде столь много
обидъ намъ нанесли.
- 265 Такъ онъ сказать. И, прицѣлясь, они
мѣдноострыя конья
- Кинули разомъ; и Демонтолема сразили
многосильный
- Самъ Одиссей, Телемакъ Эвриада, Филотій
Изаидра,
- Старый Эвмей свинопасъ поразилъ Эла-
тона; и разомъ
- Всѣ повалились они, съ скрежетаніемъ
стиснувши зубы.
- 270 Прочіе, къ дальней стѣнѣ отбѣжавши
толпой и поспѣшно
- Вырвавъ изъ труповъ кровавыхъ возне-
ния въ пѣдра ихъ конья,
- Снова ихъ разомъ въ противниковъ, мѣтко
прицѣлясь, пустили;
- Снова Аонна могучая сдѣлала тиетнымъ
ударъ ихъ.
- Вкось полетѣвши, глубоко вонзилось въ
притолку гладкой
- 275 Двери одно; а другое въ одну изъ двер-
ныхъ половинокъ
- Втиснулось; третье воткнулось въ досча-
тую стѣну. Однако
- Анфимедонъ Телемака поранилъ, въ руч-
ную понавши
- Кисть: пролетая, конь остріемъ оцара-
пило кожу.
- Тронулъ плечо надъ щитомъ у Эвмея
Ктезиннъ длинноострой
- 280 Мѣдью; конь же, надъ нимъ прокумѣвъ,
водрузилось въ землю.
- Стоя съ боковъ Одиссея, ужасною полною
думой,
- Снова они въ жениховъ неизбѣжныя бро-
сили конья.
- Эвридаманта сразилъ Одиссей, городовъ
сокрушитель;
- Амфидамантъ былъ произсепъ Телемакомъ,
Полибъ свинопасомъ;
- 285 Мѣтко нацѣливъ копьемъ мѣдноострымъ,
Филотій Ктезинну
- Грудь проседалъ; и, удачнымъ ударомъ
хвально, онъ воскликнулъ:
- Сынъ Полносердовъ, лихой на обидныя
рѣчи, теперь ты
- Дерзкій языкъ свой уймешь отъ руга-
тельствъ нахальныхъ; предайся
- Въ волю боговъ; имъ однимъ подобаетъ
и слава и сила.
- 290 Я же тебя отдалилъ здѣсь за ногу ко-
ровью, которой
- Такъ благосклонно поотчивалъ ты Одиссея
бродягу.
- Такъ говорилъ криворогихъ быковъ сто-
рожитель Филотій.
- Тою порой умерщвленъ былъ Дамасторовъ
сынъ Одиссеемъ,
- Сынъ Леокритовъ, молодой Эйвеноръ былъ
убить Телемакомъ:
- 295 Острою мѣдью въ животъ пораженный,
лицомъ онъ, со всѣхъ ногъ
- Грянувшись, объ полъ ударился, жалобно
охнулъ и умеръ.
- Тутъ съ потолка наклонила надъ ихъ
головами Паллада

- Странную людямъ эгиду: и ужасъ раз-
строилъ ихъ чувства.
- Начали бѣгать они, онамѣвъ, какъ коровы,
когда ихъ
- 300 Вешней порою (въ то время, какъ дни
прибывать начинаютъ)
- Густо обсыплютъ на пажити слѣпни сер-
дитые. Тѣ жъ ихъ
- Били, какъ соколы кривоогнетые съ
выпнутымъ клювомъ.
- Съ горъ прилетѣвшіе, бьютъ испугав-
шихся птицъ—и густыми
- Стаями съ неба на землю, спасаясь, бро-
саются птицы:
- 305 Соколы жъ гонятъ ихъ, ловятъ когтями,
и нѣтъ имъ пощады,
- Запертъ и путь для спасенья, и травлю
тѣшатся люди;
- Такъ жениховъ (разогнавъ ихъ по горницѣ)
справа и слѣва,
- Какъ ни понало, они убивали; поднялся
ужасный
- Крикъ; былъ разбрызганъ ихъ мозгъ, былъ
дымящейся кровью ихъ залитъ
- 310 Полъ. Къ Одиссею тогда подбѣжалъ Агодей
и колѣна
- Обнялъ его и, трепещущій, бросилъ кры-
латое слово:
- Ноги цѣлую твои, Одиссей; пощади и
помилуй.
- Въ домѣ твоемъ ни одной изъ рабынь,
въ немъ живущихъ, ни словомъ
- Я не обидѣлъ, ни въ дѣло не ввелъ не-
престойное; самъ я
- 315 Многихъ напротивъ удерживать здѣсь
отъ постыдныхъ посянковъ
- Тщился напрасно! отъ зла не отвелъ я
ихъ рукъ святотатныхъ;
- Страшную участью все неизбѣжно посты-
гнуты нынѣ.
- Я же, ихъ жертвогатель, ни въ чемъ
пеновинный, ужели
- Лягу здѣсь мертвый? Такое ли добрымъ
дѣламъ воздаянье?
- 320 Мрачно взглянувъ изъ поддѣбья, сказалъ
Одиссей богоравный:
- Если ты поединно жертвогателемъ былъ
между нами,
- То безъ сомнѣнія часто въ жилищѣ моемъ
ты молился
- Дню, чтобъ мнѣ возвратиться домой за-
претилъ, чтобъ съ тобою
- Въ домѣ твой моя удаллась жена и чтобъ
съ нею дѣтей ты
- 325 Прижилъ—за это теперь и людей ужа-
сающей смерти
- Ты не избѣгнешь. Сказалъ. И, могучей
рукою схвативши
- Мечъ, изъ руки Агелая въ минуту сто-
умерщивлеши
- Выпавшій, имъ онъ молящаго сильно
ударилъ по шеѣ;
- Крикнулъ онъ—въ крикъ неоконченномъ
съ плечъ голова покатилась.
- 330 Но отъ губительной Керы избѣгнулъ
сынъ Терсіевъ, славный
- Пѣснями Фемій, всегда жениховъ на ира-
рахъ веселившій
- Пѣньемъ; съ своею онъ цитрой въ рукахъ
къ потасиной прижавшись
- Двери, стоялъ тамъ, колеблясь разсуд-
комъ, не зная, что выбрать,
- Выйти ли въ дверь и сидѣть на дворѣ,
обнимая великій
- 335 Зевсовъ алтарь, охраняющій домъ, на
которомъ такъ часто
- Жирныя бедра быковъ сожигалъ Одиссей
многославный;
- Или къ колѣнямъ его съ умоляющимъ
бросится крикомъ?
- Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ, что по-
лезитъ будетъ,
- Ставъ на колѣна, Лаэртова сына молить
о пощадѣ.
- 340 Цитру свою положивъ звонкострунную
бережно на полъ
- Между кратерой и стуломъ серебряно-
гвозднымъ, поспѣшно
- Къ сыну Лаэртову дивный отвѣтъ под-
бѣжалъ и колѣна
- Обнялъ его и, трепещущій, бросилъ кры-
латое слово:
- Ноги цѣлую твои, Одиссей; пощади и
помилуй.
- 345 Самъ сожалѣть ты и сѣтовать будешь,
когда ищеповѣвца,

Сладко безмернымъ и смертнымъ пою-
щаго, смерти предашь здѣсь;
Пѣню самъ я себя научилъ; вдохнове-
ніемъ боги
Душу согрѣли мою; и тебя, Одиссей, я,
какъ бога,
Буду гармоніей струнъ веселить. Не губи
пѣснопѣвца.
350 Будеть свидѣтелемъ мнѣ и возлюблен-
ный сынъ твой, что волей
Въ домъ вапъ входитъ никогда я не
мыслилъ, что самъ не просился
Пѣснями здѣсь на пиру забавлять жени-
ховъ, что напротивъ
Силой сюда приводимъ былъ и пѣлъ
здѣсь всегда принужденно.
Такъ онъ сказавъ, возбудилъ Телемакову
силу святую.
355 Громко отцу закричалъ Телемакъ, нахо-
дившійся близко:
Стей! не губи неповиннаго яростной мѣдью,
родитель.
Съ нимъ и къ Медонту глашатаю благо-
стешъ будь: обо мнѣ онъ
Въ дѣтствѣ моемъ неуслынно имѣлъ по-
печенье. Но гдѣ онъ,
Честный Медонтъ? Не убили ль его сви-
нопасъ или Филотій?
360 Или онъ самъ злополучный попалъ подъ
ударъ твой смертельный?
Такъ говорилъ Телемакъ; и дошло до
Медонта благое
Слово; дугою согнувшись, подъ стуломъ
лежалъ онъ, коровей,
Только что содранной кожей покрытый,
чтобъ Керы избѣгнуть.
Выскочилъ онъ изъ-подъ стула и, сбро-
сивши кожу коровью
365 Съ плечъ, подбѣжалъ къ Телемаку и,
ноги его обхвативши,
Сталъ цѣловать ихъ и въ трепетъ бро-
силъ крылатое слово:
Здѣсь я, душа Телемакъ; заступись за
меня, чтобъ отецъ твой
Грозногучій на мнѣ не отпустилъ без-
пощадно мѣдью
Злымъ женихамъ, столь давно, столь на-
хально его достоянье

370 Грабнвшимъ здѣсь, и тебя самого оскор-
блвшимъ безумно.
Мрачно взглянувъ пзъ подлобья, сказалъ
Одиссей богоравный:
Будь благодаренъ ему; онъ тебя сохра-
нилъ, чтобъ отнынѣ
Вѣдалъ и самъ ты и людямъ другимъ
говорилъ въ поученье,
Сколь здѣсь благія дѣла намъ спаситель-
нѣй дѣлъ беззаконныхъ;
375 Слушай теперь: изъ палаты, убитомъ
напопеленной, выведь,
Сядь на дворѣ у воротъ съ пѣснопѣ-
вцемъ, властителемъ слова;
Я же остануся въ домѣ и все здѣсь
устрою, что нужно.
Такъ онъ сказалъ; и Медонтъ съ пѣсоп-
пѣвцемъ, изъ горницы вышедъ,
Оба вблизи алтаря, посвященнаго Зевсу
владыкѣ,
380 Сѣли; но все озирались кругомъ, она-
саясь убійства.
Очи водилъ вокругъ себя Одиссей, чтобъ
узпать, не остался ль
Кто необитый, случайно избѣгшій могу-
щества Керы?
Мертвые всѣ, онъ увидѣлъ, въ крови и
въ пыли неподвижно
Кучей лежали они на полу тамъ, какъ
рыбы, которыхъ—
385 На берегъ вытащивъ ихъ изъ глубоко-
зеленаго моря
Неводомъ мелконетастымъ—рыбакъ вы-
сынаетъ на землю;
Тамъ на песокъ раскаленномъ ихъ, влаги
соленой лишениныхъ,
Геліосъ пламенный душилъ, и всѣ до
одной умираютъ.
Мертвые такъ тамъ одни на другомъ
неподвижно лежали.
390 Къ сыну сперва обратился, сказалъ Одис-
сей хитроумный:
Долженъ теперь, Телемакъ, ты сюда при-
гласятъ Эвриклею;
Нужное слово желаю я молвить разум-
ной старушкѣ.
Такъ говорилъ Одиссей. Телемакъ, пови-
нуясь, отвергъ

- Двери, позвалъ Эвриклею и такъ ей
сказалъ: Эвриклея,
395 Добрая няня моя, такъ давно за рабы-
нями въ домъ
Нашемъ смотрящая, все сохраняя усердно
въ порядкѣ,
Кличеть отецъ, говорить онъ съ тобою
намъ ренъ; поди къ намъ.
Кончить. Не мимо ушей Эвриклеи его
пролетѣло
Слово. И, двери отперши тѣхъ горницъ,
гдѣ жили служанки,
400 Вышла она; и старушку повелъ Телемакъ къ Одиссею.
Взорамъ ея Одиссей посреди умерщвлен-
ныхъ явился,
Потомъ и кровью покрытый; подобился
льву онъ, который,
Съѣвши быка, подымается, сытый, и
тихо изъ стада—
Грива въ крови и вся страшная пасть,
обогрѣнная кровью—
405 Въ легъ свой идетъ, наводя на людей
неописанный ужасъ.
Кровию такъ Одиссей съ головы былъ
до ногъ весь обрызганъ.
Труны увидя и крови пролитой ручьи,
Эвриклея
Громко хотѣла воскликнуть, чудяся толь
великому дѣлу;
Но Одиссей повелѣлъ ей себя воздержать
отъ восторга;
410 Голосъ потомъ свой возвысивъ, онъ бро-
силъ крылатое слово:
Радуйся сердцемъ, старушка, но тихо,
безъ всякаго крика;
Радостный крикъ подымать несправдливо
при видѣ убитыхъ.
Діевъ ихъ судъ поразилъ; отъ своихъ
беззаконій погнѣбли;
Правда была имъ чужда, никого изъ
людей земнородныхъ,
415 Знатный ли, низкій ли былъ олъ, ува-
жить они не хотѣли.
Страшная участь ихъ всѣхъ наконецъ
злополучныхъ постигла.
Ты же теперь назови мнѣ рабынь, здѣсь
живущихъ, дабы я
- Могъ отличить развращенныхъ отъ чест-
ныхъ и вѣрныхъ межъ ними.
Такъ онъ сказалъ. Эвриклея старушка
ему отвѣчала:
420 Все я, мой сынъ, объявлю, ничего отъ
тебя не скрывая;
Въ домъ теперь нятдесять мы имѣемъ
служанокъ работницъ,
Разнаго возраста; заняты всѣ руководъаемъ
домашнимъ;
Дергаютъ волну; и каждая въ домъ свою
отправляетъ
Службу. Двѣнадцать изъ нихъ, пове-
денъемъ развратныхъ, не только
425 Противъ меня, но и противъ париды
невѣжливы были.
Сынъ твой въ хозяйство вступилъ; но
разумно ему Писелона
Въ дѣло служанокъ мѣнаться до сихъ
поръ еще запрещалъ.
Я же наверхъ побѣгу объявить ей вели-
кую нашу
Радость: она почиваетъ; знать, боги ей
сонъ являли.
430 Такъ, возражая, сказалъ Одиссей хитро-
умный старушкѣ:
Нѣтъ! не буди, Эвриклея, жены; при-
кажи, чтобъ рабыни—
Тѣ, на которыхъ ты мнѣ дозвела—здѣсь
исмедля явились.
Такъ говорилъ Одиссей, и поспѣшно по-
шла Эвриклея
Кликнуть рабынь и велѣтъ имъ идти
къ своему господину.
435 Онъ же, позвавъ Телемака съ Филотиемъ,
съ старымъ Эвмесемъ,
Бросилъ крылатое слово, свою изъявляя
имъ волю:
Труны теперь приберяте; пускай вамъ
помогутъ рабыни
Вынести ихъ, а потомъ всѣ столы, всѣ
богатые стулья
Дочиста здѣсь поздраватю, мокрою вы-
трите губкой.
440 Послеъ жъ, когда приберете совѣмъ пи-
ровую палату,
Всѣхъ поведенъемъ развратныхъ рабынь
изъ нея уведите;

- Тамъ на дворѣ межъ стѣною и житною
    круглою башней
Смерти предайте безпутницъ, мечомъ за-
    коловъ длинноострымъ
Каждую; пусть, осрамивши развратомъ
    мой домъ, наказанье
445 Примуть онъ за союзъ непопулярный
    свой съ женихами.
Такъ говорилъ онъ. Тѣмъ временемъ все
    собралися рабыни,
Жалобно воя; изъ глазъ ихъ катилися
    крупныя слезы.
Начали трупы онъ выносить, и въ стѣ-
    няхъ многозвучныхъ
Царскаго дома, стѣной обведеннаго, блази
    ихъ тѣснымъ
450 Рядомъ, одинъ прилепая къ другому,
    какъ самъ Одиссей имъ
Дѣлать предписывалъ; дѣло жъ не по
    сердцу было рабынямъ.
Вынесли трупы, онъ и столы, и бога-
    тые стулья
Дочиста все поздраватую, мокрую вы-
    терли губкой.
Заступомъ тою порой Телемакъ, свинопасъ
    и Филотій
455 Въ залѣ просторной весь полъ, обгарен-
    ный пролитую кровью,
Выскребли чпето; окрепки же вынесли
    за дверь рабыни.
Залу очистивъ и все приведи тамъ въ
    обычный порядокъ,
Выдти оттуда они осужденнымъ рабы-
    нямъ велѣли,
Собрали ихъ на дворѣ межъ стѣною и
    житною башней
460 Всѣхъ, и въ безвыходномъ заперли
    мѣстѣ, откуда спасенья
Быть не могло никакого. И сынъ Оди-
    сеевъ сказалъ имъ:
Честною смертыю, развратницы, вы уме-
    реть недостойны,
Вы, столь меня и мою благородную мать
    Пенелопу
Здѣсь осрамившия, въ домѣ моемъ съ
    женихами слобившиесъ.
465 Кончивъ, канатъ корабля черноносаго
    взялъ онъ и туго
- Такъ натянулъ, укрѣпивши его на ко-
    лоннахъ подъ сводомъ
Башни, что было погой до земли имъ
    достать невозможно.
Тамъ, какъ дрозды длиннокрылые, или
    какъ голуби, въ стѣнѣ
Цѣлою стася — летя на ночлегъ свой —
    попавшіе (въ тѣсныхъ
470 Петляхъ тренещуть они и ночлегъ имъ
    становится гробомъ),
Все на канатѣ онъ голова съ головою
    повисли;
Петлями шею стянули у каждой; и смерть
    ихъ постигла
Скоро: немного подергавъ ногами, все
    разомъ утихло.
Силою вытащень послѣ на дворѣ козо-
    водъ былъ Мелантій;
475 Мѣдью пенцадною вырвали поздри, обрѣ-
    зали уши,
Руки и ноги отсѣкли ему; и потомъ,
    изрубивши
Въ крохи, его на съѣденіе бросили жад-
    нымъ собакамъ.
Руки и ноги свои, обгаренныя кровью,
    омывши,
Въ домъ возвратились они къ Одиссею.
    Все кончено было.
480 Тутъ Одиссей, обратясь къ Эвриклеѣ,
    сказалъ ей: немедля,
Пляи, огня принеси и подай очиститель-
    ной сѣры;
Залу намъ должно скорѣй окурить. Ты
    потомъ Пенелогѣ
Скажешь, чтобъ сверху сошла и съ со-
    бою рабынь приближенныхъ
Всѣхъ привела. Позови равномѣрно и
    прочихъ служакокъ.
485 Такъ повелѣлъ Одиссей. Эвриклея ему
    отвѣчала:
То, что, дитя, говоришь ты, и я нахожу
    справедливымъ.
Прежде однако тебѣ принесу я опрятное
    платье;
Этихъ нечистыхъ отрешевъ на крѣпкихъ
    плечахъ ты не долженъ
Въ домѣ своемъ многозвонкомъ носить;
    то тебѣ неприлично.

490 Ей возражая, отвѣтствовалъ такъ Одис-
сей многоумный:
Прежде всего мнѣ огня для куренья по-
дай, Эвриклея.
Волю его исполняя, пошла Эвриклея, и
скоро
Съ сѣрой къ нему и съ огнемъ возвра-
тилась; окуривать началъ
Сѣрой столовую онь и широкій, стѣной
обнесенный
495 Дворъ. Эвриклея, прошедъ черезъ свѣт-
лые дома локон,
Стала служанокъ собирать и немедленно
всѣмъ имъ велѣла
Въ залу придти; и немедленно, факелы
взявши, рабыни
Въ залу пришли; обетувавши веселой
толпой Одиссея,
Голову, плечи и руки онь у него дѣ-
ловали.
500 Онь же далъ волю слезамъ; онь рыдалъ
отъ веселья и скорби,
Всѣхъ при свиданіи милыхъ домашнихъ
своихъ узнавая.

О Д И С С Е Я .

пѣсь двадцать третья.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТИ ТРЕТЬЕЙ ПѢСНИ.

*Пѣсь тридцать девятая и утро
сорокового дня.*

Эвриклея приносить радостную вѣсть Пе-
нелопъ, которая идетъ вѣсть съ нею въ
пировую палату. Пенелопа медлитъ узнать
своего супруга. Одиссей, чтобы обмануть
жителей города, учреждаетъ шумную пляску;
омывшись въ купальнѣ, онъ возвращается къ
Пенелопъ, и, сказавъ ей тайну, только имъ
двумъ извѣстную, уничтожаетъ всѣ ея сомнѣ-
нія. Всѣ ложатся спать, Одиссей и Пенелопа
разказываютъ другъ другу свои приключенія.
Съ наступленіемъ утра Одиссей идетъ къ отцу
своему Лаэрту.

Сердцемъ ликуя и радуясь, вверхъ по-
бѣжала старушка
Вѣсть принести госпожѣ, что желанный
супругъ возвратился.
Были отъ радости тверже колѣна ея и
проворнѣй

Ноги. Подкрившися къ снѣщей, старушка
сказала: проенся,
5 Встань, Пенелопа, мое золотое дитя, чтобы
очами
Все то увидѣть, о чемъ ты скорбѣла
душою везднево.
Твой Одиссей возвратился; хоть поздно,
но все наконецъ онь
Съ неми, и всѣхъ многобуйныхъ убилъ
женеховъ, разорванныхъ
Дольъ нашихъ и тратившихъ наши запасы
на зло Телемаку.
10 Доброй старушкѣ разумная такъ Пене-
лопа сказала:
Другъ, Эвриклея, знать боги твой умъ
покутили! Ихъ волей
Самый разумнѣйшій можетъ лишиться
мгновенно разсудка,
Можетъ и слабый умомъ приобрести пе-
сказанную мудрость;
Ими и ты обезумлена; иначе въ здра-
вомъ разсудкѣ
15 Ты бы не стала теперь пасть моею не-
чально ругаться,
Радостью ложной тревожа меня? И зачѣмъ
перевала ты
Сладкій мой сонъ, благодатно усталый
мнѣ затворившій
Очи? Ни разу я такъ не спала съ той
норы, какъ супругъ мой
Моремъ пошелъ къ роковымъ, къ неса-
заннымъ стѣнамъ Пилона.
20 Ивѣтъ, Эвриклея, поди, возвратися туда,
гдѣ была ты.
Если бѣ не ты, а другая изъ нашихъ
домашнихъ служанокъ
Съ вѣстью такой сумасродной пришла
и меня разбудила—
Я бы не ласковымъ словомъ, а брашно
наемъшницѣ заую
Встрѣтила. Старости будь благодарна
своей, Эвриклея.
25 Такъ, возражая, старушка своей госпожѣ
отвѣчала:
Ивѣтъ, не смѣяться пришла, государыня,
я пасть тобою;
Здѣсь Одиссей! настоящую правду, не лозь
я сказала.

- Тотъ чужеземецъ, тотъ нищій, которымъ
всѣ такъ здѣсь ругались—
Онъ Одиссей; Телемакъ о его ужъ давно
возвращеньи
30 Зналъ—но разумно молчалъ объ отцѣ
онъ, который, скрываясь,
Здѣсь женихамъ истребленіе върное въ
мысляхъ готовилъ.
Такъ отвѣчала старушка. Съ постели вско-
чивъ, Пенелопа
Радостно винулась нянѣ на шею въ сле-
захъ несказанныхъ.
Голосъ возвысивъ, она ей крылатое бро-
сило слово:
35 Если ты правду сказала, сердечный мой
другъ, Эвриклея,
Если онъ подлинно въ домъ свой, какъ
ты говоришь, возвратился,
Какъ же одинъ онъ съ такой жепиховъ
многочисленной шайкой
Сладимъ? Они всей толпою всегда соби-
ралися въ домѣ.
Такъ, отвѣчая, разумной царицѣ сказала
старушка:
40 Свѣдать о томъ не могла я; мнѣ только
тамъ слышался тяжкій
Вой убиваемыхъ; въ горнищѣ нашей, за-
бившиися въ уголь,
Всѣ мы сидѣли, на ключъ запершися и
не смѣя промолвить
Слова, покуда твой сынъ Телемакъ изъ
столовой не вышелъ
Кликнуть меня: онъ за мною самимъ Оди-
сеемъ былъ посланъ.
45 Тамъ Одиссей мнѣ явился, межъ мерт-
выми страшно стоящій;
Труны ихъ были одинъ на другомъ на
полу, обогрениомъ
Кровью, набросаны: радостно было его мнѣ
увидѣть.
Потомъ и кровью покрытый, онъ грозному
льву былъ подобенъ.
Труны убитыхъ теперь всѣ лежатъ на
дворѣ за дверями
50 Кучею. Онъ же, забояся домъ окурить
благовоной
Сърой, огонь разложилъ; а меня за тобою
отправилъ.
- Идетъ онъ; пойдѣмъ; наконецъ вамъ обоимъ
пропикнетъ веселые
Душу, которая столько жестокихъ тревогъ
претерпѣла:
Главное, долее мнлаго сердца желанье
свершилось;
55 Живъ онъ, домой невредимъ возвратился
и дома сунругу
Съ сыномъ живыми машель, а враговъ,
истребителей дома,
Въ домъ своемъ истребилъ; и обиды за-
гладило мщенье.
Доброй старушкѣ разумная такъ Пенелопа
сказала:
Другъ, Эвриклея, не радуйся слишкомъ
до времени; всѣмъ намъ
60 Было бы счастьемъ великимъ его воз-
ращенье въ отчизну—
Мнѣ жъ особливо и милому, нами рожден-
ному сыну;
Все я однако тому, что о немъ ты ска-
зала, не върю;
Это не онъ, а одинъ изъ безсмертныхъ
боговъ, раздраженный
Ихъ беззаконнымъ развратомъ и ихъ на-
казавшій злодѣйства.
65 Правда была имъ чужда; никого изъ
людей земнородныхъ—
Значный ли, низкій ли къ нимъ прихо-
дилъ—уважать не хотѣли;
Сами погибель они на себя навлекли; по
сунругъ мой...
Намъ ужъ его не видать; въ отдаленны
плачевномъ погибъ онъ.
Ей Эвриклея разумная такъ, возражая,
сказала:
70 Страшное, дочь моя, слово изъ устъ у
тебя излетѣло.
Онъ, я твержу, возвратился; а ты утвер-
ждаешь, что вѣчно
Онъ не воротится; если же такъ ты упорна
разсудкомъ,
Вѣрный онъ признакъ покажетъ: рубецъ
на колѣнѣ; свирѣлымъ
Вспремъ, ты вѣдаешь, нѣкогда былъ на
охотѣ онъ раненъ;
75 Ноги ему омывая, рубецъ я узнала; объ
этомъ

Тотчас хотѣла сказать и тебѣ; но, за-
жавъ мнѣ рукою
Ротъ, онъ меня, осторожно разумный, при-
нудилъ къ молчанью.
Время однако идти; головой отвѣчаю за
правду;
Если теперь солгала я, меня ты казни
безопасно.
80 Добрая старушкѣ разумная такъ Пене-
лопа сказала:
Трудно тебѣ, Эвриклея, проникнуть, хотя
и великій
Умъ ты имѣешь, бессмертныхъ боговъ
сокровенныя мысл.п.
Къ сыну однако съ тобою готова идти я;
увидѣть
Мертвыхъ хочу и того, кто одинъ вею
толпу истребилъ ихъ.
85 Съ этими словами она по ступенямъ по-
шла, размышляя,
Что ей приличнѣе: издалека съ нимъ го-
ворить, или, приближаясь,
Голову, руки и плечи его цѣловать? Пере-
шедши
Двери высокій порогъ и въ налату всту-
пивъ, Пенелопа
Сѣла тамъ противъ супруга, въ сѣняхъ
огня, у противной
90 Свѣтлой стѣны; на другомъ онъ концѣ
у колонны, потупивъ
Очи, сидѣлъ, ожидал, какое разумная
скажетъ
Слово супруга, его такъ своими глазами
увидя.
Долго въ молчаньи сидѣла она; въ ней
тревожилось сердце;
То, на него неподымая глаза, убѣждалась,
что въ правду
95 Онъ передъ ней; то противное мыслала,
въ рубищѣ жалкомъ
Види его. Телемакъ наконецъ восклик-
нулъ съ досадою:
Милая мать, что съ тобой? Ты въ свосемъ
ли умѣ? Для чего же
Такъ въ отдаленнѣи угрюмо сидишь, не
подходишь, не хочешь
Слова супругу сказать, и его ни о чемъ
не расспросишь?

100 Въ свѣтѣ жены не найдется, способ-
ной съ такою услаской,
Такъ недовѣрчиво встрѣтитъ супруга, ко-
торый, по многихъ
Бѣдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать от-
сутствія лѣтъ возвратился.
Ты же не видишь, не слышишь; ты серд-
цемъ безчувственный камя.
Сыну царица разумная такъ, отвѣчая,
сказала:
105 Сердце, дитя, у меня въ неслезанномъ
волненіи, слова
Я произсечь не могу, пл какой мнѣ во-
просъ не приходитъ
Въ умъ, и въ лицо поглядѣть я не смѣю
ему; но, когда онъ
Подлихо царь Одиссей, возвратившійся
въ домъ свой, мы способъ
Оба имѣемъ надежный другъ другу от-
крыться: свои мы
110 Тайные, людямъ другимъ неизвѣстные,
знаки имѣемъ.
Кончила. Царь Одиссей, постоянный въ
бѣдахъ, улыбнулся;
Къ сыну потомъ обратился, онъ бросилъ
крылатое слово:
Другъ, не тревожь понапрасну ты мать,
и свободную волю
Дай ей меня расспросить. Не замедлитъ
она убѣдиться
115 Въ истинѣ; я же въ изорванномъ ру-
бищѣ; трудно въ такомъ ей
Видѣ меня Одиссеемъ признать и почитать,
какъ прилично.
Нужно однако, размысливъ, рѣшить намъ:
что сдѣлать полезнѣй?
Если когда и одинъ кто убить къмъ бы-
ваетъ, и мало
Близикихъ друзей и родныхъ за убитаго
метить остается—
120 Все, избѣгая бѣды, покидастъ отчизну
убійца.
Мы жъ погубили защитниковъ града, зват-
нѣйшихъ и лучшихъ
Юношей въ цѣлой Итакѣ: объ этомъ
должны мы подумать.
Такъ, отвѣчая, сказалъ разсудительный
сынъ Одиссеевъ:

- Все ты умѣе, родитель, придумаешь самъ;
прославляютъ
- 125 Люди твою повсемѣстно премудрость;
съ тобою сравнитъся
Разумомъ, все говорятъ, ни одинъ земно-
родный не можетъ;
Что повелишь, то и будетъ исполнено;
сколько найдется
Силы во мнѣ, я не робкимъ твоимъ здѣсь
помощникомъ буду.
- Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей
хитроумный:
- 130 Слушай же; вотъ что мнѣ кажется
самымъ удобнымъ и лучшимъ:
Все вы, омывшись, одѣньтесь богато, какъ
будто на праздникъ;
Такъ же одѣться должны и рабыни до-
машнія наши;
Съ звонкою цитрой въ рукахъ пѣснопѣ-
вецъ божественный долженъ
Вестъ хороводъ, управляя шумящею пля-
ской, чтобъ, слыша
135 Струны и пѣніе въ домѣ, сосѣды и
всякой, идущія
Мимо по улицѣ, думать могли, что пѣ-
рують здѣсь свадьбу.
Должно, чтобъ въ городѣ слухъ не про-
палъ о великомъ убійствѣ
Всехъ жениховъ многославныхъ до тѣхъ
поръ, пока не уйдемъ мы
За городъ на поле наше, въ нашъ садъ
илодовитый; тамъ можемъ
140 Все на просторѣ устроить, на помощь
призывая олимпійцевъ.
Кончилъ. Его повелѣніе было исполнено
скоро;
Чисто омывшись, одѣлись богато, какъ
будто на праздникъ
Все; хороводъ учредили рабыни; пѣвецъ
богоравный,
Цитру настроивъ глубокую, въ нихъ про-
будилъ вождельные
145 Сладостныхъ пѣсней и стройноживой
хороводныя пляски.
Домъ весь отъ топанья ногъ ихъ гремялъ
и дрожалъ, и окружность
Вся оглашалася пѣніемъ звучнымъ рабовъ
и служанокъ;
- Всякой, по улицѣ шедшей, музыку и пѣніе
слыша,
Думалъ: рѣшилась свою пировать палосѣ-
докъ царица
150 Свадбу; невѣрная! мужа, избраннаго
сердцемъ, дождалась,
Домъ многославный его сохраняя, она не
хотѣла.
Такъ говорили они, о случившемся въ
домѣ не зная.
Тотъ порой, Одиссея въ купальнѣ омывъ,
Эвринома
Тѣло его благовоннымъ оливнымъ елеемъ
патерла.
155 Легкій надѣлъ онъ хитонъ и богатой
облекся хламидой.
Дочь же великая Зевса его красотой оза-
рпла,
Станомъ во мысла, сдѣлала тѣломъ полифѣй
и густыми
Кольцами кудри, какъ цвѣтъ гяцинта,
ему закрутила.
Такъ, серебро облекая сіяющимъ золотомъ,
мастеръ,
160 Дѣвой Палладой и богомъ Ифестомъ
поставленный въ трудномъ
Дѣлѣ своемъ, чудесами искусства людей
изумляетъ;
Такъ Одиссея украсила дочь свѣтлоокая
Зевса.
Вышедъ изъ бани, лицомъ дучезарный,
какъ богъ, возвратился
Онъ въ пировую налату и сѣлъ на оста-
вленномъ стулѣ
165 Противъ супруги; глаза на нее устре-
мивъ, онъ сказалъ ей:
Ты непонятная! боги, владыки Олимпа,
не женскимъ
Нѣжноуступчивымъ сердцемъ, но жесткимъ
тебя одарили;
Въ свѣтѣ жены не найдется, пелесной
съ такою нелаской,
Такъ недобѣрчиво встрѣтитъ супруга,
который, по многихъ
170 Бѣдствіяхъ, къ ней черезъ двадцать
отсутствія лѣтъ возвратился.
Слушай же, другъ Эвриклея; постель при-
готовь одному мнѣ;

Лягу одинъ я—когда въ ней такое жел-
 лѣзное сердце.
 По Одиссею разумная такъ отвѣчала
 царица:
 Ты непонятный! не думай, чтобъ я вели-
 чалась, гордилась,
 175 Или въ чрезмѣрномъ была изумленіи.
 Живо я помню
 Образъ, какой ты имѣлъ, въ кораблѣ
 покидая Итаку.
 Вели жъ того онъ желаетъ, ему, Эвриклея,
 постелю
 Ты приготовь; но не въ спальнѣ, по-
 строенной имъ; а въ другую
 Горницу выставь большую кровать, на
 нее положивши
 180 Мягкихъ овчинъ, на овчины же по-
 лость съ пирокимъ покровомъ.
 Такъ говорила она, испытанью подверг-
 нуть желая
 Мужа. Съ досадою онъ, обратясь къ Пе-
 пелопѣ, воскликнулъ:
 Сердцу печальное слово теперь ты, царица,
 сказала;
 Кто же изъ спальни ту вынесъ кровать?
 Человеку своею
 185 Силою сдѣлать того невозможно безъ
 помощи свыше;
 Богу конечно легко передвинуть ее на
 другое
 Мѣсто, но между людьми и сильнѣйшій,
 хотя бъ и рычагъ онъ
 Взять, не шатнудъ бы ся; заключалася
 тайна въ устройствѣ
 Этой кровати. И я, не зная кто, своими
 руками
 190 Сдѣлалъ ее. На дворѣ находилася мас-
 лина съ темной
 Сѣнію, многостая, съ большою колонию
 въ объемѣ:
 Маслину ту окружилъ я стѣнами изъ
 тесаныхъ, плотно
 Слаженныхъ камней; и, сводъ на стѣнахъ
 утвердивши высокій,
 Двери двустворныя сбилъ изъ досокъ и
 на петляхъ навѣсилъ;
 195 Послѣ у маслины вѣтви обѣкъ и по
 близости къ корню

Сголь отрубилъ топоромъ, а отрубокъ у
 корня, отвесоду
 Острою мѣдью его по снуру отсѣвалъ,
 основаньемъ
 Сдѣлалъ кровати, его пробуравилъ, и
 скобелью брусья
 Выглядилъ, въ раму связалъ и къ от-
 рубку приладилъ, богато
 200 Золотомъ ихъ, серебромъ и слоновою
 костью украсивъ;
 Раму жъ ремнями изъ кожи воловьей,
 обшивъ ихъ пурпурной
 Тканью, стянулъ. Таковы всѣ примѣты
 кровати. Цѣла ли
 Эта кровать и на прежнемъ ли мѣстѣ,
 не знаю; быть можетъ,
 Спали ее, подлививъ въ основаніи мас-
 личный корень.
 205 Такъ онъ сказалъ. У нея задрожали
 колѣна и сердце.
 Признаки всѣ Одиссеевы ей онъ исчислилъ;
 заплакавъ
 Взрыдъ, поднялась Пенелопа и кинулась
 бѣстро на шею
 Мужу и, милую голову ибжно цѣлуя,
 сказала:
 О! не сердись на меня, Одиссей! межъ
 людьми ты всегда былъ
 210 Самый разумный и добрый. На скорбь
 осудили насъ боги;
 Было богамъ негодно, чтобъ, сладкую
 молодость нашу
 Вмѣстѣ вкусивъ, мы спокойно дошли до
 порога веселой
 Старости. Другъ, не сердись на меня и
 не дѣлай упрековъ
 Миѣ, что не тотчасъ, при видѣ твоемъ,
 я къ тебѣ прилакала;
 215 Милое сердце мое, Одиссей, повергала
 въ великій
 Треть боязнь, чтобъ меня не презрѣли
 здѣв какой иноземный
 Мужъ увлекательнымъ словомъ: у мно-
 гихъ коварное сердце.
 Слуха Елена Аргивская, Зевсова дочь, не
 склонила бъ
 Къ лести пришельца и, съ нимъ не бѣ-
 жала бъ, любви покоряся,

- 220 Въ Трою, когда бы предвидѣть могла,
что ахейсѣ ратью
Придутъ туда и ее возвратятъ прину-
жденно въ отчизну.
Демонъ враждебный Елену вовлекъ въ
непристойный поступокъ;
Собственнымъ сердцемъ она не замы-
слила бѣ гнусаго дѣла,
Страшнаго, всѣхъ насъ въ великое бѣд-
ствіе ввергшаго дѣла.
- 225 Ты мнѣ подробно теперь Одиссей опи-
сала въ примѣты
Нашей кровати — о ней же никто изъ
живущихъ не знаетъ,
Кромѣ тебя и меня и рабыни одной при-
ближенной,
Дочери Актора, данной родителямъ мнѣ
при замужествѣ;
Дверь зановѣданной спальни она стерегла
неусыпно.
- 230 Ты же мою, Одиссей, убѣдиль непре-
клонную душу.
Кончила. Скорбью великой наполнилась
грудь Одиссея.
Плача, приняицуть опъ къ сердцу пещы-
танной, вѣрной супруги.
Въ радость, увидѣвши берегъ, приходятъ
пловцы, на обломкѣ
Судна, разбитаго въ морѣ грозой Поси-
допа, посяси
- 235 Въ шумѣ бунтующихъ возитъ, возды-
маемыхъ силою бурь;
Мало изъ мутносоленой пучины на твердую
землю
Ихъ, утомленныхъ, избѣденныхъ острою
влагой, выходить;
Радостно землю объемлютъ они, избѣжавъ
потопленья.
Такъ веселилась она, возвращеннымъ
любоясь супругомъ,
- 240 Рукъ бѣлопѣжныхъ отъ шеи его ого-
рвать не имѣя
Силы. Въ слезахъ бы могла ихъ застать
златотронная Эосъ,
Если бѣ о томъ не подумала дочь свѣтло-
окая Зевса:
Почъ на предѣлахъ небесъ удержала Аонна;
денищъ жъ
- Златопрестольной изъ водъ океана коней
легконогихъ,
245 Съ нею летающихъ, Лампа и брата
его Фаэтона
(Ихъ въ колесницу свою заложивъ) вы-
водитъ запретна.
Такъ благоправной супругѣ сказалъ Одис-
сей хитроумный:
О Пенелона, еще не конецъ пещытаніямъ
нашимъ;
Много еще впереди предлежитъ мнѣ тру-
довъ песказанныхъ,
250 Много я подвиговъ тяжкихъ еще со-
вершить предначаетъ.
Такъ мнѣ пророка Тирезія тѣнью пред-
сказано было
Иѣкогда въ области темной Анда, куда
исходилъ я
Свѣдать, настанетъ ли мнѣ и сонутни-
камъ день возвращенія.
Время однако идти, Пенелона, на ложе,
чтобъ, въ сладкій
255 Сонъ погрузившись, свои успокоитъ
усталые члены.
Умная такъ отвѣчала на то Одиссею
царица:
Доже, возлюбленный, будетъ готово, когда
пожелаетъ
Сердце твое; ты по волѣ боговъ благо-
дѣтельныхъ снова
Въ свѣтломъ жилищѣ своемъ и въ воз-
любленномъ краѣ отчизны;
260 Если же все наконецъ по желанью
исполнили боги,
Другъ, расскажи мнѣ о новыхъ тебѣ
предстоящихъ напастьяхъ;
Слышать и послѣ могла бѣ я о нихъ;
но мнѣ лучше помедли
Свѣдать о томъ, что грозитъ впереди.
Одиссей отвѣчалъ ей:
Ты неотступная! странно твое для меня
истерябье.
265 Если однако желасшь, я все расскажу;
но не будетъ
Радостно то, что услышишь; и мнѣ самому
не на радость
Было оно. Прорицатель Тирезій сказалъ
мнѣ: «покинувъ

Царскій свой домъ и весло корабельное
взявши, отправься
Странствовать снова и странствуй, покуда
людей не увидишь,
270 Моря не знающихъ, пищи своей ни-
когда не солищихъ,
Также не зрѣвшихъ еще на водахъ ко-
раблей быстроходныхъ,
Пурпурно-грудыхъ, ни весель, посящихъ,
какъ мощныя крылья,
Ихъ по морьямъ. Отъ меня же узнай
несомнительный признакъ;
Если дорогой ты путника встрѣтишь и
путникъ тотъ спроситъ:
275 Что за *лопату* несешь на блестящемъ
плечѣ, индонецъ?
Въ землю весло водрузи — ты окончилъ
свое роковое,
Долгое странствіе. Мощному тамъ Поси-
дону припеси
Въ жертву барана, быка и свиной опло-
дителя вепря,
Въ домъ возвратись и великую дола сверши
экатомбу
280 Зевеу и прочимъ богамъ, безпредѣль-
наго пеба владыкамъ,
Вѣмъ по порядку. И смерть не застиг-
нетъ тебя на туманномъ
Морѣ; спокойно и медленно къ ней под-
ходя, ты кончину
Встрѣтишь, украшенный старостью свѣт-
лой, своимъ и пароднымъ
Сластьемъ богатій.» Вотъ то, что въ
Аидѣ сказалъ мнѣ Тирезій.
285 Выслушавъ, умная такъ Пенелопа ему
отвѣчала:
Если достигнуть до старости намъ дозво-
ляютъ благіе
Боги, то есть уюванье, что наши бѣды
прекратятся.
Такъ говорили о многомъ они, собесѣдуя
сладко.
Тою порой Эвринома съ кормилицей, фа-
келы взявши,
290 Ложе пошли приготовить изъ мягкихъ
постплокъ; когда же
Было совѣмъ приготовлено мягкоупругое
ложе,

Лечь на постелю свою, утомаясь, пошла
Эвриклея;
Факель пылающій въ руки взяла Эври-
нома и въ спальню
Ихъ повсла, осторожно свѣтя передъ ними;
съ весельемъ
295 Въ спальню вступили они; Эвринома
ушла; а супруги
Старымъ обычаемъ вмѣстѣ легли на по-
койное ложе.
Скоро потомъ Телемакъ, свинопастъ и
Филотій, окончить
Пляску велѣвъ, отослали служаюкъ и
самъ по темнымъ
Горницамъ, всѣхъ отпустивъ, разошлись,
тамъ легли и заснули.
300 Тою порою, утѣхой любви удовольство-
вавъ душу,
Нѣжновеселый вели разговоръ Одиссей съ
Пенелопой.
Все разказала она о жестокихъ, испы-
танныхъ ею
Дома обидахъ; какъ грабили домъ женихи
безпощадно,
Сколько быковъ круторогихъ и козъ, и
овець, и свиней тамъ
305 Съѣдено пчп, и сколько кувшиновъ
вина дорогаго
Выпито. Выслушавъ, все о себѣ въ своей
чередѣ разказалъ онъ:
Сколько папастей другимъ приключилъ,
и какія печали
Самъ испыталъ. И внимала съ весельемъ
она, и до тѣхъ поръ
Сонъ не сходилъ къ ней на вѣжды, по-
куда не кончилась повѣсть.
310 Онъ разказалъ: какъ въ началѣ огра-
билъ кикоповъ; какъ прибылъ
Къ людямъ, которые лотосомъ сладкимъ
себя насыщаютъ;
Что потерпѣлъ отъ циклопа и какъ за
товарищей, звѣреки
Сокрапныхъ нмъ, отометилъ и отъ гибели
спасся плачевной;
Какъ посѣтилъ гостелюбца Эола, который
радушно
315 Припаялъ его, одарилъ и отправилъ до-
мой; какъ въ отчизну

- Злая судьба возвратиться ему не дала;
как обратно
Въ море его, вопиющаго жалобно, буря
умчала;
Какъ принесенъ былъ онъ къ берегу ли-
хихъ лестригоновъ: они же
Разомъ его корабли и сопутниковъ мѣдно-
обутыхъ
- 320 Всѣхъ негребили; а онъ съ осталь-
нымъ кораблемъ чернобокимъ
Спасся. Потомъ разеказалъ онъ о хитрыхъ
волшебствахъ Цирцеи;
Также о томъ, какъ въ туманную область
Аида, въ которомъ
Душу Тирезія велѣно было спросить,
быстроходнымъ
Былъ приведенъ кораблемъ, тамъ умер-
шихъ товарищей тѣни
- 325 Встрѣтилъ и матери милой отшедшую
душу увидѣлъ;
Какъ онъ подслушалъ сиренъ сладко-
страстноубійственный голосъ;
Какъ межъ пловучихъ утесовъ, Харпдой
и Смылой, которыхъ
Смертный еще ни одинъ не избѣгнулъ,
прошелъ невредимо;
Какъ святотатно товарищи съѣли быковъ
Геліуса;
- 330 Какъ въ наказанье за то былъ корабль
ихъ губительнымъ громомъ
Зевса разрушенъ, и всѣхъ злополучныхъ
сопутниковъ бездна
Вдругъ поглотила, а онъ, избѣжавъ истре-
бительной Керы,
Къ берегу Огигіи острова былъ принесенъ,
гдѣ Калипсо
Нимфа его приняла, и, желая, чтобъ
былъ ей супругомъ,
- 335 Въ гротѣ глубокомъ его угощала и
даже хотѣла
Дать напослѣдокъ ему и безсмертье и
вѣчную младость,
Вѣрнаго сердца однако его оболстнить не
успѣла;
Какъ принесенъ былъ онъ бурей на
островъ людей феакійскихъ,
Съ честью великой его, какъ безсмерт-
наго бога, принявшихъ;
- 340 Какъ наконецъ въ корабль ихъ онъ
прибылъ домой, получивши
Множество мѣди и злата и ризъ драго-
цѣнныхъ въ подарокъ.
Это послѣднее онъ разеказалъ ужъ въ
дремотѣ и скоро
Сонъ прилетѣлъ, чарователь тревогъ, успо-
контель сладкій.
Добрая мысль родилась тутъ въ умѣ
свѣтлоюкой Паллады:
- 345 Въ сердцѣ своемъ убѣдвшись, что
сномъ безмятежнымъ на ложѣ
Подлѣ супруги довольно уже Одиссей на-
спадился,
Выдти изъ водъ океана велѣла она зла-
тогроной
Эосъ, чтобъ свѣтомъ людей озарить; Одис-
сей пробудился.
Съ мягкаго ложа поднявшись, сказалъ
онъ разумной супругѣ:
- 350 Много съ тобой, Пенелопа, донынѣ мы
бѣдъ претерпѣли
Оба: ты здѣсь обо мнѣ, ожидаемомъ
тщетно, крушилася;
Я осужденъ былъ Зевесомъ отцомъ и дру-
гими богамъ
Страствовать, надолго съ милой отчиз-
ной моею разлученный.
Нынѣ опять мы на сладостномъ ложѣ по-
коимся вмѣстѣ.
- 355 Ты наблюдай, Пенелопа, за всѣми
богатствами въ домѣ,
Я же потщусь истребленное буйными
здѣсь жешхама
Все возвратить: завоюю одно; доброволь-
но другое
Сами ахейцы дадутъ, и уплатится весь
мой убытокъ.
Надобно прежде однако нашъ садъ пло-
довитый и поле
360 Мнѣ посѣтить, чтобъ увидѣть отца, се-
крушеннаго горемъ.
Ты жъ безъ меня осмотрительна будь,
Пенелопа. Съ восходомъ
Солнца по городу быстро раздаста молва
о убійствѣ,
Мной совершенномъ, о гибели всѣхъ же-
ниховъ многобуйныхъ.

Ты удался съ рабнями вмѣстѣ на
 верхъ и сиди тамъ
 365 Смирно, ни съ кѣмъ не входи въ раз-
 говоръ, никому не являйся.
 Кончивъ, на плечи свои онъ накинута
 прекрасную броню,
 Слыша съ Филотемъ, съ вѣрнымъ Эв-
 меемъ позвавъ и велѣвъ имъ
 Также Аресво въ руки оружіе взять и
 облечься
 Въ брони; то было исполнено; крѣпкою
 мѣдью покрывшись.
 370 Вышли они, Одиссей впереди, изъ во-
 ротъ. Восходила
 Въ тихомъ сіяніи Эосъ. Аони ихъ, мглою
 окруженныхъ,
 Вывела тайно по улицамъ люднаго го-
 рода въ поле.

О Д И С С Е Я :

пѣснь двадцать четвертая.

СОДЕРЖАНІЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ
 ПѢСНИ.

Сороковой день.

Души жениховъ, приведенныя Эрміемъ въ
 Аидъ, встрѣчаютъ тамъ Ахиллеса и Агамем-
 нона. Амфимедонъ рассказываетъ о погибел-
 и жениховъ Агамемнону, который воздастъ
 хвалу мужественному Одиссею и благонрав-
 ной Пенелопѣ. Тѣмъ временемъ Одиссей от-
 крывается отцу; за обѣдомъ онъ узналъ До-
 лономъ и его сыновьями. Вѣсть о погибел-
 и жениховъ возбуждаетъ въ городѣ мятежъ.
 Эпейцы ведутъ своихъ сообщниковъ противъ
 Одиссея. Одиссей остается побѣдителемъ.
 Между враждующими заключается миръ съ
 помощью Аонины.

Эрміи тѣмъ временемъ богъ Киплиней-
 скій, мужей умерщвленныхъ
 Души изъ труповъ безчувственныхъ вы-
 звалъ; имѣя въ рукѣ свой
 Жезлъ золотой (по желанью его наводя-
 щій на бодрыхъ
 Сонъ, отверзающій спомъ затворенныя
 очи у сонныхъ),
 5 Имъ онъ махнулъ, и, столпясь, полетѣли
 за Эрміемъ тѣни
 Съ визгомъ; какъ мыши летучія, въ
 шбдрѣ глубокой щелцы,

Цѣпью къ стѣнамъ пригнѣбленныя—если
 одна, оторвавшись
 Свалится паземъ съ утеса—визжать, въ
 беспорядкѣ порхая:
 Такъ, завизжавъ, полетѣли за Эрміемъ
 тѣни; и велѣ ихъ
 10 Эрміи, въ бѣдахъ покровитель, къ пред-
 дѣламъ тумана и тѣни;
 Мимо Левкада скалы и стремительныхъ
 водъ океана,
 Мимо воротъ Геліосовыхъ, мимо предѣ-
 ловъ, гдѣ боги
 Сна обитаютъ, провѣяли тѣни на Асфо-
 дилонскій
 Лугъ, гдѣ воздушными стаями души усон-
 шихъ летаютъ.
 15 Первая имъ повстрѣчалася тѣнь Ахил-
 леса Пелвда;
 Съ нимъ былъ Патроклъ, Антилохъ без-
 порочный и сынъ Теламоновъ
 Бодрый Аякъ, красотою и мужествомъ
 брапнымъ и силой,
 Послѣ Пелесева сына, ахейскіе другіе за-
 тмѣвавшій.
 Легкой толпою они окружили ихъ. Тихо
 и грустно
 20 Тѣнь Агамемнопа, сына Атревса, тутъ
 подошла къ нимъ;
 Слѣдомъ за ней подошли и все тѣни то-
 варицей, падшицы,
 Въ домѣ Эгиста съ Атридомъ, съ нимъ
 вмѣстѣ постигнутыхъ рокомъ.
 Слово душа Ахиллеса къ душѣ Агамем-
 нона прежде
 Всехъ обратила: Атридъ, намъ казалось,
 что Зевесъ громолюбецъ
 25 Болѣ къ тебѣ, чѣмъ къ героямъ дру-
 гимъ, благосклонствовалъ; имъ ты
 Былъ надъ владыками спальными перво-
 властителемъ сдѣлавъ
 Въ краѣ Трояскомъ, гдѣ много мы бѣдъ
 претерпѣли, ахейцы.
 Но и тебѣ повстрѣчать на землѣ пред-
 назначено было
 Страшную Мѣру, которой никто не избѣгъ
 изъ рожденныхъ.
 30 О! для чего, окруженный величіемъ,
 властью и славой,

Ты не погибъ межъ товарищей браанныхъ
 у стѣпъ Иліона!
 Холмъ бы надъ прахомъ твоимъ былъ
 пасыпанъ ахейцами, сыну
 Славу великую ты навсегда бы въ па-
 слѣдство оставилъ;
 Нынѣ жъ плачевию смертью по волѣ
 судьбины погибъ ты.
³⁵ Тѣль Агамемнона тѣни Пелидовой такъ
 отвѣчала:
 Сынь Пелеевъ, избранникъ боговъ, ты
 завидно былъ счастливъ;
 Паль далеко отъ Аргоа въ Троянской
 землѣ ты, но нало
 Много тобой умерщвленныхъ трояицъ вокругъ
 тебя, и за трупъ твой
 Бились ахейцы славнѣйшіе; ты же подъ
 вихрями шли
⁴⁰ Тихій, огромный и страшный, лежалъ
 тамъ, забывъ колесничный
 Бой; и день цѣлый мы бились все за
 тебя, и конца бы
 Не было битвѣ, когда бы Зевесъ не раз-
 велъ насъ грозю.
 Вынесши тѣло изъ боя твое, къ кораб-
 лямъ возвратились
 Съ нимъ мы; его положивши на одрѣ и
 водою омывши,
⁴⁵ Маслою натерли прекрасную голову;
 много рыдало
 Вкругъ бездыханнаго трупа ахейцъ, свои
 отъ печали
 Волосы рвалихъ. И съ нимфами моря
 изъ бездны глубокой
 Вышла скорбящая мать; и раздался ей
 неслыханный
 По морю крикъ: трепетаніе страха про-
 никло ахейцъ;
⁵⁰ Все всколебалось, и все бѣ къ кораб-
 лямъ убѣжали глубокимъ,
 Если бы ихъ не успѣлъ удержать много-
 знающій старецъ
 Неесторъ, всегда подававшій совѣты раз-
 умные; полный
 Мыслей благихъ, обращая къ товари-
 цамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
 Стойте, ахейцы! куда вы бѣжите, арги-
 вiane? Что васъ

⁵⁵ Такъ испугало? То съ нимфами моря
 изъ бездны глубокой
 Скорбная мать подымается мертваго сына
 увидѣтъ.
 Такъ онъ сказалъ; ободрились ахейскіе
 мужи. И трупъ твой
 Нимфы прекрасныя, дочери старца морей,
 окружили
 Съ плачемъ, и свѣтлобожественной ри-
 зой его облачили;
⁶⁰ Музы—все девять—смѣняся, голо-
 сомъ сладостнымъ пѣли
 Гимнъ похоронный; никто изъ аргиванъ
 съ сухими глазами
 Слушать не могъ сладкопѣнія музъ, вра-
 чевательницъ сердца;
 Цѣлыхъ семнадцать тамъ дней и ночей
 надъ тобой проливали
 Горькія слезы безсмертные боги и смерт-
 ные люди;
⁶⁵ Но на осьмнадцатый день былъ огню
 ты торжественно преданъ;
 Мелкаго много скота и быковъ криворо-
 гихъ ублви
 Въ почестъ твою; и въ божественной
 ризѣ, помазанный сладкимъ
 Медомъ и мазью душистою, былъ ты со-
 жженъ; и ахейцы,
 Въ мѣдь облачась, у костра, на кото-
 ромъ егоралъ ты, кнѣили,
⁷⁰ Конные, пѣшіе, въ быстрыхъ блестя
 колесницахъ; великій
 Говоръ и шумъ былъ; когда же Ифесто-
 во пламя пожрало
 Трупъ твой, съ восходомъ дешицы мы
 собрали бѣлая кости,
 Чистымъ виномъ ихъ омыли, умастили
 мазью; златую
 Урну дала сокрушенная мать; Діонисъ
 ей, сказала,
⁷⁵ Ту подарилъ драгоценную урну, со-
 зданье Ифеста.
 Нынѣ хранятся въ ней кости твои, Ахил-
 леевъ лучезарный,
 Выбѣтъ съ костями Патрокла, погибшаго
 прежде во брани,
 Но далеко отъ костей Антилоха, который
 тобою,

Послѣ Патрокловой смерти, всѣхъ болѣ
ахейнѣхъ любимѣе былъ.

⁹⁰ Холмъ погребальный великій надъ ваши-
ми урнами былъ тутъ

Ратью святой копьеносныхъ аргивянъ у
свѣтло-широкихъ

Водъ Геллеспонта на брегѣ, впередъ вы-
ходящемъ, насыпанъ;

Будеть далеко оупъ на морѣ видимъ плов-
цамъ мореходнымъ

Нашихъ временъ, и грядущаго времени
всѣмъ поколѣньямъ.

⁹⁵ Мать же твоя принесла тутъ дары, у
боговъ испрося ихъ;

Были цѣною побѣды на играхъ они для
ахейнѣхъ.

Часто бывалъ, Ахиллесъ, ты свидѣлемъ
игръ похоронныхъ,

Въ честь многославныхъ, похищенныхъ
смертью, царей и геросовъ;

Зрѣлъ ты, какъ юноши, алча вѣща,
снаряжались къ бою—

⁹⁰ Здѣсь же тебя привело бѣ изумленіе
въ трепетъ при видѣ

Чудныхъ даровъ, серебряной Фетидой въ
награду побѣды

Намъ отъ боговъ принесенныхъ: ты былъ
ихъ избранный любимецъ.

Такъ и по смерти ты именемъ живъ,
Ахиллесъ, и навѣки

Слава твоя сохранится во всѣхъ на землѣ
поколѣньяхъ.

⁹⁵ Мнѣ жъ, послужило ль къ чему оконча-
ніе славное брапи?

Страшное Зевсъ приготовилъ мнѣ въ землю
отцовъ возвращенье:

Смерть отъ Эгиста предательствомъ гнус-
нымъ жены развращенной.

Такъ говорили о многомъ они въ откро-
венной бесѣдѣ.

Тутъ имъ явился, увидѣли, Эрміи Аргусо-
убійца,

¹⁰⁰ Души въ Аидѣ жениховъ, Одиссеемъ
убитыхъ, вѣдущій.

Оба они, пзумяся, приблизились къ тѣ-
нямъ; въ густомъ ихъ

Сонмѣ душа Агамемнона, сына Атреева,
душу

Амфимедона, Мелантова славнаго сына,
узнала.

Житель Итаки, онъ гостемъ издавна Ат-
риду считался;

¹⁰⁵ Амфимедонову душу душа Агамемнона
грустнымъ

Словомъ спросила: что сдѣлалось съ вами?
Зачѣмъ васъ такъ много

Юныхъ, прекрасныхъ, въ подземную об-
ласть приходите? Никто бы

Лучшихъ не выбралъ, когда бѣ подлежало
межъ первыми въ градѣ

Выбрать. Въ пучинѣ ли васъ погубилъ
Посидонъ съ кораблями,

¹¹⁰ Бурю пригнавъ и великія волны воз-
двигнувъ? На сушѣ ль

Врагъ многоспльный сразилъ васъ незнапо,
захваченныхъ въ полѣ,

Гдѣ вы ловили его криворогихъ быковъ
и барановъ,

Или во градѣ, гдѣ женѣ похищали и грабили
домы

Дерзкой толпою? Отвѣтствуй; мнѣ гостемъ
считался ты въ жизни.

¹¹⁵ Помнишь ли время, когда твой отече-
скій домъ посетилъ я,

Вызвать спѣша Одиссея, чтобъ съ бра-
томъ моимъ Менеласемъ

Шелъ въ корабляхъ разрушать Илиона
могучія стѣны?

Цѣлый мы плавали мѣсяцъ по темно-
широкому морю

Прежде, чѣмъ былъ убѣжденъ Одиссей,
городовъ сокрушитель.

¹²⁰ Амфимедонова тѣнь отвѣчала Атридо-
вой тѣни:

Сынъ Атреевъ, владыка людей, гоеударъ
Агамемнонъ,

Памятно все мнѣ, о чемъ говоришь ты,
питомецъ Зевесовъ.

Если же вѣдать желаешь, тебѣ расскажу
я подробно,

Какъ мы погибли, какую намъ смерть
приготовили боги.

¹²⁵ Спорили всѣ мы другъ съ другомъ о
бракѣ съ женой Одиссея;

Въ бракъ не желая вступить, п отъ брака
спасти не имѣя

Средства, намъ гибель и смерть замыслила
въ душѣ Пенелопы.
Слушай, какую она въроломно придумала
хитрость.
Стань превеликій въ покояхъ поставя
своихъ, начала тамъ
¹³⁰ Тонко-широкую ткань и, собравши
насъ всѣхъ, намъ сказала:
Юноши, пыжь мой женихи—поселику на
свѣтъ
Нѣтъ Одиссея—отложимъ нашъ бракъ до
поры той, какъ будетъ
Кончень мой трудъ, чтобъ пачатая ткань
не пропала мнѣ даромъ;
Старцу Лаэрту покровъ гробовой приго-
товить хочу я
¹³⁵ Прежде, чѣмъ будетъ онъ въ руки на-
вѣкъ усыпляющей смерти
Нарками отдать, дабы не посмѣли ахей-
скія жены
Мнѣ попрекнуть, что богатый столь мужъ
погребенъ безъ покрыва.
Такъ намъ сказала, и мы покорились ей
мужескимъ сердцемъ.
Что же? День цѣлый она за тканьемъ
проводила, а ночью,
¹⁴⁰ Факель зажегши, сама все, натканное
днемъ, распускала.
Три года даяся обманъ и она убѣждать
насъ умѣла;
Но, когда обращеньемъ временемъ приведен-
ный четвертый
Годъ совершился, промчались мѣсяцы, дни
пролетѣли—
Все намъ одна изъ служительницъ, знав-
шая тайну, открыла;
¹⁴⁵ Самы тогда жъ мы застали ее за рас-
пуценой тканью;
Такъ и была приневолена нехотя трудъ
свой окончить.
Но, лишь, окончивъ свой трудъ принуж-
денный, она напоелѣдокъ
Ткань, какъ луна или какъ солнце блестя-
щую, намъ показала,
Демонъ враждебный незанно привелъ
Одиссея въ Итаку;
¹⁵⁰ Въ домъ онъ сначала пришелъ къ
свинопасу Эвмею; туда же

Былъ приведенъ и подобный богамъ Те-
лемакъ, совершившій
Свой отъ песчаного Пилоса путь въ ко-
раблѣ чернобокомъ.
Оба они, тамъ замысливъ ужасную папу
погибель,
Въ городъ вопли многославный; сперва
Телемакъ, Одиссеевъ
¹⁵⁵ Сынъ; а за нимъ напоелѣдокъ и самъ
Одиссей хитроумный;
Онъ приведенъ былъ Эвмеемъ, одѣтый въ
убогое платье,
Въ образѣ хллага старца, который чуть
шелъ, подиравъ
Посохомъ, рубище въ жалкихъ лохмотьяхъ
пабросивъ на плечи.
Намъ же (и самымъ разумнымъ изъ насъ)
не входило ни разу
¹⁶⁰ Въ мысли, чтобъ это былъ самъ Оди-
ссей, возвратившійся тайно
Въ домъ свой: въ него мы швыряли; его
понесли словами;
Долгое время онъ въ собственномъ домѣ
съ великимъ терпѣньемъ,
Молча, сносилъ и швырянье и наши
обидныя рѣчи.
Но, ободренный эгидоносцемъ грознымъ
Зевесомъ,
¹⁶⁵ Онъ съ Телемакомъ вдвоемъ все до-
елѣхи прекрасные собралъ,
Въ дальній покой перепесъ ихъ, и тамъ
запертыи оставилъ;
Послѣ коварнымъ совѣтомъ своимъ побу-
дилъ Пенелопу.
Страшныя стрѣлы и лукъ Одиссеевъ тугой
намъ принесли,
Вызвать насъ бѣдныхъ къ стрѣлянью и
къ вѣрной гибели нашей.
¹⁷⁰ Мы же (и самый сильнѣйшій изъ
насъ) не могли непокорный
Лукъ натянуть тегивою: на то недостаю
въ насъ силы;
Но, когда поднесемъ Одиссею былъ лукъ
свинопасомъ,
Всею толпой на него закричали мы, луть
Одиссеевъ
Въ руки давать запреща бродягѣ, хоты
и просилъ онъ.

- 175 Намъ вопреки, Телемакъ богоравный
на то согласился.
Взявши могучій свой лукъ, Одиссей, въ
испытаніяхъ твердый,
Вмигъ натянулъ тетиву и сквозь кольца
стрѣла пролетѣла.
Принувъ тогда на порогъ, изъ кочана
онъ высыпалъ стрѣлы,
Страшно кругомъ озираясь. И былъ Анти-
ной имъ застрѣлешъ
- 180 Первый; и бѣшено сталъ посылать
онъ стрѣлу за стрѣлою;
Не было промаха; надали всѣ умерщвлен-
ныя; было
Ясно, что кто-нибудь помощь ему пода-
вать изъ безсмертныхъ.
Бросаясь на нашу толпу, онъ по всей
разогналъ насъ палатѣ.
Страшное тутъ началось убійство, раз-
дался великій
- 185 Крикъ; былъ разбрызганъ нашъ мозгъ
и дымился затопленный кровью
Поль. Такъ плачевно погибли мы всѣ,
Агамемнонъ. Еще тамъ
Наши лежатъ погребенья лишенные трупы;
о нашей
Смерти не свѣдалъ еще ни одинъ изъ
родныхъ и изъ ближнихъ;
Наши кровавыя раны еще не омыты,
еще насъ
- 190 Пламень не сжегъ и никто не опла-
калъ, и почести нѣтъ намъ.
Амфимедоной тѣни Атридова тѣнь от-
вѣчала:
Счастливъ ты, другъ, многохитростный
мужъ, Одиссей богоравный!
Добрую, правами чистую выбралъ себѣ
ты супруга;
Розно съ тобою, себя непорочно вела
Пенелопа,
- 195 Дочь многоумная старца Икарія; мужу,
любящимъ
Сердцемъ избранныму, вѣрность она со-
хранила; и будетъ
Слава за то ей въ потомствѣ; и въ нѣс-
нѣяхъ Камень сохранится
Память о вѣрной, прекрасной, разумной
женѣ Пенелопѣ.
- Участь пная коварной Тиндаровой дочери,
глушею
200 Въ руку убійцы супруга предавшей:
объ ней сохранится
Страшное въ пѣсняхъ потомковъ; она на
всегда посярмила
Поль свой и даже всѣхъ женъ, пове-
деніемъ своимъ безпорочныхъ.
Такъ говорили о многомъ они, собѣдруя
грустно
Въ темныхъ жилищахъ Анда, въ глубок-
кихъ предѣлахъ подземныхъ.
205 Тою порой Одиссей и спутники, вы-
шедъ изъ града,
Поля достигли, которое самъ обрабатывалъ
добрый
Старецъ Лаэртъ съ попеченіемъ великимъ,
давно имъ владѣи.
Садъ тамъ и домъ онъ имѣлъ; отовсюду
широкимъ навѣсомъ
Домъ окруженъ былъ; и днемъ подъ на-
вѣсомъ рабы собиравшесъ
210 Вмѣстѣ работать и вмѣстѣ обдѣвать; а
ночью тамъ вмѣстѣ
Спали; была между ними старушка породы
сикельской;
Старцу служила она и не клася о немъ
неусынно.
Такъ Одиссей, обратясь къ Телемаку и
къ прочимъ, сказалъ имъ:
Всѣ вы теперь совокупно войдите во
внутренность дома.
215 Лучшую выбравъ свинью, на обѣдъ
нашъ ее тамъ зарѣжьте;
Я же къ родителю прямо пойду: испытать
и намѣренъ,
Буду ль имъ узнавъ, меня угадаютъ ли
старцевы очи,
Наи отъ долгой разлуки я сталь и отцу
незнакомцемъ?
Такъ говоря, онъ оружіе отдалъ рабамъ;
и посѣбно
220 Въ домъ съ Телемакомъ вступили они;
Одиссей же направилъ
Путь къ плодосному саду, тамъ встрѣ-
титъ надѣясь Лаэрта.
Въ садъ онъ вступивъ, не нашелъ Доліона,
и не было также

- Тамъ ни рабовъ, ни дѣтей Долоновыхъ;
посланы были
Все они въ поле терновникъ собирать для
заграды садовой;
225 Съ ними пошелъ и старикъ Долопъ
указать имъ дорогу.
Старца Лаэрта въ саду одного Одиссея
многоумный
Встрѣтилъ; онъ тамъ подчищалъ дерево;
былъ одѣтъ неопратно;
Плате въ заплаткахъ; худыми ремнями
изъ кожи бычачей,
Наживо шитыми, были опутаны ноги,
чтобъ иглы
230 Ихъ не царапали; руки отъ острыхъ
колючекъ терновыхъ
Онъ защитилъ рукавицами; шлыкъ изъ
потершейся козлей
Шкуры покровомъ служилъ головѣ, на-
клоненной отъ горя.
Такъ Одиссею явился отецъ, сокрушен-
ный и дряхлый.
Онъ притаился подъ грушей, далъ волю
слезамъ и, въ молчаньи,
235 Стоя тамъ, плакалъ. Не зналъ онъ, ко-
леблясь разсудкомъ, что сдѣлать:
Вдругъ ли открывшись, ко груди при-
жать старика и, цѣлуя
Руки его, объявить о своемъ возвращеннѣ
въ Итаку?
Или вопросами вывѣдать все отъ него
понемногу?
Дѣло обдумавъ, увѣрился онъ напослѣ-
докъ, что лучше
240 Опыту старца притворпообидною рѣчью
недвергнуть.
Такъ разсудивъ, подошелъ Одиссей бого-
равный къ Лаэрту.
Голову онъ наклонялъ, дерево подчищая
мотыкой.
Близко къ нему подступивши, сказалъ
Одиссей лучезарный:
Старекъ, ты, вижу, искусенъ и опытенъ
въ дѣлѣ садовомъ;
245 Садъ твой въ великомъ порядкѣ; о
каждомъ равно ты нечешься
Деревъ; смоквы, оливы и груши и сочные
грозды
- Лозъ виноградныхъ, и гряды цвѣточныя—
все здѣсь въ приборѣ.
Но, не сердись на меня, не могу не
сказать откровенно,
Старець, что самъ о себѣ ты заботишься
плохо; угрюма
250 Старость твоя, ты нечистишь, ты одѣтъ
неопратно; ужъ вѣрно
Твой господишь до тебя такъ недобръ не
за лѣность къ работѣ.
Самъ же ты образомъ вовсе не сходишь
съ рабомъ подчиненнымъ;
Царское что-то и въ видѣ и станѣ твоемъ
пахожу я;
Болѣ подобенъ ты старцу, который, омыв-
шись, насытится,
255 Снить на роскошной постелѣ, какъ
всякому старцу прилично.
Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня
не скрывая:
Кто господишь твой? За чьимъ плодонос-
нымъ ты садомъ здѣсь смотришь?
Также скажи откровенно, чтобъ могъ я
всю истину вѣдать:
Вправду ль на островъ Итаку я прибылъ,
какъ это сказалъ мнѣ
260 Кто-то изъ здѣшнихъ, меня на дорогѣ
сюда повстрѣчавшии?
Былъ онъ однако весьма непривѣтливъ;
со мной разговора
Вестъ не хотѣлъ и мнѣ не далъ отвѣта,
когда я о гостѣ,
Нѣкогда принятомъ мною, его разспросить
попытался:
Живъ ли и здѣсь ли еще, нль ужъ въ
область Анда смелъ онъ?
265 Вѣдать ты долженъ, и выслушай то,
что скажу я: давно ужъ
Мнѣ угощать у себя посѣтительнаго домъ
мой случилось
Страпника; много до тѣхъ поръ гостей
изъ далекихъ, изъ ближнихъ
Странъ приходило ко мнѣ; по такой между
ими разумный
Мнѣ не встрѣчался; онъ назвалъ себя
уроженцемъ Итаки,
270 Аркезіада Лаэрта, молвою хвалимаго,
сыномъ.

Припиль я въ домъ своемъ Одиссея; и
 мной угощенъ былъ
 Онъ съ дружесливою роскошью — много
 запасовъ имѣлъ я
 Въ домѣ; и много подарковъ мой гость
 получилъ на прощаньи:
 Золота далъ я отличной доброты семь
 полныхъ талантовъ;
 275 Далъ сребролитную чашу, вѣчанную
 чудно цвѣтами,
 Съ нею двѣнадцать покрововъ, двѣнадцать
 широкихъ всеневныхъ
 Малтій и къ верхнимъ двѣнадцати ризамъ
 двѣнадцать хитоновъ;
 Кромѣ того подарилъ четырехъ рукодѣль-
 ныхъ невольницъ:
 Были онѣ молодыя, красивыя; самъ онъ
 ихъ выбралъ.
 280 Крушную старецъ слезу уронивъ, отвѣ-
 чалъ Одиссею:
 Странникъ, ты подлинно прибылъ въ тотъ
 край, о которомъ желасяшъ
 Свѣдать; но имъ ужъ давно завладѣли
 недобрые люди.
 Ты понарасну съ такимъ гостелюбьемъ
 нестратилъ подарки;
 Если бѣ въ Итакѣ живимъ своего ты
 давнишняго гостя
 285 Встрѣтилъ, тебя одарилъ бы онъ такъ
 же богато, принявши
 Въ домъ свой: таковъ ужъ обычай, чтобъ
 гости другъ друга дарили.
 Но отвѣчай мнѣ теперь, ничего отъ меня
 не скрывая:
 Сколько съ тѣхъ поръ миновалось лѣтъ,
 какъ въ своемъ угощалъ ты
 Домъ несчастнаго странника? Странникъ же
 этотъ былъ сынъ мой,
 290 Сынъ Одиссей—злонуточный! быть мо-
 жетъ, далеко отъ милой
 Родины, рыбами съѣденъ онъ въ безднѣ
 морской или на сушѣ
 Птицамъ пустыннымъ, звѣрямъ плотояд-
 нымъ достался въ добычу;
 Матерью не былъ онъ, не былъ отцомъ
 погребенъ и оплаканъ;
 Не былъ и дорогокупленной, вѣрной женой
 Пенелопой

295 Съ плачемъ и крикомъ на одръ поло-
 женъ; и она не закрыла
 Милыхъ очей; и обычной ему не оказано
 чести.
 Ты же скажи откровенно, чтобъ могъ я
 всю истину вѣдать:
 Кто ты? Какого ты племени? Гдѣ ты
 живешь? Кто отецъ твой?
 Кто твоя мать? Гдѣ корабль, на которомъ
 ты прибылъ въ Итаку?
 300 Гдѣ ты покинулъ товарищей? Или чу-
 жимъ, какъ попутчикъ,
 Къ намъ привезенъ кораблемъ и, тебя
 здѣсь оставя, отплылъ онъ?
 Копчилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей
 хитроумный:
 Если ты знаешь любовныя твои, все раз-
 скажу по порядку;
 Я родился въ Аллбаптѣ; живу тамъ въ
 богатыхъ палатахъ;
 305 Полипимбидъ Афейдъ, той страны
 обладатель, отецъ мой;
 Имя дано мнѣ Эпиритъ. Сюда непріязнен-
 ный демонъ
 Противъ желанья меня, отъ Сикаіи
 плывшаго, бросилъ;
 Своѣ же корабль я поставилъ подъ скло-
 помъ Нейона лѣпестымъ.
 Долженъ однако ты вѣдать, что съ тѣхъ
 поръ ужъ пять совершилось
 310 Лѣтъ, какъ, мое посѣтивши отечество,
 сынъ твой нутнася
 Въ море. Ему жъ при отплытіи счастли-
 вый путь предсказали
 Птицы, взлетѣвшія справа; я весело съ
 нимъ разлучился;
 Весело поплылъ и онъ; мы питались
 надеждою сладкой:
 Часто видаться, другъ другу подарками
 радуя сердце.
 315 Такъ говорилъ Одиссей; и печаль
 отуманила образъ
 Старца; и, прахомъ наполнивши горети,
 свою онъ сѣдую
 Голову всю имъ, вздохнувъ со стенаньемъ
 глубокимъ, осыпалъ.
 Сердце у сына въ груди повернулось и,
 спершись, дыхаше

- Впнулось въ позри его — онъ сраженъ
былъ родителя скорбыю.
- ³²⁰ Бросаясь къ нему, онъ, его обхвата и
цѣлуя, воскликнулъ:
Здѣсь я, отецъ! я твой сынъ, Одиссей,
столь желанный тобою,
Волей боговъ возвратившійся въ землю
отцовъ черезъ двадцать
лѣтъ; воздержись отъ степеній, оставь
сокрушеніе и слезы.
Слушай однако; мгновенія намъ тратить
не должно, поспежь
³²⁵ Въ домъ моею истребилъ я ужъ
всѣхъ жениховъ многобуйныхъ,
Мстя имъ за всѣ беззаконія ихъ и за
наши обиды.
Кончилъ Лаэртъ изумленный отвѣтство-
валъ такъ Одиссею:
Если ты подлинно сынъ Одиссей, возвра-
тившійся въ домъ свой—
Вѣрный мнѣ знакъ покажи, чтобъ мое
уничтожить сомнѣнье.
³³⁰ Старцу Лаэрту отвѣтствовалъ такъ
Одиссей хитроумный:
Прежде тебѣ укажу я на этотъ рубецъ;
мнѣ пораннаъ
Ногу, ты помнишь, клякомъ разъярен-
ный кабанъ на Парпасѣ;
Былъ же туда я тобою и милою матерью
послалъ
Къ Автоликону, отцу благородному ма-
тери, много
³³⁵ (Насъ посетивъ) посулившему дать
мнѣ богатыхъ подарковъ.
Если жъ желаешь, могу я тебѣ перечестъ
и деревья
Съ садъ, которыя ты подарилъ мнѣ, когда
я однажды,
Бывши малюткою, здѣсь за тобою бѣжалъ
по дорожкѣ.
Самъ ты, деревья дари, поимянно мнѣ
каждое назвалъ:
³⁴⁰ Далъ мнѣ тринадцать ты грушъ оцвѣ-
тившихся, десять отборныхъ
Яблонь и сорокъ смоковницъ; притомъ
пятьдесятъ виноградныхъ
Лозъ обѣщалъ, приносящихъ весь годъ
многосочные грозды;
- Крупныя жъ ягоды ихъ, какъ яптарь
золотой или пурпурный,
Блещутъ, когда созрѣваютъ онѣ благо-
дателью Зевеса.
³⁴⁵ Такъ онъ сказалъ. Задрожали колѣна
и сердце у старца;
Всѣ сочтены Одиссеевы признаки были.
Заплакавъ,
Милого сына онъ обнялъ, потомъ обез-
памятѣлъ; въ руки
Принялъ его, всѣхъ лишенаго силъ,
Одиссей богоравный;
Но напоследокъ, когда возвратился и
память и силы,
³⁵⁰ Голосъ возвысивъ и взоръ устремивши
на сына, сказалъ онъ:
Слава Зевесу отцу! существуютъ еще на
Олимпѣю
Метящіе боги, когда беззаконники вправду
погибли.
Но, Одиссей, я страшуся теперь, что по-
дымется въ градъ
Скоро мятежъ, и сюда соберется народъ,
и съ ужасной
³⁵⁵ Вѣстью гонцы разошлются по всѣмъ
городамъ кефаленскимъ.
Кончилъ. Ему отвѣчая, сказалъ Одиссей
хитроумный:
Будь беззаботенъ; не этимъ теперь ты
тревожиться долженъ.
Лучше пойдемъ мы въ твой домъ, нахо-
дящійся близко отсюда;
Я ужъ туда Телемака съ Филотіемъ съ
старымъ Эвмесемъ
³⁶⁰ Прямо послалъ, имъ велѣвъ пригото-
вить обѣдъ намъ обильный.
Съ сими словами къ красному дому на-
правили путь свой
Сынъ и отецъ; и, когда напоследокъ
вступили въ красивый
Домъ, Телемакъ тамъ съ Филотіемъ съ
старымъ Эвмесемъ, сострипавъ
Пищу, ужъ рѣзали мясо и въ кубки
вино разливали.
³⁶⁵ Тою порою, Лаэрта въ купальнѣ омыв-
ши, рабыня
Старцева тѣло его благовошнымъ елеемъ
натерла,

Чистою мантіей плечи его облекла; а
 Аяпа,
 Тайно къ нему подошедши, его возвели-
 чила ростомъ,
 Сдѣлаея тѣломъ полнѣй и лицу придаея
 молодавость.
 370 Вышелъ изъ бани онъ свѣтель. Отца
 подходящаго види,
 Сынъ веселился его красотою, божествен-
 но чистой.
 Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ
 крылатое слово:
 О родитель! конечно одинъ изъ боговъ
 олимпійскихъ
 Такъ озарилъ красотою твой образъ, такъ
 выпрямилъ сталъ твой!
 375 Кротко па то Одиссею Лаэртъ отвѣ-
 чалъ многославный:
 Если бѣ — о Дій громовержецъ! о Февъ
 Аполлонъ! о Аонна! —
 Былъ я таковъ, какъ въ то время, когда
 съ кефалескою ратью
 Нериконъ градъ на утесъ земли матерой
 пшпровергнулъ,
 Если бы въ домъ вчера я такимъ предъ
 тобою явился,
 380 Брошу надѣлъ на плеча и, тебѣ помо-
 гая, ударилъ
 Вмѣстѣ съ тобой на толпу женховъ —
 сокрушилъ бы колѣна
 Многимъ изъ нихъ я; и ты бы, любуясь
 отцомъ, веселился.
 Такъ говорили они, собесѣдуя сладко
 другъ съ другомъ.
 Стряпанье кончивъ, обильный обѣдъ при-
 готовивъ и сѣвши
 385 Вмѣстѣ за столъ наддеканчимъ поряд-
 комъ на креслахъ и стульяхъ,
 Весело подняли руки они къ пригото-
 вленной пицѣ.
 Скоро съ работы пришелъ и старикъ До-
 ліонъ съ сыновьями;
 Звать ихъ за столъ къ нимъ на встрѣчу
 рабыня епкельская вышла.
 (Всѣхъ сыновей воспитала она, а за ста-
 рымъ отцомъ ихъ,
 390 Слабымъ отъ лѣтъ, съ неувыннымъ
 усердіемъ въ домъ неклася).

Въ двери столовой вступивши, при видѣ
 нежданнаго гостя,
 Всѣ изумились они и стояли, не тро-
 гаясь съ мѣста.
 Ласково къ нимъ обратился, сказала Одис-
 сей хитроумный:
 Что же ты медлишь? Садися за столъ къ
 памъ, старикъ; удивленье
 395 Ваше оставивъ, обѣдайте съ нами;
 давно ужъ едимъ мы
 Здѣсь за столомъ, дожидаясь, чтобъ вы
 возвратились съ работы.
 Такъ онъ сказалъ. Доліонъ, подбѣжавъ
 къ своему господину,
 Руки его цѣловать съ несказанною ра-
 достью началъ;
 Взоръ на него устремивши, онъ бросилъ
 крылатое слово:
 400 Здѣсь наконецъ ты, нашъ милый, же-
 ланный! Увидѣть намъ дали
 Боги тебя — а у насъ ужъ въ души и
 надежды свиданья
 Не было. Здравствуй и радуйся! Боги да
 будутъ съ тобою!
 Намъ же теперь объяви, чтобъ могли мы
 всю истину вѣдать,
 Далъ ли уже ты разумной супругѣ своей
 Пенелопѣ
 405 Знать о своемъ возвращеніи? Или
 вѣстника должно послать къ ней?
 Кончилъ. Ему отвѣчая, сказала Одиссей
 хитроумный:
 Сказано все ей, старикъ; не заботься объ
 этомъ напрасно.
 Такъ отвѣчалъ Одиссей. Доліонъ помѣ-
 стился на гладкомъ
 Стулѣ. Его сыновья, своему поклонясь
 господину,
 410 Съ словомъ привѣтливымъ руку по-
 жали ему и обѣдать
 Сѣли съ другими за столъ близъ отца
 своего Доліона.
 Такъ шрвали они въ многославномъ жи-
 лищѣ Лаэрта.
 Оса тѣмъ временемъ съ вѣстью ходила
 по улицамъ града,
 Страшную участь и лютую смерть жен-
 ховъ разглашая;

415 Всѣ взволновались жители града;
 великой толпою
 Съ ропотомъ, съ воплемъ сбѣжался на-
 родъ къ Одиссееву дому;
 Вынесли мертвыхъ оттуда; однихъ scho-
 ронили; другихъ же
 Въ дома семейные ихъ по инымъ горо-
 дамъ разослали,
 Труны развезть поручивъ рыбакамъ на
 судахъ быstroходныхъ.
 420 На площадь стали потомъ всѣ пе-
 чально собираться; когда же
 На площадь всѣ собралнсь и собраніе
 сдѣлалось полнымъ,
 Первое слово къ народу Эпейтъ обра-
 тилъ благородный;
 Въ сердцѣ о сынѣ своемъ. Антиноѣ пре-
 красномъ, который,
 Первый застрѣленный, первую жертвою
 былъ Одиссея,
 425 Онъ сокрушался; и такъ, сокрушен-
 ный, сказалъ онъ народу:
 Граждане милые, страшное зло Одиссей
 намъ ахейцамъ
 Всѣмъ приключилъ. Благороднѣйшихъ пѣ-
 когда въ Трою увлекши
 Велѣдъ за собой, корабли и сопутниковъ
 всѣхъ погубилъ онъ;
 Или жъ, домой возвратясь, умертвилъ
 кефаленячъ знатнѣйшихъ.
 430 Братья, молю васъ—пока изъ Итаки
 не скрылся онъ въ Пилосъ
 Или не спасся въ Элиду, священную зем-
 лю эпейчъ—
 Выдти со мною на губителя; плаче стыдъ
 насъ покроетъ;
 Мы о себѣ и потомству оставимъ поно-
 сную память,
 Если за ближнихъ своихъ, за родныхъ
 сыновей ихъ убійцамъ
 435 Здѣсь не отмстимъ. Для меня же,
 скажу, ужъ тогда нестерпима
 Будетъ и жизнь; и за ними погибшими
 въ землю сойду я.
 Итъ! не допустимъ, граждане, ихъ пра-
 ведной кары избѣгнуть.
 Такъ говорилъ онъ, печальный, и всѣхъ
 состраданіе проникло.

Фемій тогда и глашатай Медонтъ, въ
 Одиссеевомъ домѣ
 440 Почъ ту проведеніе, вставши отъ спа,
 предъ народнымъ собраньемъ
 Оба явились; при видѣ ихъ каждый при-
 шелъ въ изумленіе.
 Умныя мысли имѣя, Медонтъ имъ ска-
 залъ: приглашаю
 Выслушать слово мое васъ, граждане
 Итаки; не противъ
 Воли Зевесовой такъ поступилъ Одиссей
 благородный;
 445 Видѣлъ я самъ, какъ одинъ изъ без-
 смертныхъ боговъ олимпійскихъ
 Тамъ появился незаню, облекшійся въ
 Менторовъ образъ;
 Онъ, всемогущій, то, стоя предъ нимъ,
 возбуждалъ въ Одиссѣ
 Бодрость, то, противъ толпы жениховъ
 обращаясь, гоная ихъ
 Трепетныхъ изъ угла въ уголъ, и всѣ
 другъ на друга валились.
 450 Такъ онъ сказалъ имъ, и были всѣ
 ужасомъ схвачены блѣднымъ.
 Выступилъ тутъ предъ народъ Галивердъ
 многоопытный старецъ,
 Сынъ Масторовъ; грядущее онъ, какъ ми-
 нувшее, вѣдалъ;
 Съ мыслью благой обратясь къ согра-
 ждамамъ, такъ имъ сказалъ онъ:
 Выслушать слово мое приглашаю васъ,
 люди Итаки;
 455 Вашей виною, друзья, совершилась
 бѣда роковая;
 Мнѣ вы и Ментору мудрому не дали вѣ-
 ры, когда мы
 Въ-время васъ убѣждали унять сыновей
 безразсудныхъ,
 Много себѣ не позволенныхъ дѣлъ позво-
 лавшихъ, губившихъ
 Домъ Одиссеевъ и злыя обиды панесшихъ
 супруговъ
 460 Мужа, который, мечтали, сюда не
 воротится вѣчно.
 Вотъ вамъ теперь мой совѣтъ; моему по-
 коритесь слову:
 Мирно оставайтесь здѣсь, чтобъ бѣды на
 себя не накликалъ

- Забѣйшей. Сказалъ; половина большая со-
бранья съ свирѣпымъ
Воплемъ вскочила; покойно на мѣстѣ
остались другіе.
- 465 Тѣ жъ, пегодуя на рѣчь Галиердову,
велѣдъ за Эвпейтомъ
- Бросились шумноиенстовымъ сонмомъ го-
товиться къ бою.
- Всѣ, облачившись въ крѣпкія мѣднoble-
стящія брони,
- За городъ вышли и тамъ собралися ве-
лнкой толпою.
- Ихъ предводитель Эвпейтъ, обезумленный
горемъ великимъ,
- 470 Миня, что за сына отметить; по ему
не назначено было
- Въ домъ свой опять возвратиться: его
стерегла ужъ судьбина.
- Тутъ свѣтлоокая Зевса Кроніона дочь
обратила
- Слово къ отцу и сказала: Кроніонъ, вер-
ховный владыка,
- Мнѣ отвѣчай вопрошающей: что ты те-
перь замышляешь?
- 475 Злую ль гражданскую бравь и сви-
рѣпокровавую съчу
- Здѣсь воспалить? Иль противникамъ мн-
ромъ велѣтъ сочетаться?
- Ей возражая, отвѣтствовалъ тучъ соби-
ратель Кроніонъ:
- Странно мнѣ, милая дочь, что меня ты
о томъ вопрошаешь;
- Ты не сама ли разсудкомъ рѣшила сво-
имъ, что погубить
- 480 Всѣхъ ихъ, домой возвратясь, Одис-
сей многоумный? Что хочешь
- Сдѣлать теперь, то и сдѣлай. Мои же
тебѣ я открою
- Мысли: отметили женихамъ Одиссей бого-
равный—имѣлъ онъ
- Право на то; и царемъ онъ останется;
клятвой великой
- Миръ утвердится; а горькую смерть сы-
новей ихъ и братьевъ
- 485 Въ жертву забвенію мы предадимъ; и
любовь совокупить
- Прежняя всѣхъ; и съ покоемъ обиліе
здѣсь водворится.
- Кончивъ, велѣлъ онъ идти истерпѣншемъ
горѣвшей Аеніѣ.
- Бурно въ Итаку съ вершины Олимпа
шагнула богиня.
- Тѣ же, насытая вдоволь, обѣдъ свой
окончили. Голосъ
- 490 Свой Одиссей тутъ возвысилъ и бро-
силъ крылатое слово:
- Должно, чтобъ кто-нибудь вышелъ теперь
посмотрѣть: не идутъ ли?
- Такъ онъ сказалъ, и одинъ изъ младыхъ
сыновей Доліона
- Въ двери пошелъ; но съ порога дверей,
подходящихъ увидя,
- Громко воскликнулъ и быстрое слово Ла-
эрту сыну
- 495 Бросилъ: Идутъ! поспѣшите! Оружіе
въ руки! ихъ много!
- Всѣ побѣжали пемедля и въ крѣпкія
брони одѣлись;
- Былъ Одиссей самъ-четвертъ; Доліоновы
стали съ нимъ рядомъ
- Шестъ сыновей. И Лаэртъ съ Доліономъ
оружіе также
- Взяли—сѣдые, пуждой ополченные рат-
ники-старцы.
- 500 Всѣ совокупно, облекшися въ мѣднoble-
блестящія брони,
- Вышли они, Одиссей впереди, изъ дзе-
рей. Къ Одиссею
- Тутъ подошла свѣтлоокая дочь громо-
вержца Зевеса,
- Сходная съ Менторомъ видомъ и рѣчию,
богиня Аенія;
- Радостью былъ онъ проникнуть, се предъ
собою увидя.
- 505 Къ сыну потомъ обратясь, онъ бро-
силъ крылатое слово:
- Другъ Телемакъ, наступила пора и тебѣ
отличиться
- Тамъ, гдѣ, сражался, великою честью себя
покрываешь
- Страха незнающій мужъ. Окажися досто-
нымъ породы
- Бодрыхъ отцовъ, за дѣла прославляемыхъ
всю землю.
- 510 Кротко отцу отвѣчала разсудительный
сынъ Одиссеевъ:

- Самъ ты увидишь, родитель, что я по-
срамить не желаю
Бодрыхъ отцовъ, за дѣла прославляемыхъ
всю землю.
- Такъ онъ сказалъ. Ихъ услышавъ, Ла-
эртъ вдохновенно воскликнулъ:
Добрые боги, какой вы мнѣ день даро-
вали! О радость!
- 515 Слышу, какъ сынъ мой и впускъ мой
другъ съ другомъ о храбрости спорятъ!
Дочь многочисленная Зевса, къ нему подо-
шедши, сказала:
Бодрый Аркесиевъ сынъ, изъ товарищей
всѣхъ мнѣ милѣйшій,
Въ помощь призвавши Зевеса - отца и
Аенну Палладу,
Выдь на врага и копье длиннотѣнное
брось наудачу.
- 520 Слово ея пробудило отважность вели-
кую въ старцѣ;
Онъ, помоляся владыкѣ Зевесу и грозной
Палладѣ,
Вышелъ впередъ и копье длиннотѣнное
бросилъ, не цѣлясь.
Въ мѣдноталитный Эвпейтовъ шоломъ онъ
попалъ и, защиту
Мѣди пробивши, расколочный черепъ копье
просадило;
- 525 Грянула въ навзничь Эвпейтъ, и на немъ
загребли досѣхи.
Тутъ на переднихъ удара самъ - другъ,
Одиссей съ Телемакомъ
Начали быстро разить ихъ мечомъ и
копьемъ; и погибли
Всѣ бы они, и домой ни одинъ не при-
шелъ бы обратно,
Если бы дочь громовержца эгидоносителя
Зевса
- 530 Громко не крикнула, гибель спѣшна
отвратить отъ народа:
Стойте! уймитесь отъ бѣдственной битвы,
граждане Итаки!
Крови не лейте напрасно и злую вражду
прекратите!
Такъ возопила Аенна; всѣ схвачены тре-
петомъ блѣднымъ
Были они и, оружіе въ страхъ изъ рукъ
уропивши,
- 535 Пали на землю, сраженные крикомъ
богини громовымъ;
Въ бѣгство потомъ обратясь, устремилесь,
спасаясь, въ городъ.
Громко тогда завонивъ, Одиссей, непре-
клонный въ напастяхъ,
Кинулся бурно преслѣдовать ихъ, какъ
орелъ поднебесный.
По громовую стрѣлою Крокіона другъ
раздвоилось
- 540 Небо и ярко она предъ Аоинной уда-
рила въ землю.
Дочь свѣтлокая Зевса тогда Одиссею
сказала:
О Лаэртидъ, многохитростный мужъ, Оди-
сей благородный,
Руку свою воздержк отъ пролитія крови,
иль будетъ
Въ гнѣвъ приведенъ потрясающій небо
громами Крокіонъ.
- 545 Такъ говорила богиня. Онъ радостно
ей покорилося.
Скоро потомъ межъ царемъ и народомъ
союзъ укрѣпила
Жертвой и клятвой великой привнявъ
Мейторовъ образъ
Свѣтлая дочь громовержца богиня Аенна
Паллада.

1831. 1851—1852.

СТРАНСТВУЮЩІЙ ЖПДЬ.

I.

Солнце склонялось къ горамъ Іудей-
скимъ. Медлительнымъ шагомъ,
Очи потупивъ, объять размысленъ о
томъ, что случилось
Столь недавно, шелъ Никодимъ отъ Гол-
гофы. Все тихо
Было кругомъ. Три креста на вершинѣ
горы одиноко
Въ блескѣ вечернемъ сіяли. Внизу былъ
сумракъ. Пещера
Съ гробомъ пустымъ, съ отвалившимся
камнемъ отъ входа, прохладно
Сѣнью деревъ благовопныхъ закрыта бы-
ла. Тамъ глубокии
Царствовала сонъ. Никодимъ, задумав-
шись, шелъ черезъ городъ;
Шелъ онъ тѣмъ самымъ путемъ, по ко-
торому шелъ на Голгофу
За сорокъ дней передъ тѣмъ свой крестъ
незабвенный Учитель.
Все, что было въ тотъ день, повторялось
въ душѣ Никодима.
Здѣсь Вероника обтерла Страдальцу ла-
ниты, кровавымъ
Потогъ покрытыя. Тамъ, урвѣвъ проли-
вающихъ слезы
Женъ, Онъ сказалъ: «Не Меня вамъ
должно оплакивать, дщери
Ерусалима! А плачьте выиѣ себя! На-
ступаютъ
Дни, въ которые съ трепетомъ скажутъ
горамъ: унадите,

Горы, на насъ! и холмамъ: покройте
насъ, холмы! Въ томъ мѣстѣ
Паль Онъ подъ тяжкимъ крестомъ, из-
пуренный. Далѣ, увидѣвъ
Матерь, лишнюю чувствъ, Онъ ска-
залъ, проходя: «Ободрися,
Милая матеръ!» Тамъ, наконецъ, обле-
ченъ въ багряницу,
Въ ухахъ, въ терновомъ вѣнцѣ, Онъ
стоялъ предъ народомъ, смиренный,
Тихій, но полный величія. «Се чело-
вѣкъ!» съ состраданьемъ
Молвилъ Пилатъ, и руки омылъ,—и во-
пуюся, какъ море,
«Кровь Его на насъ и на чадахъ на-
шихъ!» воскликнулъ
Громко безумный народъ... И Его повели
на Голгофу...

II.

Онъ несъ свой крестъ тяжелый на Гол-
гофу, Всемогуцій, Вседержитель, былъ Голгофу;
Какъ человекъ измученъ; потъ и кровь
По блѣдному Его лицу бѣжали;
Подъ бременемъ своимъ Онъ часто па-
вставалъ съ усилениемъ, переводилъ [далѣ,
Дыханіе; потомъ, шаговъ темного
Переступивъ, подъ пошею, Его давившей,
Какъ плотоядный звѣрь свою добычу,
Имъ схваченную, давить, надалѣ снова.
И наконецъ, съ померкшими отъ мукъ
Очами, Онъ хотѣлъ остановиться
У Агасверовыхъ дверей, дабы,
Къ нимъ прислонившись, перевесть на мигъ
Дыханье. Агасверъ стоялъ тогда
Въ дверяхъ. Его онъ оттолкнулъ отъ нихъ
Безжалостно. Съ глубокимъ состраданьемъ
Къ несчастному столь чуждому любви,

И свѣту о томъ, что долженъ былъ

²⁰ Надъ нимъ изречь, какъ Богъ, свой
приговоръ,

Онъ поднятъ грустный взглядъ на Агасвера
И тихо произнесъ: «Ты будешь жить,

Пока Я не приду». И удалился.

И наконецъ Онъ палъ подъ ношею совѣсьмъ

²⁵ Безъ силы. Крестъ тогда былъ возложенъ

На плечи Симона изъ Кириенъ,—

И скоро Онъ исчезъ вдали, и вся толпа

Исчезла вѣдѣвъ за Нимъ. Все замолчало

На улицѣ ужасно опустѣлой.

³⁰ Народъ вокругъ Голговы за стѣнами

Ерусалимскими столпился. Городъ

Сталъ тихъ, какъ гробъ. Одинъ, оцѣпен-

ный,

Въ дверяхъ своихъ недвижимъ Агасверъ

Стоялъ. И долго онъ стоялъ, не зная,

³⁵ Что съ нимъ случилось, чьи были тѣ

Слова, которыхъ каждый звукъ свинцовой

Буквой въ мозгъ его былъ вдавленъ, тамъ

Сидѣлъ пенеторный, не слышенъ

Уху, но страшно слышенъ въ глубинѣ души.

⁴⁰ Вотъ, наконецъ, вокругъ себя обведши

Какъ полусонный очъ, онъ со страхомъ

Замѣтилъ, что на Моріи, надъ храмомъ,

Черіѣли тучи, съ запада, съ востока,

И съ сѣвера, и съ юга,—въ одну густую

⁴⁵ Сліявшіяся тьму. Туда уперъ онъ

Недуганное око. Вдругъ крестъ-на-крестъ

Тамъ молніей разбѣзлася тьма;

Громъ грянулъ; чудный отзывъ въ глубинѣ

Святилища отвѣтствовалъ ему,

⁵⁰ Какъ будто тамъ разорвалася завѣса.

Ерусалимъ затрепеталъ—и весь

Внезпно потемнѣлъ, лишенный солнца;

И въ этой тьмѣ земля дрожала подъ ногами.

Изъ глубины ея былъ голосъ; было

⁵⁵ Теченье въ воздухѣ безлютныхъ слышно;

Во мракѣ образы возставшихъ

Изъ гроба, вдругъ явись, смотрѣли

Живымъ въ глаза... Толпами отъ Голговы

Бѣжалъ народъ; былъ слышенъ шумъ

⁶⁰ Бѣгущихъ; но ужасно каждый про себя

Молчалъ. Тутъ Агасверъ, въ смертельномъ

Очнувшись, неоглядкой побѣжалъ [страхъ,

Вѣдѣвъ за толпою отъ своихъ дверей,

Не зная самъ куда, и въ пей исчезъ.

⁶⁵ Тьмъ временемъ утихъ Ерусалимъ.

Во мглѣ громадой безобразной зданья

Черіѣли. Жители всѣ затворились

Въ своихъ домахъ, и все тяжелымъ спомъ

Заснуло. И вотъ надъ этой темной бездной

⁷⁰ Отъ тучъ, ихъ затмевавшихъ, небеса,

Ужъ полныя звѣздами почи, стали чисты:

Въ ихъ глубинѣ была невыразима

Неизглаголанная тишина,

И слуху сердца слышалось тамъ,

⁷⁵ Какъ отъ звѣзды къ звѣздѣ перелетали

Ихъ стражи ангелы, съ невыразимой

Гармоніей блаженной, чудной вѣсти. Прямо

Надъ Элеонскою горой звѣзда

Дешницы подымалась. Агасверъ,

⁸⁰ Всю ночь по улицамъ Ерусалима

Бродивъ, терзаемый тоской и страхомъ,

Вдругъ очутился за стѣнами града,

Передъ Голговою. На горѣ пустой,

На чистомъ небѣ, ярко три креста

⁸⁵ Черіѣли. У подошвы темной

Горы—былъ входъ въ нещеру, и вели-

кимъ камнемъ

Онъ былъ задвинутъ; и не вдали, какъ

Недвижимыя тѣни, въ сокрушеніи [двѣ

Двѣ женщины сидѣли, устремивъ

⁹⁰ Глаза—одна на камень гроба, а другая

На небеса. Увидя ихъ, и камень,

И на горѣ кресты, затрепеталъ

Рѣвъ тѣломъ Агасверъ; почудилось ему,

Что грозный камень на него идетъ,

⁹⁵ Чтобъ задавить. И какъ безумный,

Онъ побѣжалъ ко граду отъ Голговы...

Есть островъ; онъ скалою одинокой

Подъплещется изъ бездны океана;

Вокругъ него все пусто: безпредѣльность

¹⁰⁰ Воды и безпредѣльность неба.

Когда вода тиха, а небеса

Безоблачны, онъ кажется тогда,

Въ сияньи дня, удивленно-мрачнымъ

Пустынникомъ лазури безпредѣльной;

¹⁰⁵ Въ ночи жъ, спокойнымъ моремъ отра-

женный

Между звѣздами, въ двухъ кругомъ него

Нучинахъ блестящихъ, онъ черіѣтъ,

Какъ сумрачный отверженецъ созданья.

Когда жъ на небѣ тучи, въ морѣ буря

¹¹⁰ И на него со всѣхъ сторонъ изъ бездны

Бросятся, какъ змѣи, вихри волнъ,
А съ неба молніи въ его бока
Возаюются, ихъ ребрь не сокрушая:
Онъ кажется, въ семь боѣ недвижимый,
115 Всемирнаго хаоса господникомъ.

На западномъ полнебѣ знойно солнце
Горѣло; воздухъ густо былъ наполненъ
Парами. Въ нихъ какъ бы растаявъ, солнце
Сливалось съ ними, и весь западъ неба,
120 И все подъ нимъ недвижимое море
Пурпурнымъ янтаремъ сіяло; было
Великое спокойствіе въ пространствѣ.
Въ глубокой думѣ, руки на груди
Крестъ-на-крестъ сжавъ, онъ, вождь по-

бѣдъ недавно
125 И страхъ царей, теперь царей колодникъ,
Сидѣлъ одинъ, падъ бездной на скалѣ,
И на море—которое предъ нимъ
Такъ было тихо и, весь пламень неба
Въ себя вливая всей широкой грудью,
130 Имъ полное, дыханьемъ несказаннымъ
Вздыхалося—смотрѣлъ. Предъ нимъ ши-
Пустыня пламенная разстлалась. Гроко
Съ ожесточеньемъ безнадежной скорби,
Глубоко врѣзавшейся въ сердце,

135 Съ негодовавшимъ силой, вдругъ ли-
шенной
Свободы—онъ смотрѣлъ на этотъ хаосъ
Сіянія, на это съ небесами
Сліявшееся море. Тамъ лежалъ
И самому ему уже незримый міръ,
140 Имъ быстро созданный и столь же
Погибшій: а широкій океанъ, [быстро
Предъ нимъ сіявшій, гдѣ ничто слѣдовъ
Величія его не сохранило,
Терзалъ его обремененную душу

145 Безчувственнымъ величьемъ своимъ,
Съ какимъ его въ своей темницѣ влажной
Онъ запырталъ. И онъ съ презрѣньемъ взоры
Отъ бездны отвратилъ, и окомъ мысли
Перелетѣлъ въ страну минувшей славы.

150 Тамъ образы великіе предъ нимъ,
Сраженій тѣпл, призраки триумфовъ,
Какъ изъ-за облакъ огненныя Альповъ
Вершины, подымались; а въ дали далекой
Звучалъ потомства неумолкннй голосъ;

155 И мнилось ему, что на порогѣ
Инаго міра встрѣтитъ ждуть его
Величества всѣхъ странъ и всѣхъ временъ.

По въ этотъ мигъ, когда воспоминаемъ
Въ минувшемъ гордой мыслью онъ леталъ—
орелъ

160 Ширококрылый, отъ бездны моря быстро
Взлетѣвъ на высоту, промчался мимо
Его скалы и въ высотѣ пропалъ.

Его полетомъ увлеченный, онъ
Вскочилъ, какъ будго броситься за нимъ
165 Желая въ безпредѣльность; воли, воли
Его душа мучительную прелесть
Отчаянно почувствовала всю.

Орелъ исчезъ въ глубокомъ небѣ. Тяжкимъ
Свинцомъ его полетъ непритѣнимый

170 На сердце палъ ему; весь ужасъ
Его судьбы, какъ голова смертельная Гор-
гоны,

Ему предсталъ: всѣ привидѣнья славы
Минувшей вдругъ исчезли; и одинъ
Постыдный, можетъ быть—и долгій путь
175 Отъ тьмы тюремной до могильной, гдѣ
Ничтожество... И онъ затрепеталъ;

И всю ему проникло душу отвращенье
Къ себѣ и къ жизни; быстрымъ шагомъ
къ краю

Скалы онъ подошелъ, и жаднымъ окомъ
180 Смотрѣлъ на море; и оно его

Къ себѣ какъ будго звало, и къ нему
Въ своихъ излучицахъ на скаду волнахъ
Безчисленныя руки простирало.

И ужъ его нога почти черту
185 Между скалой и пустою воздушной
Переступила... Въ этотъ мигъ его

Глазамъ, какъ будго изъ земли рожденный,
На западъ скалы, огромной тѣпью
Отрѣзавшись отъ пламеннаго неба,

190 Явился пѣкто, и необычайный,
Глубоко движущій всю душу голосъ
Сказалъ: «Куда, Наполеонъ!»... При этомъ

звонѣ,
Какъ околдованный, онъ на краю скалы
Одѣпенѣлъ: поднятая нога

195 Сама собой на землю опустилась.
И съ робостью, невѣдомой дотолѣ,
На подходящаго онъ устремилъ

Глаза, и чувствовала съ какимъ-то стран-
нымъ

Оттолкновеньемъ всей души, что этотъ
200 Пришлецъ и для него и для всего

Созданія чужой; но онъ невольню

Предъ нимъ благоговѣль, его черты
 Съ непостижимымъ сердца изумленьемъ
 Разсматривалъ... Къ нему шелъ челоуѣкъ,
 205 Въ которомъ все не челоуѣче было:
 Онъ былъ живой, но жизнь чуждъ казался;
 Ни старости, ни молодости въ чудныхъ
 Его чертахъ не выражалось; все въ нихъ
 Давнишнее, когда-то вдругъ—подобно [было
 210 Созданьямъ допотопнымъ—въ камепъ
 Песумирающей и неживущей
 Преображенное; въ его глазахъ
 Дель вѣнннй не сіялъ, но въ нихъ тзу-
 Горѣлъ какой-то темный свѣтъ, [боко
 215 Какъ зарево далекаго сіанья;
 Вкругъ головы сѣдые волоса
 И борода, широкими струями
 Грудь покрывавшая, изъ серебра
 Казались вылитыми; лобъ
 220 И щеки блѣдныя, какъ бѣлый мраморъ,
 Морщинами крестъ-на-крестъ были
 Изрѣзаны; одежда, въ складкахъ тяжелыхъ,
 Какъ будто выбитыхъ изъ мѣди, съ плечъ
 До пятъ недвижно падала; и ноги
 225 Его шли по землѣ, какъ бы въ псе
 Не упираяся. Пришлецъ, приближась,
 На узника скалы вперилъ свои
 Произительныя очи, и сказалъ:
 «Куда ты шелъ? И гдѣ бѣ ты былъ,
 когда бѣ
 230 Мой голосъ во-время тебя не назвалъ?
 Не говорить съ тобой сюда пришелъ я:
 Не можетъ быть бесѣды между нами,
 И мыслями мѣняться намъ нельзя;
 Я здѣсь не гость, не другъ, не собесѣдникъ;
 235 Я здѣсь одинъ мнунутный призракъ, го-
 Безъ отзыва... Врачомъ твоей души [лосъ
 Хочу я быть—и передъ нею вею
 Мою судьбу явлю безъ покрывала;
 Въ молчаннй слушай. Участи моеи
 240 Страшнѣе не было п нѣтъ, и быть
 Не можетъ на землѣ. Богообидчикъ,
 Проклятыю преданный, лишенный смерти,
 И въ смерти—жизни; вѣчно по землѣ
 Вродитъ приговоренный, и всему
 245 Земному чуждый; памятью о прошломъ
 Терзаемый, я въ области живыхъ живой
 Мертвецъ, имъ страшный и противный;
 Не именующей здѣсь никого
 Своимъ, и, что когда любилъ на свѣтъ;

250 Все пережившій, все похоронившій;
 Все пережить п все похоронитъ
 Определенный; нѣтъ мяѣ на землѣ
 Ни радости, ни траты, ни надежды;
 День настаетъ, ночь настаетъ, они
 255 Безъ смѣны для меня; жизнь не про-
 ходитъ,
 Смерть не приходитъ; измѣненья нѣтъ
 Ни въ чемъ; передо мной нѣмая вѣчность,
 Окаменившая живое время;
 И посреди собратій бытн,
 260 Живущихъ радостно изъ скорбно, жизнь
 Любящихъ изъ изъ жизни уводимыхъ
 Упокоительной рукою смерти,
 На этомъ братскомъ ширествѣ созданій
 Миѣ мѣста нѣтъ; кожу кругомъ трапезы
 265 Голодный, жаждущій—меня они
 Не замѣчаютъ; я страдаю, какъ никто
 И сонный не страдалъ, — мое жъ стра-
 данье
 Для нихъ не было, а вымыселъ давнишней,
 Давно разказанная дѣтнямъ сказка...
 270 Таковъ мой жребій. Ты, быть можетъ,
 Съ презрѣньемъ спросишь у меня: за-
 Сюда пришелъ я, чтобъ такой [чѣмъ же
 Безумной басней надъ тобой ругаться?
 Таковъ мой жребій, говорю, для всѣхъ.
 275 Васъ, близорукыхъ жителей земли;
 Но для тебя моеи судьбнны тайну
 Я вею вполне открою... Слушай.

Я—Агасверъ, не сказка Агасверъ,
 Котороу кормилца твоя
 280 Тебя въ ребячествѣ пугала,—нѣтъ! о,
 нѣтъ!
 Я Агасверъ живой, съ костями, съ кровью,
 Текущей въ жилахъ, съ чувствующимъ
 сердцемъ
 И съ помянцей мпнувшее душою;
 Я Агасверъ—вотъ исповѣдь моя...
 285 О, нѣтъ! языкъ мой повторитъ не
 можетъ
 Живымъ, для слуха внятнмъ словомъ
 Того, что нѣкогда свершилось, что
 Въ проклятiе жизнь бѣдную мою
 Преобразило,—имя Агасверъ
 290 Тебѣ сказала все... Нѣтъ! въ языкѣ
 Моимъ такого слова не найду я,
 Чтобъ те изобразить, что былъ я самъ,

Что мыслилось, что видѣлось, что ныло
Въ моей душѣ, — что въ ночахъ бессон-
ныхъ,

²⁹³ Что въ тяжкомъ снѣ, что въ приви-
дѣньяхъ,

Пугавшихъ въявь, мнѣ чудилось въ тѣ дни,
Боторые прошли подобно душнымъ,
Грозою полнымъ днямъ, когда дыханье
Въ груди спирается и въ страхѣ ждешь

³⁰⁰ Удара громоваго... дни несказанной
Тоски и трепета, со дня Голговы
Прошедшіе!.. Ерусалимъ былъ тихъ;

Но было то предтѣнье подходящей
Бури; народъ скорбѣлъ, и блѣдность лицъ,

³⁰⁵ Потупленность головъ, походки шат-
кость,

И подозрительность суровыхъ взглядовъ—
Все было знаменьемъ чего-то, страшно

Постигнуваго всёхъ, чего-то, страшно
Постигнуть всёхъ грознаго. Кругомъ

³¹⁰ Ерусалимскихъ стѣпъ какой-то мрач-
Невѣдомый во градѣ никому, [ный,

Бродилъ, и крикомъ жалобнымъ, на всёхъ
Бонцахъ всечасно въ градѣ слышнымъ:

Отъ запада и отъ востока горе! [^{горе!}
³¹⁵ Отъ сѣвера и отъ полудня горе!

Ерусалиму горе!] повторялъ.
А я изъ всёхъ людей Ерусалима

Былъ самый трепетный. Въ бѣдѣ всеобщей,
Мечталось мнѣ, страшнѣйшая—моя;

³²⁰ Чудовище съ лицомъ закрытымъ, мнѣ
Еще невѣдомымъ, но оттого

Стозрять ужаснѣйшимъ. Что Онъ ска-
залъ мнѣ?

Я словъ Его не постигалъ значенья:
Но звуки ихъ ни день, ни почъ меня

³²⁵ Не покидали—яростью кипѣла
Вся внутренность моя противъ Него,
Боторый ядомъ слова одного

Такъ жизнь мою убилъ; я приговора
Его могуществу не вѣрпалъ; я

³³⁰ Упорствовалъ обманника въ Немъ вп-
дѣтъ;

Но чувствовалъ, что я приговоренъ...
Къ чему?.. Невѣдѣнья ужасный призракъ,

Страшилище безъ образа, вездѣ,
Куда мои глаза ни обращалъ я,

³³⁵ Стоялъ передо мной—и мучилъ стра-
шензлаголаннымъ меня. Противъ [хомъ

Обиженнаго мной и приговоръ мнѣ
Однимъ, еще непонятымъ мной, словомъ

Изрекшаго, и противъ всёхъ Его
³⁴⁰ Избранниковъ я былъ неукротимой

Исполненъ злобой. А они одни
Между людьми Ерусалима были

Спокойны, свѣтлы, никакой тревогой
Неодержимы; кто встрѣчался въ градѣ

³⁴⁵ Смиренный видомъ, свѣтлымъ взоромъ
Благословляющій, благопристойный

Въ движеніяхъ, въ опрятномъ одѣяньи,
Безъ роскоши—ужъ тотъ конечно былъ

Слугою Исуса Назорея. Въ нихъ
³⁵⁰ Собраніяхъ вседневно совершалось

О Немъ воспоминанье: часто, посреди
Ерусалимской смутной жизни, было

Ихъ пѣнье слышимо; они безъ страха
Въ домахъ, на улицахъ, на площадяхъ.

³⁵⁵ Благоую вѣсть о немъ провозглашали.
Весь городъ злобствовалъ на нихъ, не-

И эта злоба скоро разразилась [злыхъ;
Гоненіемъ, тюремнымъ заточеніемъ

И наконецъ убійствомъ. И, какъ дикій
³⁶⁰ Звѣрь, ликовалъ, когда былъ передъ

храмомъ
Стефанъ, побитый камнемъ, замученъ;

Когда потомъ прияли муку два
Іакова, одинъ мечомъ, другой

Съ вершины храма сброшенный; когда
³⁶⁵ Пронесся слухъ, что Пестръ былъ рас-

пягъ въ Римѣ,
А Павелъ обезглавленъ: мнилось мнѣ,

Что въ нихъ, свидѣтеляхъ Его, и память
О Немъ погибнуть. Тщетная надежда!

Во мнѣ тоска отъ страха неизвѣстной
³⁷⁰ Мнѣ казни только раздражалась. Я,

При Иродѣ царѣ рожденный, видѣлъ
Все время Августа; потомъ три звѣря,

Кровавой властью обезславивъ Римъ,
Погибли, властвовали четвертый—Неронъ.

³⁷⁵ Столѣтіе ужъ на плечахъ моихъ ле-
Вокругъ меня четыре поколѣнья [жало;

Цвѣли въ одномъ семействѣ: сыновья,
И внучата, и внуковъ внуки въ домѣ

Моемъ садился за мою трапезу...
³⁸⁰ Но я со дня того въ живомъ ихъ кругѣ

Все болѣе и болѣе чуждъ и сирь,
И пелюдимъ и грустенъ становился:

Я чувствовалъ, что я ни хилъ, ни бодръ,

Ни старъ, ни молодъ, по что жизнь моя
³⁸⁵ Желѣзно-мертвую приобрѣла
 Несокрушимость. Самому себѣ,
 Среди моихъ живыхъ дѣтей и внуковъ
 И правнуковъ, казался я надгробнымъ
 камнемъ,
 Межъ плъ могилъ стоящимъ одиноко
 камнемъ;
³⁹⁰ И лица ихъ имѣли страшный цвѣтъ
 Объятыхъ тлѣнемъ труповъ. Все ужъ дѣти
 И все ужъ внуки были взяты смертью,
 И правнуковъ съ невыразимымъ горемъ
 И бѣшенствомъ я началъ хоронить...

³⁹⁵ Тѣмъ временемъ часть-отъ-часу душ-
 Въ Ерусалимѣ становилось. Зная, [нѣ
 Что будетъ, все Иисуса Назорея
 Избранники покинули убившій
 Учителя ихъ городъ и ушли
⁴⁰⁰ За Иорданъ. И все, и все сбывалось,
 Что предсказалъ Онъ: Палестина вся
 Горѣла бунтомъ; легіоны Рима
 Терзали области сѣ; и скоро
 Приблизился къ Ерусалиму часъ
⁴⁰⁵ Его судьбы: то время наступило,
 Когда, какъ Онъ пророчилъ, «благо будетъ
 Сошедшимъ въ гробъ, и горе матерямъ
 Съ младенцами грудными, горе старцамъ
 И юношамъ, живущимъ въ градъ, горе
⁴¹⁰ Изъ града не ушедшимъ въ горы дѣ-
 Вѣ бѣдствія въ одну бѣду сляпая. [вамъ.»
 Всенасіановъ сынъ — извѣтъ — пути
 Изъ града все загородилъ, вогнавъ
 Туда пасильно моръ и голодъ;
⁴¹⁵ Внутри господствовали буйство, бунтъ,
 Усобица, безвластье, безначалье,
 Владычество разбойниковъ, извѣтъ
 Прикликавшихъ своими на своихъ.
 Вдругъ три осады: храма отъ пришельныхъ
⁴²⁰ Грабителей, грабителей отъ града, града
 Отъ легіоновъ Тита... Всюду бой;
 Первосвященниковъ убійство въ храмѣ;
 На улицахъ нестройный крикъ отъ страха,
 Отъ голода, отъ муки передемертной,
⁴²⁵ Отъ яростной борьбы за кусъ согнившей
 Тѣды—ревъ мятежа, разврата пѣсни,
 Безстыдныхъ оргій хохотъ, стонъ голод-
 Младенцевъ, матерей тяжелый вой... [ныхъ
 И въ высотъ надъ этой бездной днесь—

⁴³⁰ Безоблачно пылающее небо,
 Зловонную заразу вызывая
 Изъ труповъ, въ градъ и въ града
 Разбросанныхъ; въ ночи жъ, какъ Божій
 мечъ,
 Звѣзда бѣды, своимъ хвостомъ всю твердь
⁴³⁵ Разрѣзавшая пополамъ, Ерусалиму
 Пророка гибель... И погнупуть весь
 Израиль обреченъ былъ; отовсюду
 Сведенный свѣтлымъ праздникомъ пас-
 хальнымъ
 Въ Ерусалимѣ, народъ былъ разомъ преданъ
⁴⁴⁰ На истребленіе мстителному Риму.
 И все истреблены... убійствомъ, голодомъ,
 Въ котляхъ звѣрей, прибитые къ крестамъ,
 Въ цѣпяхъ, въ изгнаньи, въ рабствѣ па-
 чужбинѣ.
 Погибъ Ерусалимъ Господній. Отъ созданья
⁴⁴⁵ Міръ не видалъ гибели подобной.
 О, страшно онъ боролся съ смертнымъ
 часомъ!
 Когда въ него, все стѣны проломивъ,
 Ворвался врагъ и бросился на храмъ,—
 Народъ, въ его толпу, изъ-за ограда
⁴⁵⁰ Исторгншевъ, вѣзаяся, и съ ней сѣ-
 пившись,
 Вслѣдъ за собой ее влекъ въ средину
 Ограда—бой ужасный, грудь-на-грудъ,
 Тутъ начался; и наконецъ, спасаясь,
 Вкругъ скинии, во внутренней оградѣ,
⁴⁵⁵ Стопились мы, отчаянный, послѣдній
 Израиль остатокъ... Тутъ увидѣлъ
 Я песказаніе: подъ святотатной
 Рукою скинии открылась, стало
 Намъ видимо невиданное окомъ:
⁴⁶⁰ Ковчегъ заѣтъ... Въ этотъ самый мигъ
 Храмъ запылалъ, и въ скинию пожаръ
 Ворвался... Мы, весь гибнущій Израиль,
 И съ нами насъ губящій врагъ въ единый
 Слнлея крикъ, одинъ завывъ отъ гори,
⁴⁶⁵ А тѣ заливовъ отъ торжества
 Побѣды... Вся гора слилась въ пламя,
 И поереди его, какъ длинный, гору
 Обвившій змѣй—чернѣло войско Рима.
 И въ этотъ мигъ... все для меня исчезло!
⁴⁷⁰ Раздавленный обрушившимся храмомъ,
 Я налъ—почувствовавъ, какъ черепъ
 И кости все мои вдругъ сокрушились; [мой
 Безпамятство мной овладѣло... Долго ль

Продлился **оно**—не знаю. Я

475 Пришелъ въ себя, пробившись сквозь
какой-то

Невыразимый сонъ, въ которомъ все
Въ одно смѣшалось страданье: боль
Отъ раздробленія всѣхъ костей, и бремя

480 Запертаго тоска, и жаръ болѣзни,

И нестерпимая работа жизни,
Развалины разрушеннаго тѣла

Возстановляющей, при страшной мукѣ

И голода и жажды—это все

485 Я собою кунно вытерпѣлъ въ какомъ-то
Смятенномъ, судорожномъ снѣ—безъ мысли,

Безъ памяти и безъ забвенья, съ чувъ
Неоконченнаго бытія, которымъ, [ствомъ
Какъ тяжелой грѣзой, вся душа

490 Была задавлена и трепетала

Тѣмъ трепетомъ отчаяннымъ, какой

Насквозь пронзаетъ залживо зарытыхъ

Въ могилу. Но меня моя могила

Не удержала; я изъ-подъ обломковъ,

495 Меня погребшихъ, вышелъ снова живъ

И невредимъ: разбивъ меня на смерть,

Меня, ожившаго, они пзвергли,

Какъ скверну, изъ своей громады.

Очнувшись, въ первый мигъ я не по-
стигнулъ.

500 Гдѣ я. Передо мною подымались

Вершины горныя; межъ нихъ лежали

Долины, и все онѣ покрыты были

Обломками—какъ будто бы то мѣсто

Градъ каменный, обрушившійся съ неба,

505 Незапно завалилъ, и тамъ нигдѣ

Не зрѣлося живаго человѣка:

То былъ Ерусалимъ!.. Спокойно солнце

Садилось, и его прощальный блескъ,

На высотѣ Голговы угасая,

510 Оттуда мнѣ блеснулъ въ глаза—и я,

Ее увидя, весь затрепеталъ:

Изъ этой повсемѣтной тишины,

Изъ этой бездны разрушенія, снова

Послышалось мнѣ: «Ты будешь жить,

515 Пока Я не приду...» Тутъ въ первый разъ

Постигнулъ я вниоѣ свою судьбину:

Я буду жить! я буду жить, пока

Онъ не придетъ!.. Какъ жить?.. Кто Онъ?

Придетъ?.. И все грядущее мое [Когда

520 Мнѣ выразилось вдругъ въ остовѣ этомъ

Погибшаго Ерусалима: тамъ

На камнѣ камня не осталось; тамъ

Мое минувшее исчезло все;

Все, жившее со мной, убито; тамъ

525 Ничто ужъ для меня не оживетъ

И не родится,—жизнь моя вся будетъ

Какъ этотъ мертвый трупъ Ерусалима,

И жизнь безъ смерти. Я въ бѣшенствѣ

И бѣшеное произнесъ на все [завылъ

530 Проклятіе,—безъ отъыма мой голосъ

Раздался глухо надъ громадой камней,

И все утихло... Въ этотъ мигъ звѣде

Вечерняя надъ высотой Голговы

Взошла на небо... и невольно—

535 Сколь мой ли бѣшенствовалъ духъ—

Сіяны тайную отрады какою [въ ея

Я съ смертоноснымъ питіемъ хулы

И проклинавша выпилъ... Но то была

Лишь тѣнь промчавшагося быстро мига...

540 Что съ оваго я непыталъ мгновенья!..

О, какъ я плакалъ, какъ вопилъ, какъ дико

Ропталъ, какъ злобствовалъ, какъ про-

клиналъ,

Какъ несправедлѣ жизнь, какъ страстно

Невнимющую смерть любилъ!.. Съ двой-

нымъ

545 Отчаяньемъ и бѣшенствомъ, слова

Страдальца Юва и повторялъ:

«Да будетъ проклятъ день, когда сказали:

Родился человѣкъ, и проклята

Да будетъ ночь, когда мой первый крикъ

550 Послышался; да звѣзды ей не свѣтять,

Да не взойдетъ ей день, ей—пезанѣршей

Меня родившую утробу!» А когда я

Воспоминалъ слова его печали

О томъ, сколько малодневнѣе человѣкъ:

555 «Какъ облакъ уходитъ онъ, какъ цвѣтъ

Долинный вянетъ онъ, и мѣсто, гдѣ

Онъ прежде цвѣлъ, не узнать его»,—

О! этой жалобѣ я съ горькимъ плачемъ

Завидовалъ... Передо мною все

560 Рождалось и въ часъ свой умирало:

День умиралъ въ зарѣ вечерней; ночь

Въ сіяны дня; сколько мнѣ завидно было,

Когда на небѣ облакъ свободно

Летѣло, таяло и исчезало;

565 Когда свистящій вѣтеръ вдругъ смол-

калъ;

Когда съ деревьевъ надаль лнсть; все,
 И видѣть знаменіе смерти, было [въ чемъ
 Мнѣ горькой сладостью: одна лишь смерть—
 Смерть, упованіе не быть, исчезнуть—
 570 Всему, что жило вокругъ меня, давала
 Томительную прелесть; жизнь же
 Во всемъ твореніи я ненавидѣлъ
 И клялъ, какъ жизнь проклятую мою...
 И съ этой злобой на твореніе, съ дикимъ
 575 Возставаемъ всей души противъ Творца
 И съ несказанной ненавистью противъ
 Распятаго—отчаянно пошелъ я,
 Неумирающей, всему живому
 Врагъ, отъ того погибельнаго мѣста,
 580 Гдѣ мнѣ моей судьбы открылась тайна.

Томимый всѣми нуждами земными,
 Меня терзавшими, не убивая,—
 И голодомъ, и жаждою, и зносомъ,
 И хладомъ,—грозною нуждой влекомый,
 585 Между людьми, какъ нищій безпріютный,
 Я побираюсь... Милостивно мнѣ
 Давали безъ вниманья и участья,
 Какъ лнсть, который мимоходомъ
 Бросаютъ въ кружку для убогихъ, вовсе
 590 Незнаемыхъ. И съ злобой я хваталъ,
 Что было мнѣ бросаемо съ презрѣньемъ.
 Такъ я сыпучими песками жизни
 Тащился съ ношею мосу, зная,
 Что куда ея не допесу.
 595 И выѣтъ съ смертію былъ у меня
 И сонъ—успокоитель жизни—отнять.
 Что днемъ въ моей душѣ кипѣло: ярость
 На жизнь, богопроклятія, вражда
 Съ людьми, раздоръ съ собою, и вины—
 600 Непризнаваемой, но безпрестанно
 Грызущей сердце—боль: то въ темнотѣ
 Ночной, вокругъ изголовья моего,
 Толпою привидѣній стоя, сонъ
 Отъ головы измученной моей
 605 Неумолимо стогняло. Буря
 Ночная мнѣ была отрадѣй тихой,
 Украшенной звѣздами ночи: тамъ
 Съ мутящимъ землею бѣшенствомъ стихій
 И бѣшенствомъ души моей сливался;
 610 Здѣсь каждая звѣзда изъ мрака бездны
 Тамъ одинокая межъ одинокихъ,
 Подобно ей потерянныхъ въ пространствѣ,—
 Какъ бы ругаясь надо мною, мнѣ

Мой жребій повторяла, на мени
 615 Съ небесъ вперяя пламенное око.
 Такъ, въ изступленіи страдающа, злобы
 И безнадежности, скитался я
 Изъ мѣста въ мѣсто; все во мнѣ скончилось
 Въ одну мучительную жажду смерти.
 620 «Дай смерть мнѣ! дай мнѣ смерть!»
 то было крикомъ
 Моимъ, и плачемъ, и моленьемъ
 Предъ каждымъ бѣдствіемъ земнымъ, ко-
 торымъ
 На горькую мнѣ завлечь глбли люди.
 Кидался въ бездну я съ стремнины горной:
 625 На днѣ ея, о камни сокрушенный,
 Я оживалъ по долгой мукѣ. Море въ лоно
 Свое меня не принимало; пламень
 Меня пронзалъ мучительно насквозь,
 Но не сжигалъ моей проклятой жизни.
 630 Когда къ вершинамъ горъ скопаялесь
 И тамъ кипѣли молніи, туда [тучи
 Взбирался я, въ надеждѣ тамъ погибнуть;
 Но молніи кругомъ меня вилсыя,
 Дробили и деревья и утесы—я же
 635 Былъ пощажень. Въ моей душѣ блеснула
 Надежда бѣдная, что—можетъ быть—
 Въ бѣдѣ всеобщей смерть меня съ другими
 Скорѣй, чѣмъ одинокаго, ошибкой
 Возьметъ: и съ чумными, въ больницѣ
 640 Я ложе ихъ дѣлалъ, ихъ труны брать
 На плечи и, зубами скрежеща
 Отъ зависти, въ могилу относилъ—
 Напрасно! мной чума пренебрегала...
 И съ караваномъ многочленнымъ степью
 645 Песчаною Аравійскою шельъ;
 Вдругъ раскаленное затмилось небо
 И солнце въ немъ исчезло: вихрь
 Песчаный побѣжалъ отъ горизонта
 На насъ; храни, въ песокъ уткнули морды
 650 Верблюды; люди пали ницъ—я грудь
 Подставилъ пламенному вихрю:
 Онъ задушилъ меня, но не убилъ.
 Очнувшись, я себя увидѣлъ посреди
 Разбросанныхъ остововъ, на пиру
 655 Оравъ, сдирающихъ съ костей остатки
 Истлѣвшихъ труповъ. Въ тогъ ужасный
 день,
 Когда исчезъ подъ лавой Геркуланумъ
 И пепелъ завалилъ Помпею, я

Природы судорогой страшной быть
 660 Обрадованъ; при стоиѣ и трясеньи
 Горы дымящейся, горящей, тучъ
 Золы и камной и кипучей лавы
 Бросающей изъ треснувшаго чрева,
 При воѣ, крикѣ, давлѣ, шумѣ въ бѣг-
 ство
 665 Толнящихся сквозь пещель все затмив-
 Въ которомъ, ничего не озаряя, [шій,
 Сверкаль невидимый пожаръ горы,
 Отчаянно пробился я къ потоку
 Всеножирающему лавы—ею
 670 Обхваченный, я, вмигъ прожженный,
 въ уголь
 Былъ обращенъ, и въ море, на брегъ
 Гопное землетрясенья силой,
 Былъ вынесенъ, а моремъ слова брошенъ
 На брегъ, на произволь землетрясенью.
 675 То былъ послѣдній опытъ мой—наспль-
 ствомъ
 Взять смерть. Я сталъ подобенъ гробу,
 Въ которомъ запертой мертвецъ, оживши
 И съ крикомъ долго бившися понапрасну,
 Чтобъ вырваться изъ душнаго заклена,
 680 Вдругъ умолкаеть—и послѣдней ждешь
 Минуты, задыхаясь: такъ въ моемъ
 Несокрушимомъ тѣлѣ задыхалась
 Отчаянно моя душа. «Всему
 Конецъ: живи, не жди, не вѣруй, злобствуй
 685 И проклинай; но затвори молчаньемъ
 Уста и замолчи на вѣчность!»—такъ
 Сказалъ я самому себѣ...

Но слунай.

Тогда былъ въѣзъ Траяна; въ Римъ
 690 Изъ областей приближшій императоръ
 Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
 Кровавья готовилъ граду игры:
 Бой гладиаторовъ—и христіанъ
 Преданіе звѣрять на растерзанье.
 695 Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
 Аптіохійской церкви пастырь, старецъ
 Игнатій, льву ливійскому на пицу
 Въ присутствіи Траяна преданъ. Третьякъ
 Незнаголашшій при этомъ слухѣ
 700 Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
 Въ амфитеатръ... И что моимъ очамъ
 Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
 Ступеней обозрѣлъ глазами бездну

Людей тамъ собравшихъ! Сквозь яркій
 пурпуръ
 705 Растянутой падъ зданьемъ легкой ткани,
 Которую блескъ солнца багрянилъ,
 И зданье, и пародь, и на высококъ
 Съданныхъ отвесуду зримый кесарь
 Казался огненными. Въ это
 710 Мгновеніе послѣдній гладиаторъ,
 Народомъ непростенный, былъ зарѣзанъ
 Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
 Арены мертвый трупъ его танчили.
 И стала вдругъ она пуста. Народъ
 715 Умолкъ и адалъ, какъ будто въ страхѣ,
 Не подавая вестернбня. Вдругъ [знака
 Въ глубокой этой тишинѣ раздался
 Изъ подземелья ливный ревъ, и сквозь
 Отверстй входъ амфитеатра, старецъ
 720 Игнатій—съ нимъ двѣнадцать хресті-
 звѣрять на растерзанье произволью [анъ,
 Съ своимъ спешкомъ себя предавшихъ—
 На страшную арену вышли. Старецъ,
 Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
 725 Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги;
 Потомъ они, прижавъ ко груди руки,
 «Тебя—забѣли тихо—Бога хвалимъ,
 Тебя едиными устами въ смертный
 Часъ исповѣдуемъ...» О! это пѣнье—
 730 Въ Ерусалимѣ слышанное мною
 На праздничныхъ собраньяхъ христіанъ
 Съ кипѣньемъ злобы—здѣсь мою всю душу
 Проникнуло незапнымъ вдохновеньемъ.
 Что предо мной открылось въ этотъ мигъ,
 735 Что вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
 Невыразимаго затрепетало,
 И какъ, въ амфитеатрѣ воровавшись, я
 Вдругъ посреди дотолѣ ненавистныхъ
 Мнѣ христіанъ тамъ очутился—
 740 Не знаю... Пѣнье продолжалось; но
 Ужъ на противной сторонѣ арены
 Желѣзная рѣшетка, загремѣвъ, упала,
 И ужъ въ ея отверстіи стоялъ
 Съ цѣпей снущенный левъ, и озирался...
 745 И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
 Онъ зарыкалъ... и вспыхнули глаза,
 И грива стала дыбомъ... Тутъ впередъ
 Я кипуче, чтобъ старца заслонить
 Отъ звѣря... Онъ уже къ намъ мчался
 750 Прыжками быстрыми черезъ арену;
 Но старецъ, въ сторону меня съ любовьюю

Рукѣ смиренно отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
 «Должно ишено Господнее въ зубахъ
 Звѣриныхъ измолотъ, чтобъ Господнимъ
 765 Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ,
 отсѣлъ
 Поди въ свой путь, смирись, живи и жди.»
 Тутъ былъ опъ львомъ обхваченъ... Но
 Еще меня перекрестить и взоръ [успѣлъ
 Невыразимый отъ меня па небо
 760 Въ слезахъ возвестъ, какъ бы меня ему
 Передавая... О, животворящій,
 На вѣчность всю присутственный въ душѣ,
 Небеснаго блаженства полный взглядъ!
 Могуществомъ великаго мгновенья
 765 Сраженный, я безъ памяти упалъ
 Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
 Святителя. Когда жъ очнулся, вдругъ
 Меня въ крови разбросанные члены
 Погибшихъ я увидѣлъ, и усталый
 770 Терзаніемъ лежалъ, разинувъ пасть
 И быстро грудью жаркою дыша,
 Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
 Пылающія очи. Но когда
 Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ,
 775 И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
 Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
 Черезъ арку побѣжалъ, и скрылся
 Въ своемъ заклѣбѣ. Весь амфитеатръ
 Отъ восклицаній задрожалъ—а я
 780 Отъ мѣста крови, плача, удалился,
 И изъ воротъ амфитеатра безградно
 вышелъ...
 Что послѣ въ оный чудный день случилось,
 Не помню я; но въ благодатномъ взглядѣ,
 Которымъ мученикъ меня усвоилъ
 785 Въ послѣдній часъ свой небесамъ, опять
 Блеснула свѣтлая звѣзда, мгновенно
 Мнѣ нѣкогда блеснувшая съ Голговы,
 Въ то время безотрадно, а теперь
 Какъ лучъ спасенія. Какъ будто что-то
 790 Мнѣ говорило, что моя судьба
 Переломилась на двоя; стремленье
 Къ чему-то неслытанному мною
 Глубоко мнѣ вѣденилось въ грудь, и знѣ-
 Такого измѣненія было то, [комъ
 795 Что проклинаніе моимъ устамъ
 Произносить уже противно стало,
 Что злоба сердца моего въ унылость
 Безмолвно-плачущую обратилась,

Что наконецъ страданія мои
 800 Внезапная отрада посѣтила:
 Еще неостровленное—какъ свѣжій,
 Предутренный благоуханный воздухъ—
 Вливалось въ меня и усмирило
 Мою борьбу съ собой... О! этотъ взглядъ...
 805 Онъ мнѣ напомнилъ тотъ прискорбно-
 кроткій,
 Съ какимъ былъ въ оный день мой при-
 Произсеенъ... Но я уже не злобой [говоръ
 Наполнилъ былъ при томъ воспоминаніи
 А скорбію раскаянья глубокой [нашьи,
 810 И чувствовала стремленье пасть на
 землю,
 Зарыть лицо во прахъ и горько плакать...
 То были первыя минуты тайной,
 Будящей душу благодати, первый,
 Еще неясно слышанный, безотвѣтный,
 815 Но уладительный призывъ къ смиренью
 И къ покаянью. Въ языкѣ нѣтъ слова,
 Чтобъ имя дать подобному мгновенью,
 Когда съ очей души вдругъ слѣпота
 Нашеть спадать, и Божій свѣтлый міръ
 820 Внутри и виѣ ея, какъ изъ могилы,
 Начиеть съ ней вмѣстѣ воскресать. Такое
 Движеніе въ моей окаменѣлой
 Душѣ впезано началось... Было
 Оно подобно зыби послѣ бури,
 825 Когда нѣтъ вѣтра, небеса свѣтлѣють,
 А волны долго въ дикомъ безпорядкѣ
 Бросаются, кипить и стонуть. Въ этой
 Борьбѣ души межъ тьмой и свѣтомъ, я
 Неодолимо влеченъ въ край
 830 Отчества почувствовалъ, къ горамъ
 Ерусалима. И къ брегамъ желаннымъ
 Немедря, нѣплылъ я; корабль мой
 Прибила буря къ острову Патмосу
 Промысли
 Господній втайнѣ отъ меня ту бурю
 835 Послалъ. Тамъ жилъ изгнанникъ, ста-
 Столѣтній, Іоаннъ, благовѣститель [рецъ
 Христа и ученикъ Его любимый.
 О немъ не вѣдалъ я... Но Провидѣнье
 Меня безвѣдомо къ нему путемъ
 840 Великою бурю привело, и цѣнью бури
 Корабль нашъ былъ прикованъ къ берегамъ
 Скалистымъ острова, пока со мной
 Вполнѣ мой судьба не совершилась...
 Скитаясь одиноко, я пезапно

845 Во глубинѣ долины, сокровенной
Отъ странника густою тѣнью пальмъ
И кипарисовъ, встрѣтилъ тамъ святого
Апостола...»

При этомъ словѣ паль

850 На землю Агасверъ и долго онъ,
Ложалъ недвижимъ, головой во прахъ;
Когда жъ онъ всталъ, его слезами были
Обланы щеки; а въ чертахъ его
Тысячелѣтняго лица, съ глубокой
855 Печалію, съ невыразимо-грустной
Любовію была слита молитвы
Неизглаголанная святость. Онъ
Былъ въ этотъ мигъ прекрасенъ той
красою,

Какой не знаетъ міръ...

860 Онъ продолжалъ:

«Ни номышлять, ни говорить объ этой
встрѣчѣ

Я не могу иначе, какъ простершись въ
прахъ,

Въ тоскѣ раскаянья, въ тоскѣ любви,
Проникнутой огнемъ благодаренья.

865 Онъ изъ кремня души моея упорной
Животворящимъ словомъ выбилъ пскру
Всепримиряющаго покаянья;

И именемъ Того, кто намъ одинъ
Даетъ надежду, вѣру и любовь,

870 Мой страшнаго отчаянья удѣлъ
Преобратилъ въ удѣлъ святаго мира.
И наконецъ, когда я, сокрушенный,
Какъ тотъ разбойникъ на крестѣ, къ ногамъ
Обиженнаго мной, съ смиреннымъ серд-

цемъ
875 Упавъ, воскликнулъ: «Помяни меня,
Когда во царствіи Своемъ придешь!»
Онъ оросилъ меня водою крещенья.
И на другое утро—о, незаходимый,
О, вѣчный день для памяти моея!

880 За утренней звѣздою солнце тихо
Падъ моремъ подымалось на востокъ,
Когда онъ, передъ хлѣбомъ и предъ чашей
Вина со мной простершись, самъ вина и
хлѣба
Вкусилъ и мнѣ ихъ далъ вкусить,
сказавъ:

885 «Со страхомъ Божиимъ и съ вѣрой, сынъ
мой,

Къ симъ тайнамъ приступи и причастисъ.
Спасенію души въ святомъ Христовомъ
За насъ прозенномъ тѣлѣ и въ Христовой
За насъ пролитой крови». И потомъ
890 Онъ долго поучалъ меня, и мнѣ
открылъ

Значеніе моея, на испытанье
Великое притворенной, жизни;
И наконецъ передъ моими, мракомъ
Покрытыми, очами приподнялъ

895 Покровъ съ грядущаго, покровъ съ
того,

Что было, есть и будетъ...

Начинаю

Скрываться солнце въ тихомъ лоуѣ моря,
Когда, меня перекрестивъ, со мною

900 Святой евангелистъ простился. Вѣтеръ,
Попутный плаванію въ Палестину,
Сталъ дуть: мы поплыли подъ звѣзднымъ
небомъ

Полупрозрачной ночи. Тутъ впервые
Преображеніе моея судьбы

905 Я глубоко почувствовалъ; впервые,
Уже его лѣтъ меня не досѣдававший,
Сонель ко мнѣ на вѣжды сонъ, и съ нимъ
Давно забытая нокая сладость

Мою проникла грудь. Но этотъ сонъ
910 Былъ не одинъ страданія цѣлитель —
Былъ ангель, прямо низлетѣвшій съ неба:
Все, что пророчески евангелистъ
Великій чудно говорилъ мнѣ,

То въ образахъ великихъ этотъ сонъ
915 Явилъ очамъ моея души, и въ ней
Тѣ образы, въ теченіе столѣтій
Ненормаченные, чаея отъ часу
Живѣй изъ облакающей ихъ тайны

Моея души сіяють, передъ ней
920 Неизглаголанно прообразуя
Судьбы грядущія...

Корабль нашъ, вѣтромъ

Попутнымъ тихо по водамъ несомый,
По морю гладкому, не колыхаясь,
925 Летѣлъ; а я непробудимымъ сномъ,
Ночь вбѣняемъ полушею прохлады,

Спалъ, и во снѣ стоялъ передо мной
Евангелистъ и вдохновенно онъ
Слова тѣ огненные повторялъ,
930 Которыми, бесѣдуя со мною,

Передъ моимъ исповсященнымъ окомъ

Разоблачилъ грядущаго судьбу;
И каждое пророка слово, въ слухъ мой
Входя, въ великій превращалось образъ
923 Передъ мной тѣлеснымъ окомъ. Все,
Что ухо слышало, то зрѣли очи;
И въ словѣ говорящаго со мною
Во словѣ пророка все передо мной,
И надо мною, на сунгѣ, на водахъ,
940 И въ вышнихъ небесахъ, и въ глубинѣ
Земли видѣній чудныхъ было полно...

И видѣлъ тронъ, на четырехъ стоящій
Животныхъ шестокрылыхъ, и на троицѣ
Сидящаго съ семью запечатлѣнной
945 Печатами великой книгой.
Я видѣлъ, какъ печати съ книги Агнецъ
Сорвалъ, какъ изъ печатей тѣхъ четыре
Кони исторзились, какъ страшный всад-
никъ—смерть—
На блѣдномъ поскакалъ конѣ, и какъ
950 Предъ Агнцемъ все—и небо, и земля,
И все, что въ глубинѣ земли, и все,
Что въ глубинѣ морей, и небеса,
И все тьмы ангеловъ на небесахъ—
Въ единое сплосея славохваленье.
955 Я зрѣлъ, какъ ангель свѣтлый совер-
двѣнадцати колѣнъ запечатлѣнныя [сплелъ
Печатю живаго Бога; зрѣлъ
Семь ангеловъ съ великими, гнѣвъ Божій,
Вѣды и казнь гласящими трубами,
960 И слышалъ голосъ: «время минова-
лось!»
Я видѣлъ, какъ драконъ, губитель древній,
Вслѣдъ за жемою, двѣнадцать звѣздами
Вѣнчанной, гнался; какъ жена въ пустыню
Спаслася, а ея младенецъ былъ
965 На небо улесенъ; какъ началась
Война на небесахъ, и какъ архангелъ
Пизвергъ дракона въ бездну и его
Всю силу пестребилъ; и какъ потомъ
Изъ моря седмиславый звѣрь поднялся;
970 Какъ обольщенные имъ люди Бога
Отринули; какъ въ небесахъ явился
Сынъ Человѣческій съ серпомъ; какъ
жатва
Великая свершилася; какъ на блѣломъ
Конѣ потомъ блестящій свѣтлымъ, бѣлымъ
975 Оружіемъ—себя жь именовавъ, бѣлымъ
Огнь «Слово Божіе»—явился Всадникъ;

Какъ велѣдъ за Нимъ шло воинство на
бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссошь одѣянное чистый,
И какъ изъ усть Его на казнь людей
980 Мечъ острый походилъ;
Какъ отъ того меча и звѣрь и рать
Его погибли; какъ драконъ, цѣбиями
Окованный, въ пылающую бездну
На тысячу былъ лѣтъ низвергнутъ; какъ
985 Потомъ на высотѣ великій бѣлый
Явился троицъ; какъ отъ лица, на троицѣ
Сидящаго, и небо и земля
Бѣжали, и нигдѣ не обрѣлось
Имъ мѣста; какъ на судъ предстало все
990 Созданіе; какъ мертвыхъ возвратили
Земное чрево и морская бездна;
Какъ разогнулася передъ престоломъ
Господнимъ книга жизни; какъ послѣдній
Судъ по дѣламъ для всѣхъ былъ изреченъ,
995 И какъ въ огонь неугасимый были
Низвержены на вѣчность смерть и адъ...
И новыя тогда изъ небеса
И землю новую узрѣлъ, и градъ
Святой, отъ Бога нисходящій, новый
1000 Ерусалимъ, какъ чистая невѣста
Сіяющій, увидѣлъ. И раздался,
Услышалъ я, великій свыше голосъ:
«Здѣсь скинія Господня, здѣсь Господь
Жить съ человѣками отнынѣ будетъ;
1005 Здѣсь храма нѣтъ Ему; здѣсь Самъ
онъ храмъ Свой;
Здѣсь всякую слезу отретъ Онъ.
Ни смерти болѣе ни слезъ ни скорби
И никакихъ страданій и недуговъ
Не будетъ здѣсь, понеже миновалось
1010 Все прежнее и совершилось дѣло
Господнее. Не нужны здѣсь ни солнце,
Ни свѣтлость дня, ни ночи темнота,
Ни звѣзды неба: здѣсь сіяетъ слава
Господня, и Агнецъ служить здѣсь
1015 Свѣтильникомъ, и Божіе лицо
Спасенные очами видѣтъ будутъ».
И слышалъ я, какъ все небо пространство
Гласъ наполняя отвсюду, говорящій:
«Я Богъ живой, Я Альфа и Омега,
1020 Начало и конецъ. Подходить время»...

Такіе образы въ ту почъ, когда
Я спящій плылъ къ брегамъ Святой Земли,

Мой первый сонъ блаженный озарили.
 Недаромъ я о томъ здѣсь говорю,
 1023 Что пѣз писаній ты безъ вѣры знаешь:
 Хочу, чтобы ты постигъ вполнѣ мой
 Когда пророкъ твоемъ откровенье [жребій].
 Миѣ передалъ своимъ глаголомъ дивнымъ,
 Во глубинѣ души моей оно
 1030 Осталось вѣззаннымъ; и съ той поры
 Во тьмѣ моей приговоренной жизни
 На казнь скитальца Каипа, оно
 Звѣздой грядущаго горитъ; я въ немъ
 Уже теперь надеждою живу,
 1035 Хотя еще не уведень изъ жизни
 Рукой меня отвергнувшей смерти... Солнце
 Выходило въ пламени лучей, когда
 Меня покинулъ сонъ мой; передъ нами
 На лонѣ голубаго моря темной
 1040 Тонулся полосою брегъ Святой
 Земли; одинъ лишь горы—снѣговой
 Хермонъ, Кармилъ прибрежный, кедропос-
 Ливанъ и Элеонъ пѣз низинныхъ горъ— [ный
 Свои зазженныя лучами солнца
 1045 Вершины воздвигали. О, съ какимъ
 Невыразимымъ чувствомъ я ступилъ
 На брегъ земли обѣтованной, гдѣ
 Ужъ не было Израиля! Прошло
 Третъ вѣка съ той поры, какъ я се
 1050 Покинулъ. О, что былъ я въ страшный
 мигъ
 Разлуки съ пей! и что потомъ со мною
 Сбылося и какимъ я возвратился
 Въ страну моихъ отцовъ! Я былъ подобенъ
 Колодицу, который на свободѣ
 1055 Въ ту заглянулъ тюрьму, гдѣ много
 лѣтъ
 Лежалъ въ дѣбняхъ,—гдѣ все, кого на свѣтѣ
 Зналъ и любилъ, съ нимъ вмѣстѣ запертыя,
 Въ его глазахъ погибли; гдѣ каждый день
 Его терзали пыткой палачи,
 1060 И съ ними самый яростный изъ всѣхъ
 Палачъ—обремененное ужасной
 Виною, бунтующее противъ жизни
 И Бога—собственное сердце... Я
 Не помню, что во мнѣ силѣе было—
 1065 Свободы ль сладостное чувство, или
 Ужасная о прошлой пыткѣ память.
 Безлюдною страпою окруженный,
 Гдѣ царствовали опустошенья ужасъ,
 Достигнулъ я Ерусалима. Онъ

1070 Громадой черныхъ отъ пожара камней,
 Какъ мертвый трупъ, избѣченный въ куски,
 Моимъ очамъ явился, вдвое страшный
 Своєю мрачностью въ сіяньи тихомъ
 Безоблачнаго неба. И случилось
 1075 То въ самый праздникъ Пасхи; но его
 Не праздновалъ никто: въ Ерусалимѣ
 Не смѣлъ пародъ на праздникъ свой великій
 Сходиться. Къ бывшему пробравшись
 Святитлицу, узналъ я съ содроганьемъ
 1080 То мѣсто, гдѣ паденьемъ храма я,
 Раздавленный, былъ смертію отвергнутъ.
 Вдругъ, посреди безмолвія развалинъ,
 Въ мой слухъ чуть слышно шепчущее пѣнье
 Проникло: межъ обломковъ я увидѣлъ
 1085 Простертыхъ на землѣ немногихъ стар-
 цевъ,
 И женщипъ, и дѣтей—остатокъ бѣдный
 Израиля. Они рыдая пѣли:
 «Господній храмъ, мы плачемъ о тебѣ!
 Ерусалимъ, мы о тебѣ рыдаемъ!
 1090 Мы о тебѣ скорбимъ, богоизбранній,
 Богоотверженный Израиль! Слава
 Минувшая, мы плачемъ о тебѣ!»
 При этомъ пѣнья я упалъ
 На землю и въ молчаньи плавалъ горько,
 1095 О прежней славѣ Божьяго народа
 И о его постигнутой казни помышляя.
 Но мнѣ онъ былъ уже чужой; онъ чуждъ
 И всей землѣ былъ; не могло
 Его ничто земное ни унизить,
 1100 Ни возвеличить: онъ, пародъ избран-
 Народъ отверженный отъ Бога былъ. [ный,
 На немъ лежитъ печать благословенья, онъ
 Запечатлѣнъ проклятія печатью.
 Въ упорной слѣпотѣ еще онъ ждетъ
 1105 Того, что ужъ свершилося и вновь
 Не совершится; онъ въ своемъ безумствѣ
 Не вѣруетъ тому, что существуетъ
 Имъ столь желанное и имъ самимъ
 Отвергнутое Благо; и его
 1110 Надежда ложь, его безъ смысла вѣра!
 Отъ плачущихъ я тихо удалися,
 И съ трепетомъ межъ камней пробираясь,
 Не узнавалъ слѣдовъ Ерусалима.
 Но вдругъ невольно я оцѣнилъ:
 1115 Передъ собою увидѣлъ я остатокъ
 Стѣны съ ступенями предъ уцѣлѣвшей
 И пастежъ отворенной дверью; въ пей

Сидѣлъ шакаль; онъ, злобыми глазами
Сверкнувши на меня какъ демонъ, скрылся
1120 Въ развалинахъ... То былъ мой преж-
пій домъ...

И я стоялъ предъ дверью роковой
Свидѣтелемъ погибли моей.
И мнѣ въ глаза то мѣсто—гдѣ тогда
Измученный остановился Онъ,
1125 Чтобъ отдохнуть у двери, отъ которой
Безжалостной рукою оттолкнулъ
Я подходящаго ко мнѣ съ любовью
Спасителя — пятномъ суровымъ страшно
Блеснуло. Я упалъ, лицомъ прикинувъ
1130 Къ землѣ, къ которой нѣкогда пога
Святая прикоснулась, и слезами
Я обливалъ ее, и въ этотъ мигъ
Почудилось мнѣ, что Онъ, какимъ
Его тогда я видѣлъ, мимо въ прахъ
1135 Лежавшей головы моей прошелъ
Благословляющій... Я поднялся...
И въ этотъ мигъ мнѣ показалось, будто
Передо мной по улицѣ тянулся
Тотъ страшный ходъ, въ которомъ пѣсь свой
кресть

1140 Онъ, бѣшенымъ ругаемый пародомъ...
Велѣдъ за крестомъ я побѣжалъ, но скоро
Передо мной видѣніе исчезло,—
И я себя увидѣлъ у подошвы
Голговы. Отдѣляясь отъ черной груди
1145 Разваливъ, зелень благоуханной
Весны одѣтая, въ сіяньи солнца,
Сходящаго на западъ, мнѣ она
Торжественно предстала, какъ зазженный
Предъ Богомъ жертвенникъ. И долго-долго
1150 Я на нее смотрѣлъ въ оцѣпенѣньи...
О, какъ она въ величїи спокойномъ
Уединенная тамъ возвышалась;
Какъ было все кругомъ нея безмолвно;
Какъ миротворно солнце неходило
1155 Съ небесъ, на всю окрестность паводя
Вечерній тихій блескъ; какъ былъ ужасенъ
Разрушенный Ерусалимъ, въ виду
Благоухающей Голговы! Долго
Я не дерзалъ моею оскверненной
1160 Игою къ ей святынѣ прикоснуться.
Когда жъ взомель на высоту ея,
О, какъ мое затрещало сердце!
Моиъ глазамъ трехъ рытвинъ слѣдъ
Полузатлаженныхъ, на мѣстѣ, гдѣ [явился,

1165 Три были нѣкогда водружены
Креста. И передъ нимъ простершись въ
прахъ,

Я горькими слезами долго плакалъ.
Но въ этотъ мигъ раскаянья — терзанья
И благодарностью, невыразимой

1170 Словами человѣческими, было.
Казалось мнѣ, что крестъ еще стоялъ
Надъ головою моею, что я, его
Обнявъ, къ нему всей грудью прижимался,
Какъ блудный сынъ, колѣнопреклоненный
1175 Къ ногамъ отца, готового простить...
Дни праздника провелъ я одиноко,
На высотѣ Голговы, въ покаяньи,—
Однѣмъ, отвеоду разрушенемъ страшнымъ
Земныхъ величїи и всего, что было

1180 Моимъ житейскимъ благомъ, окруженъ-
Между обломками Врусалима [ный.

Пробравшись, и перешедъ Кедронъ,
Достигнулъ я по скату Элеонской
Горы до Гесиманскихъ густотѣныхъ

1185 Оливъ. Тамъ, сокрушенный, долго я
Во прахъ горько плакалъ, помышляя
О тѣхъ словахъ, которыя Онъ здѣсь—
Онъ, сильный Богъ, какъ человѣкъ по-

слѣднихъ
Страданіемъ лишенный силъ — въ смер-
тельной

1190 Тоскѣ здѣсь произнесъ, на поученье
И на подпору всѣмъ земнымъ страдалъ-
цамъ.

Его божественной я не дерзнулъ
Молитвы повторить; моимъ устамъ
Дать выразить ся святншо я

1195 Достоинъ не былъ. Но какое слово
Изобразить очарованье почи,
Подъ сѣнью Гесиманскихъ маслинъ мною
Въ молчанїи всемірномъ проведенной!

Когда взомель на верхъ я Элеонской
1200 Горы, съ которой, все свершивъ зем-
Сынъ Человѣческой на небеса [ное,
Вознесся—предо мной явилось солнце
Въ неизреченномъ блескѣ на востокѣ;
Зажглась горы вершина; топкій паръ

1205 Еще надъ сѣнью маслинъ Гесиманъ-
Лежалъ; но въ вдалекѣ уже горѣла [скихъ
Въ сіяньи утреннемъ Голгова. Чернымъ
Остовомъ, посреди ихъ, весь еще
Покрытый тѣнью отъ Элеонской

1210 Горы, лежалъ Ерусалимъ, какъ будто
Слѣнья воскресительнаго ждущій... Я
Въ послѣдній разъ съ святой горы взгля-

нулъ
На градъ Израилевъ, на сокрушенный
Ерусалимъ,—еще въ его обломкахъ

1215 Я видѣлъ грунь съ знакомыми чертами;
Но скоро онъ и въ признакахъ своихъ

Былъ долженъ умереть: была готова
Рука, чтобъ разбросать его обломки;

Былъ плугъ готовъ, чтобъ запахать то мѣ-

1220 Гдѣ пѣвогда стоялъ Ерусалимъ. [сто,
На гробъ прежняго другой былъ долженъ

Воздвигнуться, несокрушимо-твердый
Одной Голговою, и вовсе чуждый

Израилю бездомному,—какъ я,
1225 На горькое скитанье по землѣ

Приговоренному до нисхожденья
Отъ неба поваго Ерусалима.

Благословивъ на вѣчную разлuku
Господній градъ, я отъ него пошелъ,—

1230 И съ той поры я странствую... Но
слушай.

Мой жребій все остался тотъ же, страп-

ный,
Какимъ онъ въ первое мгновенье палъ
На голову преступную мою.

Какъ прежде, я не умирать я вѣчно
1235 Скитаться здѣсь приговоренъ; веѣмъ

людямъ
Чужой, вселяющій въ сердца ихъ ужасъ,
Иль отвращеніе, или презрѣнье;

Нужды житейскія терпящій: голодъ, жажду,
И зной, и неполаду; подаянемъ

1240 Питаться принужденный, принимаая
Съ стыдомъ и скорбію, что первый встрѣч-

ный
Съ пренебреженьемъ мнѣ обиднымъ бросить.

Мнѣ самому нѣтъ смерти, для людей же
Я мертвый; мнѣ ни жизнь мою утратить,

1245 Ни безутратной жизнью дорожить
Не можно; ни откуда мнѣ опасность

Не угрожаетъ на землѣ: разбойникъ
Меня зарѣзать не посмѣетъ; звѣрь,

И голодомъ яримый, повстрѣчавшись
1250 Со мною, въ страхъ убѣжить; не схва-

Меня земля разпнутой своею [титъ
Съ землетрясеніе пастью; не задушить

Меня гора своимъ обваломъ; море
Въ своихъ волнахъ не дастъ мнѣ захлеб-

нуться.
1255 Веѣ, веѣ мои безумныя попытки
Жизнь уничтожить были безуспѣшны:

Самоубійство недоступно мнѣ;
Не смерть, а неубійственную съ смертью

Борьбу напрасно мучимому тѣлу
1260 Могу я дать безплодными своими

Порывами на самоистребленье;
А душу изъ темницы тѣла я

Не властенъ вырвать: вновь оно,
Въ куски изорванное, воскресаетъ.

1265 Такъ я скитаюся. И нѣтъ, ты скажешь,
Страшнѣй моей судьбы. Но вѣдай: если

Моя судьба не измѣнилась—самъ я
Уже не тотъ, какимъ былъ въ то мгновенье,

Когда проклятье пало на меня,
1270 Когда, своей вины не признавая,

Свирѣло самъ я проклиналъ Того,
Кто приговоръ противъ меня изрекъ.

Я проклиналъ, я бѣшено боротся
Съ неодолимой Силою дерзалъ.

1275 О, я теперь иной!.. Тотъ, за меня
Поднятый къ небу, мученика взгляды

И благодать, словами Богослова
Въ меня вліянная, переродили

Озлобленность моей ожесточенной
1280 Души въ смиреніе, и на Голгоѣ

Постигнулъ я все благо казни, Имъ
Произнесенной надо мной, какъ мнилось

Безумцу мнѣ, въ непримиримомъ гнѣвѣ.
О, Онъ въ тотъ мигъ, когда я Имъ ругался,

1285 Меня казнилъ какъ Богъ: меня спа-
ногибелью моей, и мнѣ изрекъ [салъ

Въ своемъ проклятіи благословенье.
Какимъ путемъ Его рука меня,

Вѣжавшаго въ то время отъ Голгоѣ,
1290 Гдѣ крестъ еще Его дымился кровью,

Обратно привела къ ея подошвѣ!
Какое далъ мнѣ воспитанье Онъ

Въ училищѣ страданій неслыханныхъ,
И какъ цѣна, которою купилъ я

1295 Сокровище, Имъ избранное мнѣ,
Предъ купленнымъ неоцѣненнымъ бла-

гомъ—
Ничтожна!.. Такъ, перерожденный, новый,

Пошелъ я отъ Голгоѣ, произвольно,
Съ благодареніемъ взявъ на плечѣ

1300 Всея грузъ моей судьбы и сокрушенно
 Моей вины всю глубину измѣривъ.
 О, благодать смиренія! о, сладость
 Цѣлительной раскаянья печали
 У ногъ Спасителя! Какою новой
 1305 Наполнился я жизнью; какой
 Во мнѣ и вокругъ меня иной открылся
 Великій міръ, когда, себя пизвергнувъ
 Смиреньемъ въ прахъ и уничтоживъ
 Всѣ обаянія, всѣ упованья
 1310 Земныя,—я бунтующую волю
 Свою убилъ предъ алтаремъ Господнимъ,
 Когда одинъ съ раскаянной виною
 Передъ моимъ Спасителемъ остался!
 Блаженъ стократъ, кто вѣруетъ, не видѣвъ
 1315 Очами, а смиренно волею разумъ
 Святыиъ откровенья покаянія!
 Очами видѣлъ я, но вѣрѣ долго
 Не отворяла дверь моей души
 Бунтующая воля. Наконецъ,
 1320 Когда я всю мою вину постигнулъ,
 Раскаяньемъ терзаемый, былъ брошенъ
 Къ ногамъ обруганнаго мною Бога—
 Моей судьбы пенсаза безотрадность;
 Все измѣнилось: Тотъ, Кого безумно
 1325 Я отрицалъ—моимъ въ пустынѣ жпз-
 Соутникомъ, подиорой, другомъ, все [ни
 Земное замѣнившимъ, все земное
 Забвенію предавшимъ, сталъ!
 За Нимъ, какъ за отцомъ дитя, пошелъ я,
 1330 Исполненный глубокимъ сокрушеньемъ,
 Которое, мою прозябая душу, [емъ,
 Къ нему съ глубокую любовь
 Питало, какъ елей питаетъ пламя
 Въ лампадѣ храма. И мою въ Него
 1335 Я вѣру всеми силами любилъ,
 Какъ утопающій ту доску любить,
 Которая въ волнахъ его спасаетъ.
 Но этотъ миръ достался мнѣ не вдругъ.
 Мертвецъ между живыми, навсегда
 1340 Къ изорному прикованный столбу
 Передъ толпой ругательной колодникъ,—
 Я часто былъ тоской одолаваемъ:
 Тогда роптанье съ устъ моихъ срывалось.
 Но каждый разъ, когда такой порывъ
 1345 Души, обиженной презрѣньемъ горь-
 кимъ
 Людей, любимыхъ ею безотвѣтно,
 Меня крушила, мнѣ явственнѣе являлось

Чудовище моей вины, меня
 Пожрать грозящее, и съ обноваснной
 1350 Покорностью сильнѣй я прижимался
 Къ окровавленному кресту Голговы.
 И наконецъ, по долгой, несказанной
 Борьбѣ съ неукротимымъ сердцемъ, послѣ
 Неесчетныхъ переходовъ отъ паденій,
 1355 Ввергающихъ въ отчаянье, къ побѣдамъ
 Вновь воскрешающимъ, по многихъ, въ
 крѣпкій
 Металлъ кующихъ душу, испытаньяхъ,
 Я началъ чувствовать въ себѣ тотъ миръ,
 Который, всю объемя душу, въ ней
 1360 Покорнаго терпѣнья тишину
 Неизглаголанную водворяетъ.
 Съ тѣхъ поръ во мнѣ смирилось все: чего
 Желать? О чемъ жалѣть? Чего страшиться?
 Пачто тревожить жаждущее сердце
 1365 Надеждами? Зачѣмъ скорбѣть, встрѣчая
 Презрѣніе плъ злобу отъ людей?
 Я съ Нимъ, Онъ мой, Онъ все, въ Немъ
 все, Имъ все,
 Все отъ Него, все одному Ему—
 Такое для меня знаменованье
 1370 Теперь пріяла жизнь. Я казнь мою
 Веѣмъ сердцемъ возлюбилъ: она моей
 Души хранитель. И съ людьми, меня
 Отвергшими, я примирился, въ сердцѣ
 Божественное поминая слово:
 1375 *Отецъ! прости мнѣ: что́ тво-
 рять, не знаю!*
 Межъ ними банжяго я не имѣю,
 Но сердце къ нимъ исполнено любовью.
 И знай: пространства нѣтъ здѣсь для меня
 —Такъ соизволилъ Богъ!—въ одно мно-
 1380 Могу туда перепосытаться я, [венье
 Куда любовь меня пошлетъ на помощь,
 На помощь—но не дѣломъ, словомъ: что́
 Могу я сдѣлать для людей? по словомъ
 Утѣхи, состраданія, надежды,
 1385 Иль укоризны, иль остеререженія.
 Хотя мнѣ на любовь всегда одинъ
 Отвѣтъ: ругательство или презрѣнье;
 Но для меня въ отвѣтѣ нужды нѣтъ...
 Мнѣ нѣтъ мѣста ни въ какомъ семействѣ; я
 1390 Не радуюся ничьему рожденью,
 И никого роднаго у меня
 Не похищаетъ смерть. Всѣ покаянья,
 Одно встѣтъ за другимъ, уходить въ землю:

Я ни съ однимъ изъ нихъ не различаюсь,
¹³⁹⁵ И ихъ отбытіе мнѣ незамѣтно.
 Любовью къ людямъ безнаградной—я
 Любовь къ Спасителю, любовь къ Царю
 Любви, къ ея Источнику, къ ея
 Подателю питаю...
¹⁴⁰⁰ Моя любовь къ нимъ есть любовь къ
 Кто первый возлюбилъ меня; любовь, [Тому,
 Которая не идетъ своего,
 Не превозносится, не мыслить зла,
 Не знаетъ зависти, не веселится
¹⁴⁰⁵ Неправдою, не метитъ, не осуждастъ;
 Но милосердствуетъ, по вѣру емастъ
 Всему, смиряется и долго терпитъ.
 Той любовію я близокъ къ людямъ,
 Хотя и розно съ ними несказанной
¹⁴¹⁰ Мосю участію; въ веселья ихъ
 Семействъ, въ народныя пиры ихъ
 Я не мѣшаюся; по есть одно,
 Что къ нимъ меня заводитъ: это смерть,
 Давно утраченное мною благо.
¹⁴¹⁵ Безъ ропота на горькую утрату,
 Я въ кругъ людей вхожу, чтобъ смертию,
 Въ ея земныхъ явленяхъ насладиться.
 Когда я вижу старика въ послѣдней
 Борьбѣ съ кончиною, съ крестомъ въ рукахъ,
¹⁴²⁰ Сначала дышущаго тяжело, вдругъ
 Блѣднаго и митротворнымъ сномъ
 Заснуваго, и вокругъ его постели
 Стоитъ въ молчаніи семья, и очи
 Ему рука родная закрываетъ;
¹⁴²⁵ Когда я вижу блѣднаго младенца,
 Возвышеннаго въ ангелы небесъ
 Прикосновеніемъ безмолвнѣе смерти;
 Когда расцвѣтшую невѣсту—дочь,
 Похищенную вдругъ у всѣхъ житейскихъ
¹⁴³⁰ Случайностейъ хранительною смертію,
 Отецъ и мать кладутъ во гробъ; когда
 Въ тюремныхъ мракахъ сладко засыпаютъ
 Послѣднимъ сномъ измученный колодникъ;
 Когда на полѣ бои, переставъ
¹⁴³⁵ Терзаться въ судорогахъ смертныхъ,
 Огостенѣлые лежатъ спокойно. [трушы
 Всѣ эти зрѣлища въ меня вливаютъ
 Тоску глубокую; она меня—
 Какъ устарѣлаго скитальца память
¹⁴⁴⁰ О сторонѣ, гдѣ онъ родился, гдѣ
 Провелъ молодые дни, гдѣ былъ богатъ
 Надеждами—томить. И слезы

Вбѣгутъ пзъ глазъ моихъ; меня объемятъ
 Упылость,—я завидую счастливымъ,
¹⁴⁴⁵ Сокровища неощипимой смерти,
 Его не зная, сохранившимъ... Есть
 Еще одно великое мгновенье,
 Когда я въ кругъ людей, какъ ихъ родной,
 Какъ сонскупленный ихъ братъ, вступаю:
¹⁴⁵⁰ Съ смиреніемъ презрѣнне ихъ пріемля,
 Какъ очистительное наказанье
 Моей вины, я къ тайнѣ причащенья.
 Со страхомъ Божиимъ и вѣрой, сердцемъ
 Единымъ съ ними приступаю. Въ часъ,
¹⁴⁵⁵ Когда небесныя возримо силы
 Предъ Божиимъ престоломъ въ храмѣ слу-
 И херувимовъ братство христіанъ [жатъ,
 Шестокрылатыхъ тайно образуетъ,
 И всякое земное пошепенье
¹⁴⁶⁰ Забывъ, доиноснаго чинами
 Небеснымъ Царя царей подѣмлетъ,—
 Въ великій часъ, когда, на всѣхъ концахъ
 Созданія, въ одну сливается душу
 Всѣхъ христіанъ таинственная жертва;
¹⁴⁶⁵ Когда живые всѣ—и царь, и нищій,
 И счастливый, и скорбный, и свободный,
 И узникъ, и всѣ мертвые въ могилахъ,
 И въ небесахъ святые, и предъ Богомъ
 Всѣ ангелы и херувимы, въ братство
¹⁴⁷⁰ Единое совокупаются, чаши
 Спасенія предстоятъ—о, въ этотъ часъ
 Я людямъ братъ! моя судьба забыта;
 Ни прошлаго, ни будущаго пѣтъ;
 Все предо мной земное исчезаетъ;
¹⁴⁷⁵ Я чувствую блаженное одно
 Всего себя уничтоженье въ Божьемъ
 Присутствіи неизреченомъ...
 Что былъ бы я безъ этой казни, вею
 Мою пересосававшей душу? Злобнымъ
¹⁴⁸⁰ И пераскаяннымъ Богоубійцей
 Сошелъ бы въ землю... А потомъ?.. Теперь
 О, будьте вы навѣкъ благословенны, [же...
 Уста, изреченія мой приговоръ!
 О, Ты, лицо, подъ терніемъ вѣнца
¹⁴⁸⁵ Облитое струями крови, Ты,
 Печальный, на меня поднятый взоръ,
 Ты, голодь, сладостный и въ изреченіи
 Преступнику суда—васъ навсегда
 Раскаянне хранить въ моеи душѣ;
¹⁴⁹⁰ Оно васъ въ ней, своєю мѣлой, въ
 Надежду и любовь преобратило. [вѣру,

Разрушивъ все, чѣмъ драгоценна жизнь,
 И осудивъ меня не умирать,—
 Въ замѣну даль Себя. За Нимъ
¹⁴⁹⁵ Иду я черезъ мѣръ уединеннымъ
 Путемъ, чужой всему, что вокругъ меня
 Кипитъ, тревожитъ, радуется, волнуется,
 Томитъ сомнѣніемъ, терзаетъ жаждой
 Корысти, сладострастья, славы, власти.
¹⁵⁰⁰ Что пужно мнѣ? На голодь корка хлѣба,
 Ночлегъ на непогоду, ветхій платъ
 На покровенные наготы—во всемъ
 Пномъ я независимъ отъ людей
 И міра. На потребу нужно мнѣ одно—
¹⁵⁰⁵ Покорность, и предъ Господомъ всей
 Уничтоженіе. О, сколько силы, [воли
 Какая сладость въ этомъ словѣ сердца:
Твое, а не мое да будетъ! Въ немъ
 Вся человѣческая жизнь; въ немъ наша
¹⁵¹⁰ Свобода, наша мудрость, наши все
 Надежды; съ нимъ нѣтъ страха, нѣтъ заботъ
 О будущемъ, сомнѣній, колебаній;
 Нимъ все намъ ясно; случай исчезаетъ
 Изъ нашей жизни; мы своей судьбы
¹⁵¹⁵ Властители, понеже власть Тому
 Надъ нею предали смиренно, Кто
 Одинъ всеисполнилъ, все за насъ, для насъ
 И нами строить, намъ во благо. Мѣръ,
 Въ которомъ я живу, который вамъ,
¹⁵²⁰ Сабынымъ невольникамъ земнаго, дол-
 Казаться дикою пустыней... нѣтъ, [женъ
 Онъ не пустыня: съ той поры, какъ я
 Былъ силою Всевышней постигнутъ,
 И, уничтоженный, предъ нею налъ
¹⁵²⁵ Во прахъ, она передо мною вся
 Въ твореніи Господнемъ отразилась.
 Мѣръ человѣческой исчезъ, какъ призракъ,
 Передъ Господнею природою; въ ней
 Все выше сдѣлалось размѣромъ, все
¹⁵³⁰ Прямо высшее знаменованье.
 О, этотъ мѣръ презрительнымъ житейскимъ
 Заботамъ недоступенъ; онъ безвѣрю
 Ужасенъ. Но тому, кто сердцемъ весь
 Раскаянья сосудъ исполнилъ до дна,
¹⁵³⁵ И Бога угадавъ страданьемъ, въ руки
 Къ Нему изъ сокрушительныхъ когтей
 Отчаянія убѣжалъ—тому
 Природа врачъ, великая бесѣда,
 Господняя развернутая книга,
¹⁵⁴⁰ Дѣ буква каждая благовѣститъ

Его Евангеліе. Нѣтъ, о, нѣтъ,
 Для выраженья той природы чудной,
 Которой я, истерзанный, на грудь
 Упалъ, которая лѣкарство мнѣ
¹⁵⁴⁵ Всегда цѣлящее даетъ—я словъ
 Не знаю. Небо голубое, утро
 Безмолвное въ пустышѣ; свѣтъ вечерній,
 Въ послѣднемъ облакѣ летиціи съ неба;
 Соборъ свѣтилъ во глубинѣхъ небесъ;
¹⁵⁵⁰ Глубокое молчанье лѣса; моря
 Необозримое тихая, или голосъ
 Невыразимый въ бурю; горъ—потопа
 Свидѣтелей—громады; безпредѣльныхъ
 Степей песчаныхъ зыбь и зной; кипѣнья,
¹⁵⁵⁵ Блистанья, ревъ и грохотъ водопадовъ...
 О, какъ могу изобразить творенья
 Все обаяніе. Среди Господней
 Природы, я наполненъ чуднымъ чувствомъ
 Уединенія, въ неизреченномъ
¹⁵⁶⁰ Его присутствіи, и чудеса
 Его созданія въ моей душѣ
 Блаженною становятся молитвой;
 Молитвой—но не призываемъ въ часъ
 Страданія на помощь, не прошеньемъ,
¹⁵⁶⁵ Невыраженнымъ страхомъ надежды,—
 Смирненнымъ, безсловеснымъ предстояньемъ
 И сладостнымъ глубокимъ постиженьемъ
 Его величія, Его святости,
 И благодати, и безпредѣльной власти,
¹⁵⁷⁰ И сладостной сыновности моей,
 И моего предъ Нимъ уничтоженія—
 Невыразимый вздохъ, въ которомъ вся
 Душа къ Нему, горящая, стремится—
 Такою предъ Его природою чудной
¹⁵⁷⁵ Становится моя молитва. Съ нею
 Сливается нерѣдко вдохновенье
 Поэзіи... Поэзія—земная
 Сестра небесныхъ молитвы, голосъ
 Создателя, изъ глубины созданья
¹⁵⁸⁰ Къ намъ исходящій чистымъ отго-
 лосомъ
 Въ гармоніи восторженнаго слова!
 Величіемъ природы вдохновенный,
 Непроизвольно и пою—и мнѣ
 Въ моемъ уединеніи, полпомъ Бога,
¹⁵⁸⁵ Созданіе внимаешь, посреди
 Своихъ лѣсовъ густыхъ, своихъ громадныхъ
 Утесовъ и пустышъ необозримыхъ,
 И съ высоты своихъ холмовъ зеленыхъ,

Съ которыхъ видны золотыя пивы,
 1590 Веселья селенья челоѣковъ,
 И все движенье жизни скоротечной...

Такъ странствую я по землѣ, въ
 глазахъ

Людей проклятыи Богомъ, никакому
 Земному благу непричастный, злобный,
 1595 Все несправидливии скиталець. Тайны
 Моей они не постигаютъ; путь мой
 Изъ взорамъ не открытъ: по высотамъ
 Созданія идегъ оны; тамъ, гдѣ я
 Лишь небеса Господнія святыя
 1600 Надъ головою вижу; а внизу,
 Далеко подъ ногами, весь смятенный
 Миръ челоѣчскій. И съ высоты
 Моей, съ нимъ не дѣлясь его судьбой,
 Я, всю ее однимъ объемля взоромъ,
 1605 Въ ее волненіяхъ и измѣненіяхъ,
 Какъ въ неизмѣнной стройности природы
 Я вижу, слышу, чувствую лишь Бога
 Изъ глубины уединенія, гдѣ
 Онъ мой единый собесѣдникъ, мнѣ
 1610 Его пути среди разнообразныхъ
 Судебъ земныхъ видѣнъ. И ужъ второе
 Тысячелѣтіе къ концу подходитъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ по землѣ я одинокой
 Дорогою иду. И въ этотъ путь
 1615 Пошелъ я съ той границы, на которой
 Миръ древній кончился, гдѣ на его
 Могилѣ колыбель свою поставилъ
 Новорожденный миръ. За сей границей,
 Какъ великанскія, сквозь тонкіи сумракъ
 1620 Разсвѣта, смутно зримаыя громады
 Снѣжногоровыхъ горъ, стоятъ — минувъ
 Вѣковъ видѣнія: остовы древнихъ [шхъ
 Имперій, какъ слои въ огромномъ тѣлѣ
 Горъ первобытныхъ, слитые въ одно
 1625 Великое минувшаго создаше...
 Стовратныя египетскія Оивы
 Съ обломками неизмѣримыхъ храмовъ,
 Остатки насыпей и земляныхъ
 Кургановъ тамъ, гдѣ были Вавилонъ
 1630 И Ниневія, пепель Персеполя —
 Давнишняго природы обожалья
 Свидѣтели—являются тамъ въ мертвомъ
 Величїи. И посреди сихъ, въ ужасъ
 Ввергающихъ, Востока великановъ,
 1635 Межъ лаврами душистыми лежать

Развалины Элады, красотою,
 Поэзіей, искусствомъ и земною
 Блестящей мудростію и наслажденіемъ
 Роскошества чаряя землю. Быстро
 1640 Времени въ потокъ скрылася она;
 Но на ея гробницѣ вѣтъ геній
 Неумирающихъ. Тамъ, наконецъ,
 Въ одну столпясь великую громаду,
 И храмы Греціи, и пирамиды
 1645 Египта, и сокровища Востока,
 И древній весь до-христіанскій Западъ,
 Могуцій Римъ ихъ груди обратилъ
 Въ одну, ему подвластную, могилу.
 Съ пригорка, гдѣ немного жизни было,
 1650 Наименованный когда-то Римомъ,
 Самъ изъ себя онъ внутреннею силою
 Медлительно, въ теченіе вѣковъ,
 Зерно къ зерну могущества земнаго
 Неумолимо прибавляя, выросъ.
 1655 Онъ грозно, наконецъ, свое міродержавъ
 Между народами рабовъ одинъ [ство,
 Свободный, какъ великій монументъ
 Надгробный имъ разрушенныхъ державъ,
 Воздвигнулъ. Этотъ Римъ, въ то время,
 1660 Когда меня моя судьба постигла,
 Принесши все Молоху государство
 Въ жертву и всѣ частныя земли
 Разрушивъ блага, чтобъ на нихъ построптъ
 Публичнаго безжизненнаго блага
 1665 Темницу,—этотъ Римъ, въ то время
 Владыка всѣхъ, рабомъ былъ одного,
 И вся вселенная на разграбленіе
 Была ругательное предана
 Лишь только для того, чтобъ бесарь могъ
 1670 Роскошничать въ палатахъ золотыхъ,
 Чобъ чернъ всегда имѣла хлѣбъ и игры...
 А между тѣмъ, въ ничтожномъ Виолеемѣ
 Былъ въ ясли положенъ Младенець...
 Римъ
 О Немъ не вѣдалъ Но когда Онъ былъ
 1675 На крестъ позорный вознесенъ, судь-
 бины
 Міровластительства его ударилъ часть,
 И въ то же время былъ разбитъ и
 брошенъ
 Живаго Бога избранный сосудъ—
 Израиль. Палъ Ерусалимъ. Его
 1680 Святилище покинувъ,—Откровеше
 Всему явилось міру, и великій

Споръ начался тогда межъ княземъ міра
И царствомъ Божиимъ. Одинъ скитался я
Между земными племенами,
¹³⁸⁵ Очами могъ слѣдить неизмѣнимый
Господній путь сквозь все ихъ измѣненія...
Терзая мучениковъ, Римъ ихъ кровью
Христову пашню для всемірной жатвы
И для своей погибели удобрилъ.
¹⁸⁹⁰ И возрасла она...

1851—1852.

ИЗЪ АПОКАЛИПСИСА.

I.

...И въ ономъ снѣ видѣнія стѣснились,
И чудные мнѣ слышались гласы...
Мнѣ голосъ былъ: «Я Альфа и Омега;
Я сущій, будущій и бывшій; Я
⁵ Живущій, и въ моей рукѣ ключъ ада
и смерти.»—И увидѣлъ я, что Нѣкто
Въ одеждѣ дѣиной, съ поясомъ златымъ,
Какъ пламень солнечный лицомъ, семь
звѣздъ
Въ десницѣ, и двустрый мечъ изъ усть,
¹⁰ Сидѣлъ на тронѣ. И четыре тронъ
Животныхъ на хребтѣ держали,
Имѣя образъ льва, тельца, орла
И человѣка; и шесть крыльевъ было
У каждаго [животнаго великихъ];
¹⁵ И были крылья ихъ могучими очами
покрыты;
[И нѣтъ ни днемъ, ни ночью имъ покоя].
И горній тронъ тотъ окружали двадцать
Четыре старца—на престолахъ, въ бѣлыхъ
Одеждахъ, съ золотыми на главахъ
²⁰ Коропами, сидѣвшіе. И громко
Животные тронодержавцы пѣли:
«Святъ! святъ! святъ!» Когда же начп-
налось
Ихъ пѣніе, все предъ горнимъ тропомъ
Четыре старца падали на землю, [двадцать
²⁵ Къ Его ногамъ клади свои короны.
И новое предстало мнѣ видѣніе:
Въ рукѣ Сидѣвшаго узрѣлъ я книгу:
Извнѣ и извнутри она была
Исписана, и было семь на ней

³⁰ Печатей. И былъ голосъ: «Кто достоинъ
Печати съ книги сняты?...» И плакалъ я,
Что не было достойнаго. Тогда
Предъ Тѣмъ, Кто возсѣдалъ на горнемъ
тронѣ,
Среди животныхъ и вѣчныхъ стар-
цевъ,
³⁵ Сталь седмирогій, седмирогій Агнецъ,
Какъ бы заклапный; Онъ взялъ книгу;
тутъ

На землю передъ Нимъ все палъ двадцать
Четыре старца; арфы были въ ихъ
Рукахъ и золотыя чаши. Съ нихъ же
⁴⁰ Святыхъ молитвы, дымомъ онѣма
Благоухал, къ трону подымались.
И новую воспѣли пѣснь тутъ старцы;
И ангелы тогда окрестъ животныхъ
И старцевъ, тысячами тысячъ, пѣсье
⁴⁵ Ихъ повторили; съ ними жъ все создалье,
Все—что на небесахъ, что на землѣ,
Что подъ землей, что на моряхъ, что въ
безднѣ

Морей—Сѣдямому на горнемъ тронѣ
Воспѣло, въ пѣснь одну слясь: «Тебѣ
⁵⁰ Влагословенъ, слава и держава
Во вѣки!» И «аминь!» провозгласили
Животныя; на землю пали старцы.
И къ запечатанной приближась книгѣ,
Снялъ Агнецъ первую печать—и бѣлый
⁵⁵ Явился конь; его сѣдокъ держалъ
Великій лукъ, и былъ ему вѣнецъ
Данъ на побѣду. Агнецъ снялъ другую
Печать—предсталъ конь огненнаго цвѣта,
На немъ сѣдокъ съ мечомъ [убійства].
⁶⁰ Когда печать снялъ третью съ книги
Агнецъ—

Явился черный конь, и мѣру всадникъ
Его имѣлъ въ рукѣ. Когда же Агнемъ
Снята была четвертая печать—
Конь бѣдный выбѣжалъ, и былъ ужасный
⁶⁵ На немъ сѣдокъ, и тотъ сѣдокъ былъ—
смерть!

И адъ за нимъ бѣжалъ, и власть имѣлъ онъ
Губить мечомъ и голодомъ и моромъ,
И дикимъ звѣремъ. Пятую печать
Снялъ Агнецъ—души убіенныхъ громко
⁷⁰ О мщеньи возопили. Но одѣлъ
Ихъ въ ризы бѣлыя, дабы они
Съ терпѣніемъ того, что будетъ, ждали.

Когда жъ печать шестую Агнець снялъ —
 Настало страшное землетрясенье;
 75 Какъ власяница солнце потемнѣло,
 И сдѣлалась луна какъ кровь. И звѣзды,
 Какъ плодъ смоковницы великимъ вѣтромъ
 Шатаемой, попадали на землю;
 И небо, вдругъ свернувшись какъ сви-
 токъ,
 80 Исчезло; съ мѣсть своихъ на сушѣ горы
 И въ морѣ острова сбѣжали. Всѣ
 Пары земные, ихъ вожди, вельможи,
 И силные, и всякій рабъ, и всякій
 Свободный—скрылися въ ущелья горъ
 85 И въ глубины пещеръ, и говорили
 Горамъ: «падите на главы намъ, скройте
 Насъ отъ Сѣдящаго на тронѣ; скройте
 Насъ отъ разгнѣваннаго Агнца... Страшный
 День гнѣва наступилъ Его: предъ Имъ
 90 Кто устоитъ?...» Тогда я четырехъ
 Увидѣлъ ангеловъ: на четырехъ углахъ
 Земли они стояли и четыре
 Въ рукахъ держали вѣтра, чтобы вѣтеръ
 Ни на морѣ не вѣялъ, ни на землѣ,
 95 Ни на древа земли. Тутъ увидѣлъ
 Я ангела: съ востока солнца въ блескѣ
 Идущаго, и онъ держалъ въ рукѣ
 Печать живаго Бога. И тогда
 Свершилося двѣнадцати колѣнъ
 100 Запечатлѣнне той живой печатью
 И вдругъ—и тронъ и Агнца окружилъ
 Безчисленность людей изъ всѣхъ народовъ
 И поколѣній, въ бѣлыхъ одѣяньяхъ,
 Съ вѣтвями пальмъ въ рукахъ, и возгла-
 105 Они хвалу Сѣдящему на тронѣ [силы
 И Агнцу. Тутъ всѣ четверо животныхъ,
 Всѣ старцы и всѣхъ ангеловъ, кругомъ
 Стоявшихъ, легионы—пали ницъ,
 Воскликнувъ: «Честь, благодаренье, слава,
 110 Премудрость, власть и сила и держава
 И поклоненье Господу во вѣки
 Вѣковъ!» И Агнець снялъ печать седьмую:
 Глубокое безмолвье воцарилось
 На бесесахъ какъ бы на полчаса.
 115 Семь ангеловъ приблизилися къ трону—
 И было имъ дано семь трубъ. Потомъ
 Осьмой съ кадилъницею ангелъ
 Предъ жертвенникомъ сталъ и съ оміа-
 момъ
 На жертвенникъ молитвы возложилъ

120 Святыхъ—и отъ руки его вознесся
 Моленій дымъ благоуханно чистый.
 Потомъ онъ, жертвеннымъ огнемъ напол-
 Кадильницу, повергъ ее на землю. [нивъ
 И сдѣлалися повсюду гласы, молній
 125 Блистанье, громы, шумъ землетрясенья.
 И вострубить семь ангеловъ готовясь,
 Приставили семь трубъ къ своимъ устамъ.
 И съ первую трубой—огонь и градъ
 На землю пали съ кровью, и сгорѣла
 130 Деревьевъ третья часть, и вся трава
 Зеленая сгорѣла. Со второй
 Трубой—гора пылающая въ море
 Низверглася, и моря третья часть
 Преобратилась въ кровь, и третья часть
 135 Живущихъ въ морѣ умерла, и третья
 Часть плавшихъ по морю судовъ погибла.
 Съ третьей
 Трубой—звѣзда, горящая какъ свѣточъ,
 На третью часть истоковъ водныхъ, рѣкъ
 И всѣхъ земныхъ потоковъ пала съ неба,
 140 И воды стали горьки какъ полынь,
 И люди всѣ, ихъ пившіе, погибли.
 Съ четвертою трубой—затмилась третья
 Часть солнца и луны и звѣздъ, и третья
 Часть дня была безъ свѣта, и третья
 145 Часть ночи безъ сянья звѣздъ, и было
 Въ томъ мракѣ слышно, какъ летѣлъ,
 Крылами, ангелъ, вопіющій: «Горе [шума
 Живущимъ на землѣ, когда отъ трехъ
 Последнихъ трубъ изыдетъ голосъ!» Съ
 150 Трубою—новая звѣзда упала [пятой
 Съ небесъ, и былъ ей данъ отъ бездны
 И отворилась бездна, и пошелъ [ялючь.
 Изъ бездны дымъ, какъ изъ великой печи.
 И помрачилось отъ дыма солнце
 155 И все воздушное пространство.
 Изъ дыма тучей саранча петорглася
 И кинулася—не на луга густые
 И не на зеленъ нивъ, но на людей,
 Неполучившихъ знаменья печати
 160 Живаго Бога, чтобы, не убивая,
 Лишь узавлять ихъ жаждомъ скорпіоннымъ;
 И шумъ отъ крылъ ея подобенъ
 Былъ стучу колесницъ, когда бѣгутъ
 Въ сраженье кони; и царемъ ея
 165 Былъ ангелъ бездны, имя онъ имѣлъ
 Тамъ Аваддона. И съ шестой трубой—
 Раздался гласъ, трубившему сказавшій:

«Дай волю четыремъ вблизи великой
Рѣки Евфрата ангеламъ, посящимъ узы.»
170 И ангеламъ была дана свобода
На погубленіе людей. И было
Ихъ воинство несмѣтно; были латы
На вадникахъ изъ пламени; ихъ кони
Тройною язвою дышали. Ихъ
175 Дыханье третью часть людей живущихъ
Незапно умертвило. Остальные жь
Безъ покаянія во тьму безвѣрья
И злодѣянья глубже погрузились.
Тутъ семь громовъ своими голосами
180 Проговорили... Ангель—я увидѣлъ—
Стоящій на морѣ одной ногой
И на землѣ другою, поднялъ къ небу
Десницу, и клялся Живымъ во вѣки
Вѣковъ, создавшимъ небеса и все
185 Что въ небесахъ, создавшимъ землю
И все что на землѣ, создавшимъ море
И все, что въ морѣ есть—клялся, что болѣ
Ужъ времени не будетъ, но что въ день,
Когда седьмый вострубитъ ангель, тайна
190 Господняя свершится, какъ пророкамъ
Она была открыта. И вострубила
Труба седьмая: и раздался голосъ
Отвсюду: «Царство міра стало царствомъ
Живаго Бога и его Христа,
195 И царствовать во вѣки будетъ онъ!»
И снова ницъ на землю пали двадцать
Четыре старца предъ Всевышнимъ Богомъ,
И возгласили всѣ: «Благодаримъ
Тебя, Который былъ, и есть, и будетъ,
200 Тебя, Господь, за то, что власть свою Ты
Великую пріялъ и водарился!
Насталъ день гнѣва Твоего, день страшный
Суда и погубленія губившихъ.»
И растворился Божій храмъ на небѣ,
205 И въ храмъ Божіемъ ковчегъ явился
Его завѣта, и послышались гласы
Отвсюду, молніи зажглись, громы
Заговорили; зашумѣли грады
И по землѣ пошло землетрясеніе...
210 И на небѣ великое тогда
Явилось знаменье: жена, чудесно
Одѣянная въ солнце, подъ погами
Луна, на головѣ двѣнадцать звѣздъ
Вѣнцомъ... За онымъ знаменьемъ другое
215 Явилось страшное: великій, чермный,
Седмиголовый съ десятью рогами

Драконъ, на головахъ семь діадимъ;
И третью часть онъ звѣздъ своимъ хво-
стомъ
Низвергнулъ съ неба. Ставь передъ женою,
220 Страдавшей мукою родовъ, разинулъ
Онъ пасть, чтобы пожрать ея младенца,
Какъ скоро онъ родится. Но младенецъ,
Пасти жезломъ желѣзнымъ обреченный
Народы, былъ на небо унесенъ;
225 Жена жь, ушедъ въ пустыню, скры-
лась въ тихомъ
Ей уготовленномъ отъ Бога мѣстѣ.
Тутъ началась на небесахъ война:
Архангелъ Михаилъ съ своею ратью
Пошелъ на чермнаго дракона; чермный
230 Драконъ пошелъ съ своею ратью про-
тивъ

Архангела, но былъ сраженъ,
И не нашлось ему на небѣ мѣста!
Сраженъ былъ древній змій, его же имя
Діаволь-сатана, всего созданья
235 И человѣковъ оболститель; съ нимъ
Низвержены и ангелы его.
И на небѣ раздался громкій гласъ:
«Спасенья время совершилось! Царство
Настало Бога и Христа, понеже палъ
240 Онъ, клеветникъ, на пасть и братій на-
шихъ
И ночь и день предъ Богомъ клеветав-
шій!

Онъ побѣжденъ святою кровью Агнца,
И словомъ ихъ свидѣтельства, и тѣмъ,
Что вѣруя они не возлюбили
245 Своей души до самой смерти.
Возвеселитесь, небеса, и всѣ
Живущіе на небесахъ; а вамъ,
Живущимъ на землѣ и на водахъ,
Вамъ горе: сатана сошелъ къ вамъ, полный
250 Великой ярости, понеже знаетъ,
Что времени ему осталось мало!»
Разсвирѣпѣвъ, драконъ пошелъ войною
На всѣхъ рожденныхъ отъ жены, покор-
ныхъ
Заповѣдямъ Господнимъ, и Христовымъ
255 Свидѣтельствомъ запечатлѣнныхъ. Тутъ
Свершилось новое видѣніе: вышелъ
Десятирогій седмиглавый звѣрь
Изъ моря; были на рогахъ короны
И богохульныя на головахъ

260 Стояли и мса. И далъ ему
Драконъ свой тронъ, и власть свою, и
силу:

И вся земля послѣдовала звѣрю
И поклонилася дракону. Звѣрь
Отверзъ свои уста на богохульство,
265 И всѣ живущіе, которыхъ имя,
Съ создаша міра, въ книгу жизни
Агницемъ

Не внесено, поверглися ницъ предъ нимъ.
Тогда другой явился, изъ земли
Ишедшій, звѣрь: подобно агнцу, онъ
270 Имѣлъ два рога; говорилъ, какъ черм-
ный
Драконъ, и дѣйствовалъ передъ дра-
кономъ

Со всею властію, какъ первый звѣрь,
Которому онъ поклоняться всѣхъ
Живущихъ и всю землю заставлялъ,

275 Творя предъ ними знаменья: сводя
Огонь съ небесъ и чудесами разумъ
Внимающихъ ему вводя въ обманъ,
Ликъ звѣря, исцѣлѣвшаго отъ раны
Смертельной, сдѣлать убѣждая. Было

280 Ему дано вложить въ ликъ звѣря духъ,
Чтобъ онъ и говорилъ и возбуждалъ
Убийство противъ тѣхъ, кто поклоняться
Не будетъ лику звѣря, и онъ всѣмъ—
И малымъ, и великимъ, и богатымъ,

285 И нищимъ, и свободнымъ, и рабамъ—
Па ихъ челъ или рукъ ликъ звѣря
Изобразить, иль имени его число
Напишетъ.—И новое видѣніе предстало:
Явился на горѣ Сионъ Агнець,

290 И были собраны къ Нему сто сорокъ
Четыре тысячи запечатлѣнныхъ
Печатію Его Отца.

И голосъ въ небѣ слышенъ былъ, подобный
Потоковъ многихъ шуму и громовъ
295 Великихъ гласу, и струны арфы,
Сопровождавшихъ пѣніе, звучали:

То было пѣніе предъ горнимъ трономъ,
Предъ четырьмя животными его
И передъ старцами,—и пѣние то

300 Одни, печатъ живаго Бога на челъ
Носящіе, могли изъ всѣхъ людей на свѣтѣ
Живущихъ повторить. Потомъ явился
Но небесамъ летящій ангель; онъ
Имѣлъ въ рукѣ Евангеліе, чтобъ благо

305 Спасенія всѣмъ благовѣстить народамъ.
За нимъ летѣлъ другой по небу ангель,
Гласящій: «Паль великій Вавилонъ,
Попеже яростнымъ виномъ разврата
Народы всѣ онъ напоилъ.» И третій

310 Явился ангель, и гласплъ онъ: «Горе
Всѣмъ поклоняющимся звѣрю, всѣмъ,
Кто начертанье имени его
Иль образа пріемлетъ на чело

Иль на руку свою! Тотъ будетъ пить
315 Господней ярости вино, въ Его
Сосудѣ гнѣва; тотъ низверженъ будетъ
Въ огонь и въ пламенную сѣру, будетъ
Передъ очами ангеловъ святыхъ

И передъ Агницемъ мучимъ, и во вѣки
320 Ему отъ мукъ не будетъ утolenья!»
И гласъ тогда проговорилъ съ небесъ:

«Блаженны мертвые, блаженны всѣ,
Кто въ Господѣ отнынь умираютъ:
Они найдутъ отъ всѣхъ своихъ трудовъ

325 Успокоеніе, и ихъ дѣла
Пойдутъ за ними вслѣдъ.»—И въ небесахъ
Явилось облако; на немъ въ сіяньи
Сынъ Человѣческой сѣдѣнціи зрѣлся;

На головѣ златой вѣнецъ, въ рукѣ
330 Серпъ острый. И сказалъ Ему изшедшій
Изъ храма ангель: «Изготовь твой серпъ—
И жни: настало время жатвы, хлѣбъ

Созрѣлъ на нивѣ.» И послалъ свой серпъ
На землю Тотъ, Кто въ небесахъ былъ ви-
335 На облакѣ,—и вся земля была [димъ
Пожата. Тутъ семь ангеловъ, имѣвшихъ
Семь язвъ послѣднихъ—ими жъ прекра-
тятся

Господній гнѣвъ—явились въ небесахъ,
И всѣ, отвергнувшіе звѣря, ликомъ
340 Его и имени его числомъ
Необольщенные, стояли въ морѣ
Кристалльно-пламенномъ, имѣя арфы
Господнія въ своихъ рукахъ, и пѣли
Пѣснь Моисееву и Агнца пѣснь

345 Святую: «Чудны всѣ дѣла Твои,
Господь, и праведны Твои пути,
Царь праведныхъ! Всѣ прійдутъ покло-
Тебѣ языки, ибо оправданія [нитъся
Свои явилъ Ты.» И потомъ на небѣ

350 Храмъ склянїи свидѣтельства отверзся,
И ангелы, носящіе семь язвъ,
Изъ храма вышли; были имъ даны

Семь яростію Бога полныхъ чашъ.
И дымомъ храмъ наполнился отъ силы
365 Господней и отъ славы; и никто
Не могъ войти во храмъ, пока семи
Всѣхъ язвъ семь ангеловъ не совершили.
И къ ангеламъ изшелъ изъ храма гласъ
Господній, говорящій имъ: «Идите
360 И гнѣва Божія семь чашъ излейте
На землю.» И съ первой чаши гной
пестекъ—и раны
Покрыли всѣхъ, имѣвшихъ начертанье
Звѣриное и ликъ звѣриный чтившихъ.
Другая чаша излилася въ море—
365 И море стало кровью, и живое
Все стало мертвымъ въ глубинѣ его.
И третья чаша излилася на рѣки
И на источники—и стали кровью
Всѣ. И ангель водъ воскликнулъ: «Слава,
370 Господь, твоей неизреченной правдѣ:
Проливше святую кровь пророковъ
Достойны кровью жажду утолять.»
Четвертая была излита чаша
На солнце—и людей живущихъ солнце
375 Великимъ зноемъ блистанье оналять,
И опаленные великимъ зноемъ
Произнесли хулы на имя Бога,
Пославшаго имъ казнь, и покаянємъ
Не принесли Ему достойной славы.
380 И чаша пятая была излита
На тронъ звѣриный—и покрылось царство
Его глубокой тьмой, и отъ страданья
Свои языки злобѣя грызли люди,
И не покаившись хулили Бога.
385 Шестая чаша на воды великой
Рѣки Евфрата пролилася—и воды
Исыхали, чтобъ царямъ съ востока путь
Былъ уготовленъ. И седьмая чаша
Была на воздухъ излита—великій
390 Тогда отъ храма и отъ трона голосъ
Послышался, сказавшій: «Совершилось!»
И было страшное блистанье, громы,
Землетрясенье, голоса, какихъ
Съ созданья человѣка на землѣ не вѣдали;
395 И на три части былъ разрушенъ градъ
Великій: помянулъ Господь великій
Градъ Вавиловъ—и ярости своей
Виномъ его Онъ напоилъ, и даль
Ненить всю чашу гнѣва Своего.
400 И убѣжали острова, и горы

Не стало, и какъ золото тяжелый
Упалъ на землю градъ, и людямъ были
Великія приключены имъ язвы,
И имя Божіе они хулили.
405 И мнѣ тогда единый изъ седми
Носящихъ чаши ангеловъ сказалъ:
«Я покажу тебѣ судъ надъ великой
Блудницею, сидящею на многихъ
Водахъ; вели блудодѣянье съ нею
410 Цари земные, и виномъ ея разврата
Земные люди упивались.»—Въ духѣ
Онъ перевелъ меня въ пустыню; тамъ
Увидѣлъ я жену на седмглавомъ
Десятирогомъ черномъ звѣрѣ; та жена
415 Сидѣла облеченная въ порфиру
Багрянюю, блистающая жемчугами,
И золотомъ, и камнями драгими;
Въ ея рукѣ была золотая чаша,
До края полная виномъ ея
420 Разврата; надпись на ея челѣ
Стояла: «Тайна, Вавиловъ великій,
Мать любодѣяства и земныхъ развратовъ.»
И кровію она святыхъ, и кровію
Свидѣтелей Иисусовыхъ была
425 Упоена. И я тому дивился.
И ангель мнѣ сказалъ: Чему дивишься?
Тебѣ я тайну и жены и звѣря
Открою: звѣрь, тобою зримый, былъ—
И иѣтъ его; и онъ изъ бездны выйдетъ,
430 Пойдетъ въ погибель, п дивитесь будутъ
Всѣ на землѣ живущіе, которыхъ
Съ начала міра имя въ книгу жизни
Не вписано, увидѣвши, что звѣрь
И былъ, и не былъ, и явился. Семь
435 Звѣринныхъ главъ суть семь холмовъ,
на нихъ же
Сидитъ развратница жена, и семь
Царей; изъ нихъ погибло пять, шестой
Ужъ есть, седьмой еще не приходилъ,
Когда жъ придетъ, придетъ онъ не надолго.
440 И звѣрь, который былъ, есть
Осьмой отъ седмерыхъ, и онъ пойдетъ
Въ погибель; десять же роговъ суть десять
Царей, еще не восприявшихъ царство,
Но обреченныхъ воспріять его,
445 На часъ одинъ, со звѣремъ совокуши,
Чтобъ власть свою и силу передать
Единомышленному съ ними звѣрю.
И съ Агнцемъ яростно начнутъ они

Вести войну, и Агнецъ побѣдитъ ихъ,
 450 Понеже Онъ—владыка всѣхъ владыкъ
 И царь царей. И всѣ, кто съ Нимъ въ
 союзѣ,
 Суть вѣрные, суть призванные Имъ
 Его избранныи. А воды, гдѣ
 Сидитъ развратница, суть племена,
 455 Языки, люди и народы міра.
 И роги на главѣ звѣриной злобно
 Жену-развратницу возненавидятъ,
 И разорятъ ее, и обнажатъ,
 И, плоть ея сожравъ, ее огнемъ
 460 Сожгутъ, понеже Богъ имъ положилъ
 На сердце—волю совершить Его
 И звѣрю уступить свою державу,
 Пока слова Господня не будутъ
 Исполнены. А зримая тобою
 465 Жена есть градъ великій, царь земныхъ
 Царей.»—Потомъ увидѣлъ я иного,
 Великую имѣющаго власть,
 Святаго ангела, съ небесъ на землю
 Сходящаго, и славою его
 470 Вся освѣтилася земля; и сильно
 Онъ громкимъ голосомъ воскликнулъ:
 «Паль, Паль Вавилонъ, великій градъ, блудница!
 Онъ сталъ пристанищемъ бѣсовъ, верте-
 помъ
 Духовъ нечистыхъ, гнусныхъ птицъ по-
 ганымъ
 475 Виталищемъ, понеже онъ виномъ
 Развратной ярости своей народы
 Всѣ упоилъ, понеже съ нимъ творили
 Блудодѣянія царя земные,
 И роскошью его обогатились
 480 Купцы земные.» Тутъ иной раздался
 Изъ неба голосъ: «Отойди, народъ мой,
 Отъ нечестивой, чтобъ не быть ея
 Грѣховъ участникомъ и не погибнуть
 Отъ язвъ ея, понеже до небесъ
 485 Ея грѣхи достигли, и Господь
 Неправды всѣ ея вспоминулъ.
 Что сотворила вамъ, то сотворите
 Ей нынѣ вы, и по дѣламъ ея
 Воздайте вдвое, и въ чашѣ, ею подне-
 сенной вамъ,
 490 Вино ей растворите вдвое; скорбью
 И муками воздайте ей за славу
 Ея и за гордыню! Величайся,

Она въ своемъ надменномъ сердцѣ гово-
 «Сижу царицею; я не вдова [речь:
 495 И горя не увижу!»—И за то
 Въ единый день ее постигнуть язвы,
 И плачь, и гладъ, и смерть, и сожжена
 Огнемъ блудница будетъ, поелику
 Господь, ее судящій, всемогущъ.»
 500 Тогда о ней восплачутъ, возрыдаютъ
 Цари земные, съ ней блудодѣянныя
 Творившіе; узрѣвши дымъ ея
 Пожара и смотря издалека
 На казнь ея, со страхомъ говорятъ
 505 Великимъ будутъ: «Горе, Вавилонъ,
 Великій городъ, городъ крѣпкій: въ часъ
 Единый—судъ свершился надъ тобою!»
 И всѣ о ней восплачутъ, возрыдаютъ
 Купцы земные, поелику ихъ
 510 Товаръ никѣмъ не будетъ покупаемъ;
 Ужъ никому не будутъ продавать
 Ни золота, ни серебра, ни пераловъ,
 Ни камней дорогихъ, ни ризъ пурпурныхъ,
 Ни шолку, ни виссона, ни деревъ
 515 Благоуханныхъ, ни издѣлій всякихъ
 Изъ дерева, слоновой кости, мѣди,
 Желѣза, мрамора и янтая;
 Не будутъ продавать уже ни пряныхъ
 Кореньевъ, ни куреній, ни ливана,
 520 Ни мърры, ни смолы благоуханной,
 Ни чистаго елея, ни вина,
 Ни хлѣба, ни овецъ, ни козъ, ни коней,
 Ни колесницъ, ни человѣчьихъ тѣлъ
 И душъ. И будутъ, плача и рыдая,
 525 Купцы земные въ страхѣ говорить:
 «Въ единый часъ погибло все твое
 Богатство, градъ великій Вавилонъ!»
 И издали смотря на казнь ея,
 Всѣ корабельщики, всѣ по морямъ
 530 Ходящіе на корабляхъ воскликнутъ:
 «Гдѣ градъ, великому подобный граду?»
 И головы они посыплютъ пепломъ,
 И съ плачемъ и рыданьемъ скажутъ: «Горе
 Тебѣ, великій градъ, который всѣхъ
 535 Ходящихъ по морямъ обогатилъ
 Своимъ богатствомъ: ты въ единый часъ
 Былъ разоренъ—и страшно опустѣлъ!
 Возрадуйтесь о томъ, всѣ небеса,
 Святыи всѣ и всѣ пророки: судъ вашъ
 540 Богъ совершилъ надъ нимъ!» И ангель
 взялъ

Тяжелый, жернову подобный, камень
 И съ высоты—его низвергнувъ въ море,
 Сказавъ: «Такъ быстро ниспровергнуть
 Градъ Вавилонъ великій! И тебя [будешь,
 545 Не станетъ болѣ; и въ тебѣ не будутъ
 Слышны ни струны лиръ,
 Ни звуки флейтъ, ни голоса поющихъ,
 Ни громъ звучащихъ трубъ, и никакого
 Художества въ тебѣ уже не будетъ!
 550 Не будетъ слышно шумной жернововъ
 Работы! Ужь тебя не освѣтятъ
 Свѣтильники, и голоса невѣсты
 И жениховъ въ тебѣ не будетъ слышно!
 Понеже были сильными князьями
 555 Твои купцы, понеже все народы
 Твоими чарами увлечены
 Въ погубительное заблужденіе были,
 И кровь пророковъ, и святыхъ, и всехъ
 Убитыхъ на землѣ обрѣтена
 560 Была въ тебѣ!» Тутъ услышала я
 На небѣ гласъ, какъ будто шумный
 Народа многого; и восклицала [говоръ
 Онъ: «Аллилуія! спасенье, слава,
 И честь, и сила Господу! понеже
 565 Суть истинны и праведны суды
 Его: Онъ поразили Своимъ судомъ
 Развратницу, которая всю землю
 Наполнила своимъ людоубіеніемъ,
 И кровь своихъ рабовъ, ея рукою
 570 Пролитую, на ней зыскала!». И снова
 Раздался гласъ, поющихъ «Аллилуія!»
 И четверо держащихъ тронъ животныхъ
 И съ ними все въ золотыхъ коронахъ
 двадцать
 Четыре старца падши поклонились
 575 Сѣдящему на тронѣ Богу, громко
 Воскликнувъ «Аллилуія!» И отъ трона
 Нашелъ великій голосъ, говорящій:
 «Хвалите Бога все Его рабы,
 Все малые, великіе и все
 580 Боящіеся Бога!» И услышала
 Какъ бы гласъ толпы людей великой,
 Какъ будто шумъ отъ многихъ водъ,
 Какъ будто гласъ грома, говорящій:
 «Аллилуія!—
 Господь Всевышній воспріялъ державу!
 585 Возрадуемся и возвеселимся,
 И славу воздадимъ Ему, понеже
 Бракъ Агнца наступилъ и ужъ готова

На бракъ жена, одѣянная въ чистый
 Виссонъ,—виссонъ же праведность свя-
 тыхъ.»
 590 И я услышала гласъ: «Блаженны все
 Призванные на брачный Агнца ширь!»—
 И небеса отверзались: тамъ явился
 Конь бѣлый; и Сѣдокъ того коня
 Именовался Истиннымъ и Вѣрнымъ,
 595 Судящимъ и воюющимъ по правдѣ;
 И очи были у него какъ пламень,
 И много діадимъ на головахъ
 Имѣлъ Онъ, и было имя,
 Невѣдомое никому, на Немъ
 600 Начертано, лишь Онъ единый вѣдалъ
 То имя; Онъ окровавленной ризой
 Былъ облеченъ; Себя именовалъ
 Онъ «Слово Божіе.» И вслѣдъ за Нимъ
 Шло воинство небесное, на бѣлыхъ
 605 Коняхъ, въ виссонъ одѣянное бѣлымъ
 И чистымъ. И изъ устъ Его мечъ острый
 На казнь народовъ исходилъ; Онъ ихъ
 Пасетъ железомъ желѣзнымъ, и точило
 Вина Господней ярости онъ топчетъ.
 610 И на бедра Его и на одѣждѣ
 Есть начертанье: Царь царей, Владыка
 Владыкъ. Тутъ ангела увидѣлъ я,
 Стоящаго на солнцѣ; онъ скликалъ
 Всехъ поднебесныхъ птицъ и говорилъ имъ:
 615 «Слетайтесь со всехъ сторонъ, летите
 На вечерю великую Господню,
 Чтобъ трупы пожирать царей, и трупы
 Владыкъ и трупы воеводъ, и трупы
 Коней и всадниковъ, и трупы всехъ
 620 Свободныхъ, всехъ рабовъ, всехъ ма-
 лыхъ, всехъ
 Великихъ!» Тутъ узрѣлъ я звѣря,
 Царей земныхъ и всю ихъ рать,
 Собравшихся, чтобы вступить въ сраженіе
 Съ Сидящимъ на конѣ и съ силой ратной
 625 Его. И звѣрь былъ схваченъ, вмѣстѣ
 съ нимъ
 И лжепророкъ, творившій чудеса,
 Чтобъ увлекать къ принятію начертанья
 Звѣринаго и въ поклоненіе лику
 Его людей. Ихъ бросили живыхъ
 630 Въ глубь озера, нылающаго сѣрой;
 Другіе жъ все истреблены мечомъ,
 Который исходилъ изъ устъ на бѣломъ
 Конѣ Сидящаго, и птицы ихъ

Пожрали трупы. Тутъ явился ангелъ,
 635 Отъ бездны ключъ имѣющій въ рукѣ
 И дѣвъ великую: дракона, змѣя
 Лѣтъ древнихъ—онъ же сатана и дьяволъ—
 На тысячу сковалъ онъ лѣтъ,
 И бросилъ въ бездну, и печатью заперъ
 640 Дверь бездны, чтобъ не могъ народовъ,
 Покуда тысяча не совершилась
 Лѣтъ, обольщать губитель; онъ же послѣ
 На малое освободиться время
 Былъ предназначенъ. Тутъ увидѣлъ я
 645 Престолы и на нихъ сѣдящихъ, судъ
 Творить назначенныхъ; увидѣлъ души
 Святыя за свидѣтельство Христа
 Убитыхъ и за слово Божье, звѣрю
 Не поклонившихся, ни лику звѣря,
 650 И не принявшихъ знаменья его
 Ни на чело, ни на руку свою,
 И ожилъ, чтобъ тысячу съ Христомъ
 Лѣтъ царствовать, они. Другіе жъ всѣ
 Остались мертвыми, пока вполнѣ
 655 Тысячелѣтіе не совершится.
 То будетъ воскресеньемъ первымъ. Благо
 Тому, кто въ первомъ воскресеньи приметъ
 Участіе: надъ нимъ вторая смерть
 Имѣть не будетъ власти, и—священникъ
 660 Христа и Бога—будетъ вмѣстѣ съ Нимъ
 Онъ тысячу лѣтъ царствовать. Когда же
 Тысячелѣтія свершится кругъ,
 Освободится сатана, и выйдетъ
 Прельщать живущіе на всѣхъ концахъ
 665 Земли народы, и начнетъ на брань
 Ихъ собирать: и будетъ, какъ песокъ
 Морской, число сподвижниковъ его.
 И выступила рать на широту
 Земли, и окружила станъ святыхъ
 670 И градъ возлюбленный, и низлетѣлъ
 Съ небесъ отъ Бога огонь и всѣхъ пожралъ
 ихъ;
 А сатана, ихъ обольстившій, свергнутъ
 Въ глубь озера, пылающаго сѣрой,
 Гдѣ вмѣстѣ съ нимъ и звѣрь и жезлорокъ
 675 Должны терпѣть мученія во вѣки
 Вѣковъ. Потомъ великій бѣлый я
 Престолъ увидѣлъ и Того, Кто былъ
 На томъ престолѣ; отъ лица жъ Его
 Бѣжали небо и земля, и мѣста
 680 Имъ не нашлось. И я увидѣлъ мертвыхъ,
 И малыхъ, и великихъ, передъ Богомъ

Стоящихъ; было много книгъ раскрыто,
 И разогнулася животныхъ книга:
 И по дѣломъ своимъ, какъ было въ
 книгахъ
 685 Записано, всѣ мертвые судились.
 И море возвратило мертвыхъ, бывшихъ
 На днѣ его; и смерть и адъ своихъ
 Всѣхъ мертвыхъ отдалъ; и по дѣламъ
 Своимъ судимъ былъ каждый. Смерть и адъ
 690 Въ глубь озера пылающаго были
 Навѣкъ низвержены: и то была
 Вторая смерть. И тотъ, кто не былъ въ
 книгу
 Животныхъ вписанъ, навсегда низвергнутъ
 Въ глубь озера пылающаго былъ.
 695 И новое тогда узрѣлъ я небо
 И землю новую, понеже прежнихъ
 Не стало, и исчезло море. Я
 Увидѣлъ градъ святыи, увидѣлъ новый
 Ерусалимъ, отъ Бога нисходящій
 700 Съ небесъ, убранный какъ невѣста,
 Идущая для брака къ жениху.
 И раздался великій гласъ, съ небесъ:
 «Здѣсь скинія Господняя; и въ ней
 Всѣ человеки собраны, и будетъ
 705 Жить съ ними Богъ; Его народомъ бу-
 дутъ
 Они, и Опъ ихъ Богомъ будетъ. Онъ
 Сотретъ съ очей ихъ всякую слезу,
 И смерти болѣе, ни слезъ, ни воплей,
 Ни скорби, ни болѣзни ужъ не будетъ,
 710 Понеже прежнее все миновалось.»
 Тогда сказалъ Сѣдящій на престолѣ:
 «Все новое творю Я,—совершилось!
 Я вѣчный Богъ, Я Альфа и Омега,
 Начало и конецъ. Я отъ воды
 715 Живой дамъ жаждущему выпить туне.
 И все наслѣдуетъ—кто побѣждаетъ,
 И буду Богъ ему, и будетъ опъ
 Мнѣ сыномъ! А всѣ отступники живаго
 Бога
 Въ глубь озера пылающаго будутъ
 720 Навѣкъ низвержены: и будетъ то
 Вторая смерть.» Тогда ко мнѣ единый
 Изъ ангеловъ, принесшихъ съ неба семь
 Послѣднихъ въ чашахъ язвъ, пришедъ,
 сказалъ:
 «Иди со мной: тебѣ невѣсту Агнца
 725 Я покажу.» И въ духѣ онъ восхитивъ

Меня на высоту горы великой,
Тамъ показаль великій городъ мнѣ—
Святой Ерусалимъ, отъ Бога съ неба
Сходящій, Божію имѣвшій славу,
730 Блισταющій, какъ камень драгоцѣн-
ный—

Кристалловидный ясписъ. Обнесенъ
Быль градъ высокою стѣною; двѣнадцать
Въ ней было вратъ; и на вратахъ стояло
Двѣнадцать ангеловъ; и имена
735 Двѣнадцати израильскихъ колѣнъ
На нихъ начертанныя зрѣлись; было трое
Вратъ на востокъ, за западъ трое, трое
На поидень, и на полночь трое. Твердыхъ
Двѣнадцать основаній стѣны града

740 Имѣють, и написаны на нихъ
Всѣ имена двѣнадцати Христовыхъ
Апостоловъ. И ангель, говорившій
Со мной, имѣль для измѣренія града
И стѣнъ и вратъ его златую трость.
745 Быль градъ о четырехъ углахъ; длиною
И шириною былъ равенъ. И измѣривъ
Его своей златою тростью, ангель
Иашель, что все его пространство было
Двѣнадцать тысячъ стадій, и что онъ
750 Въ длину, и въ широту, и въ высоту
Быль равенъ, и что стѣны града были,
По мѣрѣ человеческой, въ сто сорокъ
Четыре локтя. Стѣны жъ града были
Изъ ясписа; самъ городъ былъ построень
755 Изъ золота, чистѣйшему стеклу
Подобнаго; а основанье стѣнъ
Изъ свѣтлыхъ драгоцѣнныхъ камней было:
Изъ ясписа, сапфира, халкидона,
Сардоника, смарагда, хрисопраса,
760 Вирилла, хрисоляна, гіацинта,
Топаза, сарда, аметиста. Были
Двѣнадцать вратъ воздвигнуты изъ цѣль-
ныхъ

Жемчужинъ кажда; помосты улицъ
Изъ золота, какъ чистое сіяли
765 Стекло. Но храма въ немъ я не видалъ:
Его было храмъ Вседержителя Богъ
И Агнецъ. Граду солнце и луна
Для свѣтлости не нужны были: слава
Господня ему сіяла, Агнецъ
770 Его свѣтильникъ былъ; и всѣ народы
Спасенные ходить во свѣтъ будутъ
Его; и принесутъ въ него цари

Земные честь свою и славу; днемъ
Его врата не затворятся, ночи жъ
775 Не будетъ тамъ. Въ него народовъ честь
И слава принесется. Не войдетъ лишь
Въ него ничто нечистое, никто,
Нечестіемъ и ложью оскверненный;
Войдутъ лишь тѣ, которыхъ имена
780 Записаны у Отца въ книгу жизни.—
И рѣку чистую воды живою
Тутъ ангель показаль мнѣ: свѣтлымъ
Она кристалломъ отъ престола Божья
И Агнцева текла; на берегу
785 Ея потока древо жизни, плодъ свой
Двѣнадцать разъ дающее, росло
И листъ давало свой на исцѣленье
Народовъ. «И ужъ болѣ ничего
Проклятаго не будетъ; тронъ Господній
790 И Агнецъ будетъ въ немъ; и будутъ Богу
Служить Его рабы; они увидятъ
Его лицо, и будетъ на челѣ ихъ имя
Его начертано. И ночи тамъ
Не будетъ; ни свѣтильника, ни солнца
795 Не будетъ нужно, послѣку самъ Господъ
Ихъ свѣтомъ будетъ, и они во вѣки
Вѣковъ тамъ будутъ царствовать со сла-
вой.»

Такъ ангель говорилъ; и пасть на землю
Предъ нимъ хотѣль я. «Воздержись —
сказаль онъ—
800 Отъ поклоненія: твой я и всѣхъ братій
Твоихъ, пророковъ, сослужитель— всѣхъ,
Кто каждое написанное чтитъ
Въ сей книгѣ слово. Богу поклоняйся!
Не запечатывай—потомъ сказаль онъ—
805 Пророческихъ сей книги словъ, понеже
Подходить время. Пусть еще творить
Неправедный неправду; пусть еще
Себя нечистый оскверняетъ; правду
Пусть продолжатъ праведникъ творить;
810 Пусть освящается святой! Приду
Я скоро, и со Мною мое возмездье,
И каждый по дѣламъ своимъ тогда
Получитъ мзду. Я Альфа и Омега,
Начало и конецъ, и первый и
815 Послѣдній.» Благо тѣмъ, кто соблюдаетъ
Его законъ, дабы отъ древа жизни
Вкусить и въ градъ святой войти вратами.
Но не войдутъ туда ни чародѣи,
Ни слуги идоловъ, ни любодѣйства

820 Рабы, ни оскверненные убійствомъ,
Ни любящіе ложь. И Онъ, Хрпстосъ,
Ко всѣмъ церквамъ съ свидѣтельствомъ
своимъ

Пославшій ангела...

II.

..Изъ словъ пророка
Рожденныя, видѣнья предо мной,
Глубоко спящимъ, быстро пролетали...
Я видѣлъ тронъ, стоящій на хребтѣ
5 Великихъ четырехъ шестикрылатыхъ
Животныхъ, и предъ трономъ золотыми
Коронами вѣнчаныхъ старцевъ.
Я видѣлъ, что на тронѣ возсѣдалъ
Сіяющій какъ солнце Нѣкто.
10 И слышала пѣнье: «святъ! святъ! святъ!»
И голосъ съ престола былъ: «Я Альфа и
Я первый и послѣдній; Я всему [Омега;
Начало и конецъ]. Я видѣлъ книгу,
Запечатѣнную семью печатями,
15 Въ рукъ Сѣдѣщаго на горнемъ тронѣ.
Я видѣлъ Агнца, предъ Которымъ все—
Животные-престолипосцы, старцы,
И ангелы, и все, что въ небесахъ,
Что на землѣ, что въ глубинѣ земли,
20 Что на моряхъ, что въ глубинѣ морей—
Все въ пѣнь единую совокупилось.
Я видѣлъ, какъ печати Агнецъ снялъ
Съ великой книги; какъ четыре быстро
Коня пустились: бѣлый, черный, красный
25 И блѣдный, и сѣдокъ на блѣдномъ страш-
номъ
Именовался «Смерть». Я видѣлъ ужасъ
Землетрясенья, какъ затмилось солнце,
И кровью сѣблалась луна, и звѣзды
Попѣдали на землю, и свернувшись
30 Какъ власяница, небеса исчезли.
И слышала я, какъ раздалися вопли
Земныхъ людей: «падите на главы
Намъ, горы, и сокройте насъ
Отъ Агнца: часъ суда Его насталъ!»
35 Я видѣлъ ангела, съ востока въ блескѣ
Плущаго, неся въ рукъ печать
Живаго Бога, и свершилъ онъ ею
Двѣнадцать колѣнъ запечатѣнье.
И быстро предо мной во снѣ видѣнья

40 Одно другимъ смѣнялись: семь съ трубами
Губительными ангеловъ, на землю
Все бѣдствіе пославшихъ, я увидѣлъ.
И ангелъ на морѣ и на землѣ
Стоявшій, поклялся, съ простертой къ небу
45 Десницею, что время мпновалось.
И съ голосомъ седьмой трубы явился—
Увидѣлъ я—на небѣ храмъ отверстый,
И въ немъ ковчегъ завѣта, и отсюду
Зажглись молніи, заговорили
50 Своими голосами громы, все
Землетрясеніемъ поколебалось.
На небесахъ увидѣлъ я жену,
Вѣнчанную двѣнадцатью звѣздами;
Увидѣлъ, какъ драконъ багряноцвѣтнй
55 Пожрать ея младенца порывался;
Какъ былъ младенецъ взятъ на небеса,
Жена жъ въ пустыню скрылась отъ дракона;
Какъ началась война на небесахъ,
Какъ Михаилъ архангелъ побѣдилъ
60 Дракона-змѣя, древняго врага.
И новое видѣнье мнѣ предстало:
Увидѣлъ я, какъ изъ морской пучины
Поднялся седмглавый звѣрь, какъ власть
Свою драконъ далъ звѣрю, какъ предъ
нимъ
65 Невписанные въ книгу жизни Агнцемъ
Простерлись всѣ. И въ небесахъ узрѣлъ
Я Человѣческаго Сына съ острымъ
Серпомъ; узрѣлъ, какъ жатва совершилась
Всемирная; какъ ангелы, семь чашъ
70 Несущіе, послѣднія излили
На землю язвы, и изъ неба голосъ
Ишедшій произнесъ: «Свершилось все!»
И какъ потомъ явился свѣтлый ангелъ,
Сказавшій: «Паль великій Вавилонъ!»
75 Какъ небеса хвалебное воспѣли,
При гласѣ ономъ, Аллилуія;
Какъ въ небесахъ явился чудный Всад-
никъ,
На бѣломъ скачущій конѣ, во многихъ
Коронахъ, съ именемъ неизреченнымъ,
80 Ему лишь вѣдомымъ; а Самъ Себя
Онъ «Словомъ Божиимъ» именовалъ.
И видѣлъ я, какъ вслѣдъ за Нимъ, на
бѣлыхъ
Коняхъ, въ виссопъ одѣянное чистыя
Шло воинство, и какъ изъ устъ Его
85 На казнь людей мечъ острый псходилъ.

Увидѣлъ я, какъ на Него поднялся
 Съ своею силой звѣрь; какъ схваченъ былъ
 И звѣрь и лжепророкъ его, людей
 Ему въ служенье увлекавшій; какъ
 90 Въ глубь озера пылающаго ихъ
 Низвергли; острый мечъ же, походившій
 Изъ устъ Вождя, всю рать ихъ постребилъ;
 Какъ послѣ—змія, древняго дракона,
 Могучій ангель, цѣпью оковалъ,
 95 Во глубину неисходимой бездны
 На тысячу низвергнулъ лѣтъ и заперъ
 Печатью бездну, чтобъ не могъ губитель
 Прельщать людей, пока не совершится
 Тысячелѣтіе. И видѣлъ я великій бѣлый
 100 И отъ лица Сидѣвшаго на тронѣ [тронѣ,

Бѣжали небо и земля, и мѣста
 Имъ не пашлось нигдѣ; и видѣлъ я,
 Какъ глубина земли и моря мертвыхъ
 Всѣхъ возвращала; какъ съ живыми
 вмѣстѣ
 105 Они стекался къ трону; какъ предъ
 Раскрылася на судъ послѣдній книга [нимъ
 Животныхъ; какъ былъ страшный вѣч-
 ный судъ
 Произнесенъ; какъ смерть и адъ на вѣки
 Въ глубь озера пылающаго были
 110 Низвержены, и какъ потомъ явились
 Другое небо и земля, и новый
 Съ небесъ сошелъ Ерусалимъ, святой
 Градъ Божій, свѣтлый, какъ невѣста...

ПРИМѢЧАНІЯ.

Странствующій жидъ.

Въ предисловіи къ первому изданію поэмы въ 1857 г., въ одномъ изъ посмертныхъ дополнительныхъ томовъ къ пятому изданію сочиненій Жуковского, гр. Д. Н. Блудовъ о литературной сторонѣ поэмы писалъ:

„Всѣмъ извѣстна, болѣе или менѣе, легенда о странствующемъ, вѣчномъ жидѣ. Вѣроятно, что въ началѣ хотѣли въ немъ представить судьбу всѣхъ евреевъ, не обратившихся въ христіанство, и, такъ сказать, олицетворить въ одномъ человѣкѣ остатки народа иудейскаго, разсыянные по всѣмъ странамъ свѣта, часто гонимые, повидимому обреченные на истребленіе, но не исчезающіе и сохраняющіе упорно свои особенныя свойства, характеръ, вѣрованія и самый внѣшній образъ. Мало по малу сіе аллегорическое первообытное значеніе легенды потерялось: она обратилась въ обыкновенную сказку, и принесянная въ Европу, какъ кажется, въ началѣ тринадцатаго столѣтія, переходя изъ уста въ уста, изъ книги въ книгу, была безпрестанно дополняема, украшаема, или обезображиваема новыми преданіями и выдумками. Въ близкія къ намъ времена, и въ наше время, странствующій жидъ былъ также предметомъ многихъ повѣстей, романовъ и драматическихъ сочиненій. Каждый авторъ изображалъ сіе таинственное лицо и судьбу его, согласно съ своими видами, съ дѣйствіемъ, которое онъ желалъ провозвести на читателей, или зрителей. Большею частью однакожь вездѣ сохраняются главныя его черты. Странствующій жидъ не только не умираетъ, но какъ будто и не изменяется, оставаясь вопреки теченію вѣковъ, даже вопреки очевидности, тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ въ минуту своего преступленія, со всѣми прежними заблужденіями, ненавистью, злобою. Но нашъ незабвенный Жуковский представляеть его, въ своемъ Агасверѣ, совсѣмъ инымъ, преобразеннымъ благодатію существомъ. Цѣлѣю поэта, основною идеею его творенія, было, какъ онъ самъ говорилъ, сдѣлать родъ апофеоза страданій и несчастья, показавъ, какъ оно благотворно дѣйствуетъ на душу довольно твердую, чтобы не упасть подъ бременемъ золь, и особливо не зараженную неизлечимымъ чувствомъ гордости.

„Все здѣсь на пользу, и радость, и горестъ, хвала живописовану Зенесу!“

сказалъ Жуковский въ другой маленькой поэмѣ, и сія мысль, сія истина, благодаря ученому евангельскому, еще сильнѣе представлена и, такъ сказать, развита въ его Агасверѣ, который пашель блаженство въ страданіяхъ, продолжавшихся почти два тысячелѣтія. Долго волнующей самими буйными, какъ бы воюющими съ небомъ, страст-ми, липнейнйя всего драгоцѣннаго въ жизни, оставивъ за собою могилы семейства своего, влуконъ и правнуконъ, онъ повсюду ищетъ, проситъ, требуетъ смерти; на-

конецъ увѣряется, что липень и сей послѣдней надежды несчастныхъ, и вдругъ, во глубинѣ бездны отчаянія, онъ озаренъ божественнымъ свѣтомъ вѣры. При видѣ умирающихъ святыхъ мучениковъ, взглядомъ любви одного изъ нихъ, душа его потряска, проникнута, опъ христіаннн! И съ тѣхъ поръ его судьба, не переставая для другихъ быть тою-жъ, какъ прежде, для него измѣняется совершенно, опъ перемѣны чувствъ сердца. Утвержденный въ вѣрѣ возлюбленнымъ ученикомъ Спасителя, онъ познаеть великую совершающуюся съ нимъ тайну, знаетъ, что пронесенный надъ нимъ грозный приговоръ есть дѣйствие непостижимаго милосердія, и хотя, какъ дотолѣ, чуждый всему въ мірѣ и осужденный вѣчно жить въ семь мірѣ, онъ уже не ненавидитъ, а любитъ его и людей. Самое непрерывающееся воспоминаніе о ужасномъ преступленіи,— участіи въ богоубійствѣ, — уже не тяготитъ души его, но терзая умилаетъ ее. Въ семь состояніи Агасверъ, въ поэмѣ Жуковского, является предъ другое, почти столь-же чрезвычайное историческое лицо, предъ того, который равно изумляеть всеслепную возвышеніемъ своимъ и паденіемъ,—императора Наполеона I-го. Онъ является въ минуту, когда великій Сентъленскій узникъ, изнемогая подъ двойнымъ бременемъ своего блистательнаго прошедшаго и безнадлежаго будущаго, бременемъ уже певно-симымъ для однихъ человѣческихъ силъ, готовъ положить конецъ тоскѣ вмѣстѣ съ жизнью. Чѣмъ Агасверъ,—какъ должно полагать,—удержаль его отъ самоубійства? Повѣствованіемъ о судьбѣ своей ни съ чѣмъ несравнимой, описаніемъ бывшихъ и настоящихъ чувствъ своихъ, объясненіемъ, чрезъ собственный разительный примѣръ, загадки пашнихъ земныхъ странствій и обязанности продолжать ихъ, обязанности жить. Къ сожалѣнію, сей расказъ ихъ безъ конца, и одно изъ самыхъ замѣчательныхъ твореній Жуковского остается не довершеннымъ.— Но и въ семь видѣ, какъ намъ кажется, онъ заслуживаетъ общаго вниманія, особливо по своему нравоучительному и религиозному характеру. О достоинствѣ чисто литературномъ сей поэмы мы не будемъ распространяться. Отдаемъ ее смѣло на судъ всѣхъ умѣющихъ цѣнить истинно изящное. Замѣтимъ только, что талантъ Жуковского, въ семь послѣднемъ его произведеніи, имѣеть нѣчто отличное отъ того, чѣмъ мы привыкли плѣняться въ другихъ его сочиненіяхъ. Вместо наобилующаго образами и сравненіями, цвѣтущаго, почти роскошнаго поэтическаго слога,—въ Агасверѣ мы находимъ сію строгую, величественную простоту, которую по справедливости называютъ классическою. Стихи его напоминають намъ слова Ринароля о стихахъ Данте: „каждый изъ нихъ, безъ всякихъ постороннихъ „украшеній, держится, такъ сказать, самъ собою, „одною силою мысли или чувства и впростоію, какъ „будто безыскусственное, выраженіа“ („Соч.“ т. X, СПб., 1857, стр. 1—У).

Легенда о *вѣчномъ жидѣ* примыкаетъ къ циклу мѣстныхъ палестинскихъ преданій, развившихся на основаніи нѣкоторыхъ вѣсныхъ упоминаній въ Евангеліяхъ (Іоан. XX, 22; Мѣ. XVI, 28; Лк. IX, 27; Мк. IX, 1), понятыхъ въ томъ смыслѣ, что нѣкоторые изъ свидѣтелей земной жизни Спасителя были чудеснымъ образомъ избавлены отъ смертной доли...

Эту участь представляли себѣ то наградою, то наказаніемъ — почему ее приписывали то любимому ученику Спасителя, которому, полагали, она ясно была предсказана, то, наоборотъ, человѣку, особенно виновному предъ Христомъ... ВЪ одномъ „Путеводителѣ по Іерусалиму“ конца XIV вѣка (*Liber terrae Sanctae Jerusalem*) указывается мѣсто близъ Іерусалима, гдѣ, по преданію, Іоаннъ Буттадей ударилъ Іисуса Христа, говоря Ему дерзко: „Ступай мимо, отправляйся на смерть!“ Христосъ отвѣтилъ ему: „Я пойду на смерть; но ты не удержишь, до Моего возвращенія...“ (*battre—бить, ударять; Deus—Богъ*). ВЪ „Путеводителѣ“ прибавляется, что многіе встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ этого человѣка, скитающаго по міру... Нужно думать, легенда, по своему первоначальному происхожденію, принадлежала къ разряду многочисленныхъ апокрифическихъ легендъ и преданій, — которыя по своему досказывали тотъ или другой эпизодъ евангеліей исторіи, почему-либо возбуждавшій вниманіе и дѣятельность фантазіи. Такъ созданы средневѣковые рассказы объ Іудѣ и Пилатѣ, объ Іосифѣ Аримаѣйскомъ и Вероникѣ, наконецъ, о Малхѣ, которому ап. Петръ отсекъ ухо, но котораго извѣстнъ Спаситель. — Имя Малха уже неосредственно примыкаетъ къ циклу легендъ о „вѣчномъ жидѣ“... Въ памятникахъ средневѣковой Европы первая упоминанія о „вѣчномъ“ или „странствующемъ жидѣ“ восходятъ ко второй пол. XIII вѣка. Нѣкій итальянскій астрологъ Гвидо Бонатия сообщаетъ, что „въ 1267 г. просвѣдомель на поклоненіе въ монастырь св. Іакова, современникъ земной жизни Спасителя, Іоаннъ Буттадей (Іоаннес Buttadeus), — получившій свое прозвище отъ того, что нанесъ ударъ Спасителю, во время его шествія на Голгофу и которому въ наказаніе Христосъ сказалъ: „Ты дождешься Моего возвращенія“, почему послѣдній и принужденъ странствовать до второго пришествія...“ По итальянскимъ средневѣковымъ сказаніямъ, личность вѣчнаго жидѣа отождествляется съ выше упомянутымъ Малхомъ, — при чемъ Малха, рабъ первосвященника, которому ап. Петръ отсекъ ухо въ Геесманскомъ саду, отождествляется съ слугищемъ Ани, который ударилъ Іисуса по щеку, сказавъ: „Такъ отбѣиваешь ты первосвященнику?..“ Въ наказаніе за свою дерзость, Малха — рассказываетъ легенда — осужденъ на вѣчное пребываніе въ подземномъ склепѣ, гдѣ онъ ходитъ безостановочно вокругъ сголаба, такъ что даже полъ опустится подъ ноги... Этотъ рассказъ о Малхѣ сообщается въ запискахъ итальянскихъ путешественниковъ XV—XVI вв. въ Іерусалимъ, и вообще былъ очень распространенъ въ Италіи, гдѣ имя Малха сдѣлалось даже нарицательнымъ, передавъ послѣднимъ („У него имя, какъ у жидѣ Малха...“). Преданія о Малхѣ встрѣчаются и во Франціи: во всѣхъ французскихъ мистеріяхъ Малхъ представляется принимающимъ участіе въ мученіяхъ Спасителя, — забывая о казненіи ему благодареніе... Къ палестинскому преданію о „вѣчномъ жидѣ“ довольно тѣсно примыкаетъ армянскій рассказъ о нѣкомъ Картафилѣ, записанный въ 1228 г. Матвѣемъ Парижскимъ со словъ одного армянскаго епископа. Картафилъ былъ привратникомъ претории Пилата во время суда надъ Христомъ. Когда евреи влекли осужденнаго ими Спасителя мимо вратъ преторіи, — Картафилъ ударилъ его по снѣгѣ и съ презрительной усмѣшкой сказалъ: „Иди же скорѣе, Іисусъ! Что ты такъ медлишь?“ Христосъ посмотрѣлъ на него строго: „Я иду... возвращаю: а ты будешь ждать Моего возвращенія“. И Картафилъ идетъ до сихъ поръ пришествія Христа... Ему было около 30 лѣтъ при смерти Спасителя; всякій разъ, когда ему мнится, что лѣтъ, па него нападаетъ немощь, жаждущая неизлѣчимою, онъ впадаетъ въ какое-то изступле-

ніе, — но затѣмъ снова становится здоровъ и молодъ, какимъ былъ во время крестной смерти. Его крестилъ Аніаня, и въ крещеніи названъ онъ Іосифомъ. Онъ обыкновенно живетъ въ Арменіи, а также въ другихъ странахъ Востока. Онъ живетъ въ обществѣ епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, ведетъ святую жизнь, говоритъ мало и обдуманно, и лишь отвѣчая на вопросы: тогда онъ рассказываетъ о бѣломъ, обь обстоятельствахъ смерти Спасителя, рассказывая — проливаетъ слезы... Вся надежда его на то, что онъ согрѣшилъ по невѣдѣнію... Въ какихъ-либо греческихъ или славянскихъ апокрифахъ легенды о „вѣчномъ жидѣ“ не встрѣчается; равно въ легендахъ латинскаго Запада, и преданіяхъ восточнаго христіанства, за исключеніемъ приведеннаго упоминанія въ палестинскомъ „Путеводителѣ“. Популярность легенды о „вѣчномъ жидѣ“ ограничивается главнымъ образомъ Германіей, скандинавскимъ Сѣверомъ, Нидерландами и Франціей; — но здѣсь она сравнительно недавно происхожденія и распространена путемъ не устнымъ, а литературнымъ...

Наиболѣе раннимъ западно-европейскимъ литературнымъ памятникомъ, воспроизводящимъ легенду, является нѣмецкая народная книга или листокъ: *Ahasverus*, относящаяся къ первымъ годамъ XVII в. (*Kurze Erzählung von einem Juden aus Jerusalem, mit Namen Ahasverus, welcher bei der Kreuzigung Christi selbst persönlich zugegen gewesen auch das Crucifige über Christum hat helfen schreiben und um Barnabas bitten etc. Gedruckt zu Leyden, Anno 1602*). Здѣсь за „вѣчнымъ“ или „странствующимъ жидомъ“ упоминается имя „Агасверъ“; онъ представляется неутомимымъ, безконечнымъ странникомъ, не знающимъ покоя... Въ книгѣ сообщается, что имя Агасверъ было первоначально въ крещеніи названъ же онъ былъ Buttadeus... Благодаря этому вѣмецкому пересказу — легенда обновляется и получаетъ широкое распространеніе. Авторъ нѣмецкой книги воспроизводитъ отчасти средневѣковыя преданія романскихъ народовъ о Буттадѣ, отчасти пользуется данными Матвѣя Парижскаго, — по имя Картафила-Іосифа замѣняетъ другимъ... Нѣмецкая народная книга *Ahasverus*, въ свою очередь, послужила основой позднѣйшихъ литературныхъ обработокъ легенды о „вѣчномъ“ или „странствующемъ жидѣ“.

Вотъ содержаніе нѣмецкаго листка (съ небольшими сокращеніями):
„Paulus von Eitzen, докторъ св. писанія и епископъ въ Шлезвигѣ, рассказывалъ многимъ лицамъ, — что въ молодости, когда онъ былъ студентомъ въ Виттенбергѣ, во время одной поѣздки его, въ 1542 году, къ своимъ родителямъ въ Гамбургъ, въ ближайшемъ воскресеніи, въ церкви, въ то время, какъ священникъ горюпкъ проповѣдъ — онъ замѣтилъ человѣка, высокаго ростомъ, съ длинными волосами по плечамъ, съ босыми ногами, стоящаго передъ самой каедрой и внимательно слушающаго проповѣдь, — каждый разъ, когда проповѣдникъ произносилъ имя Іисуса, человѣкъ зтотъ съ глубокимъ смиреніемъ очень низко наклонялся, билъ себя въ грудь и вздыхалъ... Хотя была снѣговая зима, онъ не имѣлъ на себѣ другой одежды, — кромѣ штановъ, внизу совершенно изорванныхъ, и верхняго платья, доходящаго до коленъ, перевязаннаго поясомъ, опускающагося до ногъ. Ему казалось лѣтъ съ пятьдесятъ. Многіе бывшіе здѣсь рассказывали, — что зтотъ человѣкъ являлся въ Англіи, Франціи, Италіи, Венгрии, Персіи, Испаніи, Польшѣ, Московіи, Ливоніи, Швеціи, Даніи и въ другихъ мѣстахъ, что родомъ оиъ еврей, изъ Іерусалима, зовутъ Агасверомъ, ремесломъ былъ сапожникъ, что во время крестной смерти Спасителя онъ лично былъ въ Іерусалимѣ — и съ того времени продолжалъ жить, постоянно переходя изъ одного мѣста въ другое, что онъ много знаетъ подробностей изъ времени земной жизни Христа, за Которымъ не отступно слѣдовалъ во все время суда, съ того самаго момента, какъ Спаситель былъ схваченъ, поведетъ къ Пилату и, наконецъ, былъ распятъ... Заинтересованный всѣмъ этимъ, — Павелъ Эйтценъ послѣ

отыскалъ этого человѣка и постарался самого его разспросить, откуда онъ. Тотъ, хотя сдержанно, подтвердилъ все выше приведенное,—что родомъ онъ еврей, зовутъ Агасверомъ, по ремеслу былъ сапожникъ, что во времена Спасителя онъ жилъ въ Иерусалимѣ, что лично былъ при осужденіи и распятіи Христа, вмѣстѣ съ другими кричалъ: «распни его!», и также прося за Варнаву, такъ какъ вмѣстѣ съ другими считалъ Христа еретикомъ и злодѣемъ,—что съ тѣхъ поръ не умираетъ и былъ во многихъ странахъ. Въ подтвержденіе этого онъ рассказывалъ о многихъ обстоятельствахъ крестныхъ страданій Спасителя. При дальнѣйшихъ разспросахъ,—онъ рассказала, что когда Пилатъ вынесъ Христу осужденіе, онъ, зная, что осужденный долженъ былъ идти на казнь мимо его дома, поспѣшилъ домой оповѣстить домашнихъ, чтобы они также могли видѣть Христа, когда тотъ будетъ идти мимо его дома,—самъ взявъ своего маленькаго ребенка и, держа его на рукахъ, сталъ передъ дверью дома. Когда Христосъ, неся свой тяжелый крестъ, и приблизившись къ его жилищу, остановился, чтобы хоть нѣсколько отдохнуть и перевести духъ,—сапожникъ-еврей съ гнѣвомъ и ругательными словами сталъ гнать Христа, не позволяя Ему остановиться около дома. Христосъ тогда строго взглянувъ на него и сказалъ: «И останлюсь и отдохну — ты же пойдеши!» („Ich will stehen und ruhen, Du aber sollst gehen“)... И еврей тотчасъ же опустился на землю своего ребенка, и не въ силахъ будучи оставаться дома, пошелъ вслѣдъ за Иисусомъ,—оставался при Его казни, потомъ, когда все совершилось, не въ состояніи былъ уже вернуться опять въ городъ, въ свой домъ, и вообще не возвращался уже болѣе въ Иерусалимъ, не видѣлъ болѣе ни жены своей, ни дѣтей,—пошелъ въ чужую страну, оттуда въ другую, и такъ до сихъ поръ... Много, много лѣтъ спустя, черезъ нѣсколько столѣтій, онъ былъ въ Палестинѣ; но она была опустошена, и Иерусалимъ лежалъ въ развалинахъ,—его нельзя было узнать... Онъ убѣжденъ, что Господь избралъ его, въ наказаніе, быть—до самаго страшнаго суда—живымъ свидѣтелемъ противъ животовъ и вообще невѣрующихъ... Агасверъ былъ разспрашиваемъ потомъ отъ людей ученыхъ, и послѣдніе были изумлены сообщенными отъ него свѣ-

дѣніями о событіяхъ, совершившихся въ странахъ Востока послѣ земной жизни Спасителя... Что касается до собственного образа его жизни, онъ держитъ себя спокойно и сдержанно; онъ говоритъ только когда ему предлагаютъ вопросы; если ему предлагаютъ пищу, онъ ѣстъ мало, очень умѣренно; онъ всегда спитъ, остается очень на долгу въ въ одной странѣ. Въ Гамбургѣ, въ Данцигѣ ему предлагали денегъ,—онъ не бралъ болѣе двухъ шиллинговъ, да и тѣ тотчасъ же раздавалъ бѣднымъ, говоря, что онъ не имѣетъ ни въ чемъ нужды, что Богъ самъ о немъ позаботится,—что онъ раскался въ своемъ преступленіи, и надѣется, что Богъ проститъ его, такъ какъ онъ совершилъ грѣхъ по невѣдѣнію... Его никогда не видали, чтобы онъ смѣялся. Въ каждой странѣ онъ говоритъ на томъ языкѣ, на которомъ тамъ говорятъ. Когда онъ жилъ въ Гамбургѣ и въ Данцигѣ, изъ многихъ мѣстъ приходили люди, чтобы его видѣть...“ [Bibliothek der Deutschen Klassiker Zweiter Band. Hildburghausen, 1861, SS. 707—711].

Какъ было замѣчено нами въ биографическомъ очеркѣ поэта,—мысль обработать легенду о „странствующемъ жилдѣ“ возникла у Жуковскаго уже въ 1831 году; къ этому времени относится сохранившийся въ бумагахъ поэта небольшой отрывокъ, помѣщенный нами въ началѣ. Снова возвращается онъ къ этой мысли въ нач. 1840 г.; но окончательно приступаетъ къ этому произведенію лишь за 9 мѣсяцевъ до смерти... На одной изъ рукописей поэмы въ началѣ помѣчено: *начато 8/20 июля 1851 года въ Баденѣ*. Мы видѣли, съ какими усиліями писалъ престоарблѣй, полуслѣбный поэтъ это послѣднее свое произведеніе. Что валицу съ закрытыми глазами, то мнѣ читаетъ вслухъ мой камерднеръ и поправляетъ по моему указанію. Въ связи же читать не могу безъ него...“ Поэма осталась неоконченною; мѣстами самыя стихи написаны какъ бы чернѣй...

Помѣщаемы ниже два переложенія изъ *Апокалипсиса*—отрывки, входившіе первоначально въ поэму „Странствующій жилдъ“; обширность ихъ заставила поэта выдѣлать ихъ изъ поэмы,—для которой подѣ конецъ написано было имъ въ третій разъ лишь самый сокращенный пересказъ *Апокалипсиса*...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.		СТР.
Гомерова Одиссея, пѣсни XVI—XXIV.	3	Изъ Апокалипсиса.	115
Странствующій жидъ.	96	Примѣчанія	126

F

24.157/7-12